

ОСНОВЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

О.Н. Чарыкова, З.Д. Попова, И.А. Стернин.
Основы теории языка и коммуникации.
Учебное пособие. М.: Флинта, 2010.

Тема 1. ЯЗЫКОЗНАНИЕ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Языкознание как наука

Языкознание (синонимы— *языковедение, лингвистика*) — это наука о естественном человеческом языке вообще и обо всех языках мира как отдельных его представителях. В течение многих веков лингвистика являлась частью филологии — науки, которая изучала тексты и прежде всего древние. Со временем внутри филологии выделилось два направления: литературоведение, т.е. изучение художественных текстов, и лингвистика, т.е. изучение языков. Труды по лингвистике известны с древности, а последние два столетия были эпохой её активного развития, в результате которого возникли и сформировались многочисленные направления этой науки.

Аспекты изучения языка и разделы языкознания

Все языки человечества являются средством общения людей; их устройство и функционирование определяются особенностями устройства и функционирования человеческого мозга, органов речи и слуха, которые одинаковы у всех людей. Возникновение и развитие языков также зависит от общих для всех народов основных закономерностей социально-экономического и культурно-исторического развития. Это обуславливает наличие в системах разных языков универсальных черт, то есть таких, которые встречаются в каждом человеческом языке (например, наличие гласных и согласных звуков, членение на слоги, общение посредством предложений-высказываний и др.). Поэтому языкознание подразделяется на *общее и частное*.

Общее языкознание занимается свойствами, присущими любому языку, и строит теорию, применимую к разным языкам. Оно стремится определить сущность и природу языка, выяснить происхождение языков и общие законы их развития и функционирования, дать классификацию языков, а также разрабатывает методы их исследования.

Частное языкознание всесторонне изучает какой-нибудь один язык или группу языков, близких по происхождению и/или географическому положению. Например, русистика изучает русский язык, романистика —

родственные романские языки (французский, итальянский, испанский, румынский, молдавский и др.), германистика – германские языки (немецкий, английский, шведский, датский и др.).

Частное языкознание может быть *синхроническим* и *диахроническим*.

Синхроническая лингвистика (от греч. «syn» – «вместе» и «chronos» – «время») – это описание языка в определённый момент его существования, относящийся к любой эпохе. Например, можно исследовать русский язык начала XXI века вне какой-либо связи с его историей, и это будет синхроническое описание. Синхроническим может быть и описание древнерусского языка XII века, если оно проводится без какого-либо сопоставления с языком более ранней или более поздней эпохи, например, XI, XIII или XXI веков.

Диахроническая лингвистика (от греч. «dia» – «через», «сквозь» и «chronos» – «время») рассматривает факты языка в историческом аспекте, в хронологической последовательности, то есть изучает язык в развитии. Диахроническим, например, будет исследование формирования и развития системы падежей в русском языке.

Общее и частное языкознание тесно связаны между собой. Теоретические знания рождаются в процессе практического изучения конкретных языков. Результаты этих исследований служат базой для выявления и осмысления наиболее важных общетеоретических проблем. В свою очередь полученные теоретические выводы оказывают влияние на совершенствование принципов и методов изучения конкретных языков. Чтобы лучше разобраться в истории, устройстве и функционировании отдельного языка, необходимо понимать общие законы происхождения и развития, устройства и функционирования человеческих языков вообще: ведь каждый язык – только часть общей языковой картины человечества. Вот почему изучение конкретного языка – русского, английского, испанского, арабского, японского и любого другого – обязательно дополняется изучением теоретических проблем, которые рассматривает общее, или теоретическое, языкознание.

Поэтому изучение отдельных языков и групп языков (русистика, германистика, индология, арабистика и т.д.), то есть частное языкознание, и теория языка находятся в постоянном взаимодействии: все новое, что находят лингвисты в изучаемых языках, сразу же осмысливается и входит в теорию языка; каждое новое теоретическое достижение широко входит в практику исследования конкретных языков, отражается на трактовках и определениях, ведет к изменениям в изучении и преподавании языков.

Принято также выделять *теоретическое* и *прикладное* языкознание.

Полученные в теоретическом языкознании общие, фундаментальные сведения о языке прикладное языкознание использует с практической целью в различных сферах человеческой деятельности: в медицине, психологии, технике, преподавании языков, переводе, создании письменности для бесписьменных народов, рекламе, лингвистической экспертизе текстов и т.д.

Языкознание как наука включает ряд отдельных дисциплин, среди которых можно выделить дисциплины, изучающие внутреннее устройство языка, и дисциплины, исследующие функционирование языка в обществе.

К числу первых относятся, например, фонетика, лексикология и грамматика. *Фонетика* изучает звуки речи и интонацию, *лексикология* – словарный запас языка, *грамматика* исследует устройство слова (*морфология*) и устройство предложения (*синтаксис*).

К числу дисциплин, связанных с функционированием языка в обществе, относится прежде всего социалингвистика. *Социалингвистика* – это особое направление в языкознании, изучающее воздействие социальной среды на язык и речевое поведение людей. Социалингвистику интересует, как люди используют языковые единицы: как влияют на особенности употребления языка возраст, пол, социальное положение человека, его образование, общий культурный уровень, место жительства и другие внешние по отношению к языку факторы.

Во второй половине XX века возник ряд других новых разделов языкознания: *лингвистика текста*, которая изучает организацию и функционирование целых текстов; *психалингвистика*, изучающая язык в его связи с психикой человека; *когнитивная лингвистика*, предметом изучения которой является язык как средство хранения и упорядочения знаний о мире; *математическая лингвистика*, которая изучает язык с целью приспособления его для общения с компьютером, *фоносемантика*, исследующая восприятие человеком тех или иных звуков языка, *нейролингвистика*, изучающая речевые функции мозга, *этнолингвистика*, исследующая связь языка с национальными особенностями мышления и поведения народа, и ряд других лингвистических дисциплин.

Все указанные направления существуют в тесном взаимодействии друг с другом и помогают лучше понять язык – сложное и многообразное явление.

Место языкознания среди других наук

Языкознание входит в круг гуманитарных дисциплин, связанных с изучением человека и человеческого общества, и взаимодействует с ними.

Самые тесные и древние связи у языкознания с *филологией*, составной частью которой оно является, а также с философией, логикой, историей.

Для *философии* важнейшим является вопрос о языке как инструменте мышления и познания, этот аспект изучается и в языкознании. В свою очередь, философия дает языкознанию общие методологические принципы изучения языка, обосновывает требования всесторонности в исследовании объекта, историзма, конкретности, практической проверки результатов.

Соотношение логических форм мышления с языковыми формами их выражения – проблема, общая для языкознания и *логики*, с которой лингвистика связана еще со времен Аристотеля.

На стыке *истории* (науки о процессах изменения социальных структур общества) и лингвистики возникла глубоко разработанная дисциплина –

историческая лингвистика. Тесно взаимодействуют с языкознанием и другие науки исторического цикла.

Так, благодаря *археологии* обнаружены многие памятники письменности, например, берестяные грамоты древнего Новгорода. *Этнография* разрабатывает общие принципы функционирования языка в обществах разных типов. Изучая тот или иной язык, лингвист не может не привлекать данные о быте и культуре говорящего на нем народа.

Языкознание как наука о языковом общении тесно связано с *социологией* – наукой о закономерностях развития и функционирования общества.

Естественный язык – это знаковая система, поэтому языкознание часто рассматривается как одна из важнейшая ветвей *семиотики* – науки о знаках и знаковых системах.

Таким образом, между языкознанием и науками гуманитарного цикла существует тесная взаимосвязь.

Языкознание связано также и с *естественными* науками. Древнейшей является связь языкознания с *физиологией*, которая изучает устройство речевого аппарата, образование в нем звуков речи, восприятие звуков органами слуха. Связано языкознание с одним из разделов *физики* – акустикой, уже в Древней Греции звуки речи изучались с точки зрения их высоты, силы и длительности, т.е. на акустической основе. Кроме того, языкознание связано с *биологией*, одной из значимых теорий которой является теория эволюции, с *математикой*, позволяющей разрабатывать статистическую теорию языка, и с другими естественными науками.

Таким образом, языкознание имеет связи практически со всеми областями современного знания.

Тема 2 ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА И ПИСЬМА

Теории происхождения языка

Вопрос о происхождении языка волновал человечество с давних времён. Его пытались решить учёные Древней Греции, Китая, Индии, Египта. Решали эту проблему и в последующие века. Однако полной ясности до сих пор достичь не удалось. Почему? Потому что единственным свидетелем этого процесса, является сам язык, но он уже так изменился, что реконструировать его «детство» можно только гипотетически.

Бесспорно, что вопрос о происхождении языка неразрывно связан с вопросом о происхождении человека и человеческого общества.

Древней мифологической теории возникновения языка (язык дан человеку Богом) противостоят научные теории, которые пытаются объяснить возникновение языка различного рода естественными, материальными причинами.

Среди условий, в которых развивался язык, были факторы, связанные с эволюцией человеческого организма, и факторы, связанные с превращением человеческого первобытного стада в общество. Поэтому все существующие

научные гипотезы о происхождении языка (по тем признакам, которые признаются определяющими в его возникновении и развитии) можно условно разделить на две основные группы – биологические и социальные.

Биологические теории происхождения языка

Биологические теории объясняют происхождение языка эволюцией человеческого организма – органов чувств, речевого аппарата и мозга. Положительным в этих теориях является то, что они рассматривают возникновение языка как результат длительного развития природы, отвергая тем самым одномоментное (божественное) происхождение языка. Наиболее известными среди биологических гипотез являются звукоподражательная и междоментная.

Звукоподражательная теория объясняет происхождение языка эволюцией органов слуха, воспринимающих природные шумы. Согласно этой точке зрения, язык появился благодаря тому, что человек научился повторять звуки, которые он слышал вокруг. Вплоть до XIX века многие ученые полагали, что все слова возникли из неосознанного стремления древнего человека к подражательному воспроизведению шума ветра, плеска и журчания воды, криков животных. На первый взгляд может показаться, что эта теория верна. Ведь во всех языках есть звукоподражательные слова, например: *гав-гав*, *ку-ку*, *дзинь*, *бац* и так далее. Более того, звукоподражания могли становиться источником образования полнозначных слов: *гавкать*, *кукушка*, *кукарекать*, *мяукать*.

Но если бы эта теория была верна, то люди на всём земном шаре должны были бы какие-то простые вещи называть одинаково или по крайней мере похоже. Так, кажется, что чихание в разных языках должно изображаться одинаковыми звуками. На самом же деле в одних языках (родственных друг другу) эти слова сходны между собой, а в других совершенно различны. Вот несколько примеров: английский – *атчу*, испанский – *атчис*, немецкий – *хатши*, русский – *апчи*, французский – *атишуэн*. Это в близких языках. А японски – *гу-гу*, в Индонезии – *вахинг*. Значит, звукоподражательные слова получают звуковое оформление в соответствии со сложившимся фонетическим строем конкретного языка. Кроме того, звукоподражательных слов в языках сравнительно немного. Следовательно, данная теория не в состоянии объяснить происхождение языка.

Междоментная теория состоит в том, что первыми словами были произвольные выкрики, междометия, связанные с выражением эмоций человека, обусловленных болью, голодом, страхом, радостью. Вот как выразительно пишет об этом американский лингвист Франклин Фолсом: «Ух!» – может быть, так воскликнул однажды доисторический охотник, швырнув наземь оленя, которого он притащил в стойбище. А члены его семьи, может быть, стали повторять этот звук каждый раз после тяжёлой работы. «Ого!» – так, может быть, сказала дочь охотника, увидев, какого большого оленя принёс отец. «Уф!» – может быть, этот звук выдохнула жена

охотника, разделывая оленя не слишком острым камнем за неимением ножа. «Ай!» – могло вырваться у её маленького сына, когда он выхватил кусок горячего мяса прямо из огня и обжёгся». Следовательно, считали сторонники этой теории, человек передавал свои ощущения междометиями, которые закрепились в определённой ситуации и в ходе дальнейшего развития стали едиными для всех членов данного сообщества, превратившись в слова. Однако большинство слов языка, называющих предметы и явления, никак не связано с междометиями.

Социальные теории происхождения языка

Данные теории объясняют появление языка общественными потребностями, возникшими в процессе труда и в результате развития человеческого сознания. К социальным теориям развития языка относятся теория социального договора и теория трудовых выкриков. В теории *социального договора*, впервые предложенной античным философом Диодором Сицилийским и получившей широкое распространение в XVIII веке, язык рассматривается как сознательное изобретение людей на определённом этапе развития человеческого общества: люди придумали язык, когда он им понадобился. Но ведь для того, чтобы договориться о чём-то, нужно было бы уже иметь какое-то средство общения, то есть язык. Следовательно, данная теория не может объяснить происхождение языка. Формирование языка могло осуществляться только постепенно.

В конце семидесятых годов XIX века философ Л. Нуаре выдвинул так называемую трудовую теорию происхождения языка, или теорию *трудовых выкриков*. Он справедливо подчёркивал, что при совместной работе выкрики и возгласы облегчают и организуют трудовую деятельность. «Когда женщины прядут, а солдаты маршируют, – писал Нуаре, – они любят сопровождать свою работу более или менее ритмическими возгласами. Эти выкрики, вначале произвольные, постепенно превратились в символы трудовых процессов. Первоначально язык был набором глагольных корней». Эта теория, по сути, является вариантом междометной. В процессе совместной деятельности подобные выкрики, видимо, имели место, но маловероятно, что язык в целом развился из звуков, имеющих инстинктивный характер.

Трудовая теория происхождения языка получила дальнейшее развитие в работе Ф. Энгельса «Диалектика природы» в главе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». В этой работе возникновение языка представлено как очень длительный и очень сложный процесс, вызванный рядом причин. Ф. Энгельс связывает возникновение как человека, так и языка с процессом труда. «Развитие труда, – пишет он, – по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность*

что-то сказать друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путём модуляции для всё более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим». И далее: «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который при всём своём сходстве с обезьяньим далеко превосходит его по величине и совершенству».

Ф. Энгельс подчеркивает, что вопрос о происхождении языка неотделим от вопроса о происхождении человека. Поэтому для решения этой проблемы требуется привлечение данных таких наук, как этнография, антропология, археология, палеонтология и общая история, что нашло отражение в *биосоциальной* теории происхождения языка.

Изучение коммуникативных систем животных вообще и человекообразных обезьян в особенности позволило ученым в последние десятилетия XX века прийти к пониманию *естественного происхождения* человеческого языка из коммуникативных систем человекообразных обезьян. Современные приматы имеют до 300 сигналов вербального и невербального характера, которыми они эффективно пользуются в повседневном взаимодействии друг с другом. В процессе эволюции человекообразной обезьяны эта система не исчезла, а усовершенствовалась, поскольку развитие мозга человека в результате труда требовало усложнения форм взаимодействия человеческих особей, что и стимулировало количественное увеличение сигналов и их специализацию. В речи первобытного человека были и междометия, и звукоподражания, и трудовые выкрики – все эти элементы вошли впоследствии в развивавшийся и совершенствовавшийся язык человека и стали его компонентами. Современный язык человечества – это система коммуникативных сигналов первобытных людей, унаследованная ими от обезьяньих предков и усовершенствованная в процессе эволюции.

Вопрос об этапах формирования человеческого языка

Данные антропологии, археологии и истории помогают воссоздать некоторую последовательность процесса развития языка человека. До недавнего времени было принята следующая трактовка этого процесса.

Около двух миллионов лет назад жили австралопитеки (от лат. *australis* – южный и греч. *pithekos* – обезьяна). По ископаемым останкам можно судить, что они уже передвигались по земле, их передние конечности служили для хватания предметов, объем мозга был равен приблизительно шестистам кубическим сантиметрам. Это еще обезьяна, а не человек. Австралопитеки пользовались сигналами животных.

Около пятисот тысяч лет назад Землю населяли питекантропы (от греч. *pithekos* – обезьяна и *anthropos* – человек). Это уже древний человек, он начал изготавливать орудия труда, объем мозга был равен девятистам кубическим

сантиметрам, речь еще не была членораздельной, но она сопровождала совместный труд, охоту и другую совместную деятельность.

Около трехсот тысяч лет назад жил неандерталец (это слово происходит от названия долины Неандерталь в Германии). Объем мозга неандертальца составлял уже тысячу четыреста кубических сантиметров, но самое главное, что появилось в результате эволюции, – это так называемый «голосовой мускул», который представлял собой маленький мышечный отросток, прикрепленный к голосовым связкам и заставляющий их работать по сигналу из мозга. Именно поэтому у неандертальца могли появиться зачатки членораздельной человеческой речи, которая предполагает способность человека вычленить из повторяющегося потока звуков отдельный звук, произнести его изолированно, наполнив отдельным смыслом. Этой способностью не обладает ни одно животное в мире.

Около ста (по другим данным пятидесяти) тысяч лет назад жил кроманьонец (слово происходит от названия грота Кро Маньон во Франции). Внешне кроманьонцы, останки которых находили во всех частях света, представляли собой уже современного человека, который владел членораздельной человеческой речью.

Вместе с тем в последнее время всё большее число учёных подвергает сомнению представленную выше трактовку, основу которой составляет эволюционная теория английского биолога Роберта Чарльза Дарвина (1809 – 1882). Главная причина этих сомнений заключается в том, что, по последним данным археологии, чёткой хронологической последовательности между существованием разновидностей описанных выше предполагаемых предков человека не выявлено, связь между отдельными звеньями отсутствует. Более того, последние научные данные свидетельствуют: предположение, что неандерталец был промежуточным звеном между австралопитеком и кроманьонцем, ошибочно, поскольку на одной и той же территории Восточной Европы обнаружили захоронения неандертальцев и *Homo sapiens* (Человека разумного), разница во времени между которыми составляет всего несколько десятков тысяч лет. В разных частях Земли обнаружено множество окаменелых останков различных гоминидов, но какое отношение они имели друг к другу и кто из них был непосредственным предком человека, пока с точностью не установлено. По меткому замечанию журнала *Nature*, если раньше эволюция человека внешне напоминала лестницу, то теперь она больше похожа на куст. На основе этих данных всё более широкое распространение получает точка зрения о том, что на роль будущего человека могло претендовать несколько популяций гоминидов.

Рассмотрев факторы, связанные с развитием человека, следует более подробно остановиться на развитии человеческого языка. Учёные предполагают, что развитый звуковой язык существует на Земле приблизительно пятьдесят тысяч лет. Б.В. Якушкин считает, что первой собственно человеческой, хотя и примитивной формой речи первобытного человека были слова-команды, родившиеся под давлением необходимости управлять первобытным коллективом. Почему? Охота и собирательство,

являясь коллективными формами труда, не могли осуществляться без использования какой-нибудь системы передачи сообщений. Сигналы об опасности, о направлении движения, о способе более эффективного действия – необходимое условие такой деятельности.

В условиях «поумнения» животных, которые стали избегать встречи с человеком, при плохом качестве оружия, смертельный риск на охоте и коллективный (требующий управления) её характер вынуждали человека планировать охоту, заранее готовиться к ней. Подготовка к охоте и нападению на враждебное племя должна была, очевидно, состоять как минимум в распределении ролей между охотниками-воинами, в обучении при необходимости нужным действиям, в распределении действий во времени (какие из них должны выполняться одновременно, какие последовательно).

Именно те племена, у которых объем подготовки будущей деятельности был достаточно большим, стали значительно прогрессировать в своём социальном и интеллектуальном развитии, поскольку явная, очевидная эффективность этой деятельности вызывала стремление к ещё большей эффективности. Те же племена, которые относились к подготовке без должного внимания и у которых охота носила индивидуальный характер, развивались замедленно или вырождались. Так, у сохранившихся до наших дней некоторых отсталых народностей слабо выражено как хранение прошлого опыта, так и планирование будущей деятельности.

Современные научные данные позволяют прийти к выводу, что язык развивается в процессе труда из необходимости регулировать поведение людей в сообществе, необходимости координировать их действия и необходимости планировать совместные действия. Язык развивается как средство общения, средство передачи мысли в процессе совместной деятельности.

Происхождение и развитие письма

Около 6000 лет тому назад, гораздо позднее, чем звуковой язык, возникло *письмо* – система начертательных знаков, используемых для фиксации речи. Возникновение письма было связано с необходимостью общения на больших расстояниях и необходимостью хранения и передачи знаний будущим поколениям.

Подлинная история человеческой письменности начинается с так называемого *начертательного* письма, т.е. письма, использующего графические знаки (картинки, значки, буквы, цифры). До его появления люди передавали сообщения с помощью различных предметов, т.е. пользовались *символической и условной сигнализацией*.

Широко известно *предметное письмо*, где каждый предмет что-либо обозначал: стрела – убивать, камень – крепость, прочность и т.д. В качестве примера такого письма часто приводят описанное древнегреческим историком Геродотом в V веке до н. э. послание скифов. Скифы направили

персидскому царю Дарию, с которым они воевали, письмо, состоявшее из птицы, лягушки, мыши и пучка стрел. Жрецы Дария прочитали это послание примерно так: «Если вы, персы, не можете летать, как птицы, скакать по болотам, как лягушки, прятаться в землю, как мыши, то вас ждёт гибель от наших стрел». Сложное предметное письмо до сих пор сохранилось у некоторых народов Африки.

Более высокую ступень предметного письма представляет собой *условная сигнализация*, в которой предметы использовались лишь как условные знаки. Такая система сообщений требует предварительной договоренности людей о значении предметов. Наиболее известным примером письма условными знаками является перуанское письмо древних инков – *кипу*, представляющее собой систему шнуров из шерсти разного цвета с завязанными на них узлами. Сообщение передавалось посредством варьирования формы узлов и цвета нитей.

В Европе был распространен такой вид условного письма, как *бирки с зарубками*. У восточных славян они назывались «памятными дощечками», или «но́сами», т.к. люди всюду носили их с собой. Отсюда пошло выражение «зарубить на носу», т.е. крепко запомнить.

Предметная символика является предысторией письма.

Основные этапы истории начертательного письма

Как уже указывалось, собственно письмо, то есть начертательное, связано с использованием графических знаков. Традиционно выделяют 4 типа начертательного письма: пиктографическое, идеографическое, слоговое и буквенное (или буквенно-звуковое). Особенности каждого из них определяются тем, какие элементы звукового языка – целые сообщения, отдельные слова, слоги или фонемы – служили единицей письменного обозначения. Более поздний по времени возникновения тип письма представляет собой более высокую ступень в его развитии по сравнению с предыдущими и может включать элементы другого типа. В научной литературе отмечается, что не каждый народ проходил все указанные этапы развития письменности. Например, в Китае до сих пор используют идеографическое письмо, а народы Крайнего Севера от пиктографии сразу перешли к буквенно-слоговому типу.

Первый исторический тип письма – это *пиктографическое*, то есть рисуночное *письмо* (от лат. *pictus* – нарисованный, греч. *grapho* – пишу), при котором содержание сообщения передаётся посредством рисунка или последовательности рисунков. Знаки пиктографического письма называют *пиктограммами*. Некоторые пиктограммы читаются с трудом, особенно те, которые служат для выражения отвлеченных понятий. В учебной литературе в качестве типичного примера пиктограммы часто приводят «дневник эскимоса-охотника», который читается так: «Человек пошел на охоту, добыл шкуру зверя, затем другую, охотился на моржа, поехал на лодке к другим охотникам, заночевал». Эта пиктограмма представляет собой расположенные

в ряд схематические рисунки: фигура человека, человек с палкой над головой, человек, шкура, человек, шкура, человек, человек, морж, человек, лодка с двумя фигурами, чум (жилище эскимосов).

Ряд народов создал сложные системы пиктографического письма, в которых пиктограммы в отличие от обычных рисунков получают условный характер и постоянное значение. Но в силу таких недостатков пиктографического письма, как возможность разных толкований одного и того же сообщения и малой приспособленности к передаче абстрактных понятий оно перестало удовлетворять потребности письменного общения и стало основой для появления более совершенной системы передачи сообщений – идеографической.

Идеографическим (от греч. *idea* – понятие + *grapho* – пишу) называется письмо, при котором графический знак (в виде условного изображения или отвлеченного рисунка) служит символом, знаком понятия, передает круг значений взятых в любой грамматической форме различных слов, которые могут быть соотнесены с обозначаемым понятием. Например, знак, изображающий ногу, может иметь значение «ходить», «стоять», «приносить» и т.п. Знаки идеографического письма называют *идеограммами*. В отличие от пиктограммы, которая фиксирует сообщение целиком, графические знаки в этом виде письма фиксируют и передают сообщение пословно, отражая и порядок слов.

Идеограммы имеют устойчивое начертание и одинаковый для всех пишущих набор (состав). Первая ступень развития идеографического письма – *рисунчатая идеография*, когда рисунок мог иметь два значения – прямое и более абстрактное, переносное. Так, рисунок пчелы мог обозначать пчелу и трудолюбие, изображение ног – ноги и понятие «идти», рисунок глаза – глаз и зрение.

Высшим этапом в развитии идеографии является *иероглифическое* письмо. Считается, что оно возникло в Египте около IV тысячелетия до н.э. Не менее древней является еще одна разновидность идеографического письма – шумерское клинописное письмо, возникшее в Месопотамии и распространившееся по всей Передней Азии. Материалом для этого письма служили глиняные плитки, на которых при помощи деревянного или тростникового резца выдавливались графические знаки, по форме напоминавшие клинья, что и определило название «клинопись».

Идеографическое письмо оказалось довольно устойчивым. Оно закрепилось в Китае, где существует уже более 3,5 тысяч лет. В современных словарях китайского языка насчитывается от 40 до 60 тысяч иероглифов, что делает китайское письмо весьма сложным для усвоения.

Слоговое, или syllabическое, письмо – это такая разновидность письма, в которой каждый графический знак служит для передачи слога. Графические знаки слогового письма называют *силлабемами* (от греч. *syllabē* – слог). Оно возникло во II – I тысячелетии до н.э.

Слоговое письмо, являясь более удобным и лёгким для обучения, чем идеографическое, все-таки имеет свои недостатки – большое количество

силлабем (до 200) и трудности в обозначении смежных и конечных согласных слога. Поэтому в большинстве культур на смену ему пришло буквенное письмо.

Буквенно-звуковое письмо – это письмо, при котором графический знак, как правило, обозначает отдельный звук речи. Графическими знаками этого письма являются буквы. В настоящее время у большинства народов данный тип письма является основным. Древнейшая разновидность буквенно-звукового письма – *консонантное письмо*. Его появление относится ко второй половине II тысячелетия до н.э. В этом типе письма графическими знаками обозначались только согласные звуки. Гласные не имели отдельных букв и примысливались при чтении, что затрудняло понимание.

Следующим этапом в развитии буквенно-звукового письма стало *вокализованно-звуковое письмо*, в котором графическими знаками стали обозначать не только согласные, но и гласные звуки. Оно возникло в начале I тысячелетия до н.э. в Древней Греции. К IV в. до н.э. у греков уже был алфавит, который состоял из 24 букв для обозначения 17 согласных и 7 гласных звуков. На греческой основе сложилось и латинское вокализованное письмо, и кириллица, а затем и русский алфавит.

Простота в употреблении и тесная связь с фонетикой делает буквенно-звуковое письмо наиболее удобным видом письма.

Специализированные системы письма

К числу специализированных систем письма, обслуживающих профессиональные потребности, относят транскрипцию и транслитерацию. *Транскрипция* – это особая система письма, применяемая для точной передачи звукового состава речи. Для этого используют особые наборы знаков – фонетические алфавиты с дополнительным набором транскрипционных значков (например, знак мягкости – запятая справа от буквы [л']).

Транслитерация – передача слов одного языка графическими знаками другого языка. Особенно важна транслитерация при передаче имен собственных, фамилий, названий городов, рек, стран и т.д. При транслитерации учитывается как написание, так и произношение слов. Транслитерация, в отличие от практической транскрипции, ориентируется не на какой-либо национальный алфавит, а на международные системы правил, разрабатываемые Международной организацией стандартов.

Тема 3 Язык как общественное явление

Природа и сущность языка

В повседневной жизни люди не задумываются над тем, что такое язык, каковы его основные признаки, свойства, функции. Но и лингвистическая наука далеко не сразу смогла дать теоретическое определение языка, понять, в чём состоит его сущность.

На первый взгляд может показаться, что способность к речевой деятельности, умение пользоваться языком – это биологическое, то есть врождённое свойство человека. Согласно этой точке зрения ребёнок овладевает речью так же естественно, как он выучивается есть, пить, ходить и так далее. Такое мнение возникло потому, что овладение языком кажется очень простым. Ведь ребёнок, которого никто специально не обучает, сам начинает говорить и в возрасте от полутора до трёх лет практически овладевает средствами языка. Этот факт и привёл людей к мысли, что младенец появляется на свет уже со знанием какого-либо языка. Причём считалось, что если изолировать его от общества, то он должен заговорить на *правильном* языке – том естественном, истинном, первородном языке, знание которого уже заложено в нём природой, без вмешательства людей.

Желание установить язык, на котором могут заговорить дети без вмешательства взрослых, породили целую цепь опытов, которые традиционно называют «царскими экспериментами». Они заключались в том, чтобы изолировать только что родившегося младенца от людей и ждать, на каком языке он рано или поздно заговорит. При этом надеялись также установить, какой из существующих языков является самым древним, самым главным, то есть таким, от которого постепенно образовались все другие языки.

Сохранились письменные свидетельства, что такие эксперименты проводились не раз, начиная с VII – V веков до нашей эры. Все они дали отрицательный результат: если дети в таких жестоких условиях и выживали, то чаще всего не могли произносить человеческих слов. Вот как, например, пишет об этом в I веке н.э. римский учитель риторики Квинтилиан: «...по сделанному опыту воспитывать детей в пустынях немymi кормилицами доказано, что дети сии, хотя и произносили некоторые слова, но говорить связно не могли».

В XIII веке эксперимент повторяет германский император Фридрих II. Дети умерли, не заговорив. В XVI веке индийский падишах Акбар решил проверить утверждение своих мудрецов о том, что каждый ребёнок сам собою начинает говорить на языке своих отцов, даже если никто не учит его этому. Двенадцать младенцев разных национальностей вместе с немymi кормилицами и немым привратником заключили в башню, ключ от которой падишах всегда носил на своей груди.

Когда дети достигли определённого возраста (по одним источникам – семилетнего, по другим – двенадцатилетнего), Акбар велел привести их во дворец, куда созвал людей, знающих разные языки, чтобы можно было установить, на каком языке заговорят маленькие узники. Но дети не говорили ни на одном языке. Такие эксперименты показали, что без общения с другими людьми, вне человеческого общества ребёнок не может научиться

человеческому языку. Это подтверждается и сообщениями о детях, найденных в звериных логовах.

Сейчас наука располагает достоверными фактами, которые свидетельствуют о том, что если дети с самого раннего детства развиваются вне общества, то они остаются на уровне развития животных. У них не только не формируются речь и мышление, но и их движения ничем не напоминают человеческие; достаточно сказать, что они не приобретают даже свойственной людям вертикальной походки. Известно около сорока случаев, когда маленькие дети попадали к животным и росли среди них. Чаще всего возвращать детей двух – трёхлетнего возраста удаётся волкам, которые могут кормить своих человеческих приёмшей полупереваренной отрыжкой съеденного сырого мяса. Например, в 1920 году в Индии в джунглях нашли двух девочек восьми и полутора лет, которые, видимо, были похищены волчицей. Они вели себя как волки: передвигались на четырёх ногах, могли есть только молоко и сырое мясо; питьевую воду лакали, как собаки; прежде чем взять в рот пищу, тщательно её обнюхивали, боялись огня и способны были чутя запах свежего мяса на расстоянии до семидесяти метров.

Девочки не умели смеяться, совершенно не умели разговаривать, по ночам выли, как волки. Ко всем людям относились враждебно, скалили зубы, если к ним кто-нибудь приближался. Младшая вскоре умерла, так и не приспособившись к новым условиям существования. Старшая прожила до 1929 года, находясь под наблюдением учёных. За всё это время она не усвоила и пятидесяти слов. В возрасте 16 лет девочка вела себя как четырёхлетний ребёнок. Описаны и другие случаи подобного рода.

Следовательно, дети, оказавшиеся на воспитании у животных, не могут научиться ни говорить, ни мыслить, ни поступать как человек. Приведённые факты доказывают, что язык – явление не биологическое, а общественное, социальное. Человек овладевает речью в том коллективе, в котором растёт и воспитывается.

Биологически в процессе эволюции у человека сформировалась только возможность овладения языком – ее называют речевой способностью. *Речевая способность* – это получаемая ребенком «по наследству» от человеческих предков способность в младенческом возрасте овладеть любым языком. Современные люди независимо от их этнической принадлежности в детстве обладают равными возможностями для усвоения любого языка. Язык – достояние общества, и овладеть речью на том или ином языке человек может только в обществе. Допустим, что африканский мальчик в грудном возрасте был усыновлён русской семьёй. На каком языке он заговорит? Конечно, на русском. И хотя во внешнем облике ребёнка не будет ничего общего с приёмными родителями, потому что цвет кожи, курчавость волос, форму губ и разрез глаз мальчик унаследует у своих настоящих родителей, говорить он будет по-русски.

Следовательно, язык только потому и существует, что существует человеческий коллектив. Он возник в обществе людей, которые хотели что-то сказать друг другу, передать соплеменникам какую-то нужную

информацию, и прошёл длительную эволюцию от примитивных коммуникативных сигналов первобытного человека до его современного состояния. Язык – это исторически сложившаяся система материальных (акустических) знаков, служащих для общения. Без языка люди не могут понять друг друга, согласовать свои действия, не могут наладить производство необходимых для жизни материальных благ.

Таким образом, язык – это явление общественное, а не биологическое. Специфика языка как общественного явления определяется его ролью в жизни общества, выполняемыми им функциями.

Функции языка

Слово «функция» обычно употребляется в смысле «производимая работа, назначение, роль». Основная роль языка – быть средством общения. Ведь, как известно, язык и возникает из потребности людей «что-то сказать друг другу». Поэтому определяющей, основной функцией языка как общественного явления является *коммуникативная* (от латинского *communicatio* – общение). Посредством языка люди обеспечивают взаимопонимание, делают доступными для других свои мысли, чувства, желания.

Являясь главной, господствующей, коммуникативная функция подчиняет себе остальные, которые выступают как *частные* функции языка. Наиболее значимыми из них являются следующие.

Номинативная – функция обозначения средствами языка предметов и явлений внешнего мира. Люди назвали словами всё, что обнаружено ими во Вселенной, и продолжают давать наименование каждому вновь созданному предмету или только что открытому объекту, явлению и процессу.

Когнитивная (познавательная). С помощью языка человек познает окружающий мир. В процессе обучения на том или ином языке через устные и письменные тексты человек получает сведения о мире. Язык формирует и организует знания человека, запечатлевает их в его сознании.

Аккумулятивная (накопительная) функция. Язык позволяет сохранять накопленную человечеством информацию. В текстах, книгах, на аудио- и видеокассетах, лазерных дисках сегодня содержится огромный объем облеченной в языковую форму информации, которая именно в языковом виде передается от поколения к поколению.

Эмотивная функция. Язык является средством выражения эмоций. Благодаря этой функции речь способна передавать отношение говорящего или пишущего к содержанию сообщения, эмоциональную реакцию на ситуацию. Эмотивная функция ярче всего проявляется в междометиях и интонации.

Эстетическая функция проявляется в том, что речь в плане её оформления и звучания может восприниматься как воплощение категорий *прекрасное / безобразное*. Отдельное слово, словосочетание, фраза могут нравиться или не нравиться, восхищать своей точностью, осмысленностью,

красотой или, наоборот, вызывать отрицательную оценку. Эстетическая функция наиболее полно реализуется в художественных текстах – в них язык выступает как средство создания эстетического, прекрасного объекта (то есть художественного произведения как объекта культуры).

Метаязыковая функция служит для того, чтобы исследовать и описывать язык средствами самого языка. Например, выясняя, что значит то или иное слово, и получая его толкование, мы используем язык в метаязыковой функции. Она широко используется в период усвоения ребёнком родного языка и в процессе обучения иностранному языку. Метаязыковая функция реализуется во всех устных и письменных высказываниях о языке – в том числе на уроках по языку и лекциях по языкознанию, в грамматиках, словарях, в учебной и научной литературе о языке.

Это наиболее важные функции языка. Следует отметить, что разные учёные выделяют разное количество функций (до двадцати пяти). И данный вопрос ещё не получил однозначного решения. При этом большая часть исследователей, как уже указывалось, рассматривает в качестве главной и определяющей коммуникативную функцию, а все остальные считает частными случаями её проявления. На этом основании профессор Н.Б. Мечковская утверждает, что коммуникативная функция – это функция языка, а все остальные (кроме познавательной) – функции речи, так как проявляются только в ситуации общения. Как же соотносятся между собой понятия «язык» и «речь»?

Язык и речь

Известно, что в мире существуют разные языки: русский, английский, китайский и т.д. А как можно узнать, какой это язык? По тому, как он звучит и как пишется. То есть через его употребление, использование людьми в устном или письменном общении. Но в каждом случае общения используются не все средства языка, а только их часть. Сам же язык находится в сознании его носителей. На этот факт обращали внимание разные исследователи, в том числе и швейцарский учёный Фердинанд де Соссюр (1857 – 1913), один из создателей теоретической лингвистики XX века. Он впервые чётко разграничил понятия «язык» и «речь».

Согласно его концепции, язык и речь являются двумя сторонами речевой деятельности, под которой понимается обусловленная целым рядом психических, физических, физиологических факторов способность человека говорить и воспринимать сообщение. Язык того или иного коллектива – это существующая в сознании его членов система единиц (слов, значащих частей слов и т. д.) плюс система правил функционирования этих единиц. Систему единиц называют инвентарём языка, систему правил функционирования – грамматикой. Речь – это использование языка отдельным членом коллектива в конкретной ситуации, в речевом акте.

Язык – явление социальное, он усваивается отдельным человеком в том виде, в каком передаётся ему предшествующими поколениями. А речь –

явление индивидуальное. Каждый носитель языка использует его в речевых актах по-своему.

Язык и речь тесно связаны между собой и взаимно предполагают друг друга. Язык необходим, чтобы речь была понятна всем членам данного коллектива, речь в свою очередь необходима для того, чтобы установился язык. Исторически факт речи всегда предшествует языку. Следовательно, развитие языка обнаруживается в речи. Живая речь есть форма существования и развития языка.

Хотя язык проявляется в речи отдельного человека, но он является достоянием общества в целом и находится с ним в определённых отношениях.

Язык и общество

Проблема взаимосвязи и взаимодействия языка и общества является одной из дискуссионных. Наибольшее распространение и признание получила точка зрения, согласно которой язык и общество связаны двусторонними отношениями и ведущая роль в них принадлежит обществу. Ведь, как уже указывалось, само возникновение языков обусловлено возникновением общностей совместно трудящихся людей.

Поскольку язык возникает, функционирует и развивается в обществе, то он испытывает воздействие общественных факторов и отражает в своем развитии общественные процессы и явления. Например, в древние эпохи в результате различных обстоятельств те или иные племена со временем распадалась на несколько самостоятельных родственных племён. Их расселение, разобщение в пространстве приводило к тому, что в общем языке появлялись различия, обуславливающие формирование племенных диалектов. В случае же объединения племён возникали предпосылки для образования общего для них языка. Деление языка или диалекта (дифференциация) и объединение языков и диалектов (интеграция) – два основных противоположных процесса исторического развития языков. Примером дифференциации может служить разделение в результате расселения славян общеславянского (праславянского) языка на три ветви: восточную, южную и западную. Примером интеграции – объединение диалектов восточных славян (кривичи, вятичи, радимичи и др.) в общевосточнославянский (древнерусский) язык.

Демографические изменения являются важным фактором влияния общества на язык. Появление каждого нового языка – это следствие возникновения новой общности людей в результате захвата чужих земель, иммиграции, схождения из разных мест в одно и т.п. Так, английский язык сформировался после захвата норманнами Британских островов в результате взаимодействия языка коренного населения и языка завоевателей. Миграция населения ведет к смешению языков, колонизация вела к распространению в мире языков метрополий – английского, испанского, португальского, французского. Например, в Бразилии языки коренного населения

вытеснены португальским языком, в других странах Южной и Центральной Америки – испанским, в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии – английским.

Смерть языка – прекращение его употребления для общения – вызывается распадом общности говорящих на нем людей, распылением (добровольным или вынужденным) того или иного народа по разным странам, ассимиляцией народа другим, более многочисленным народом и т.п. Мёртвыми языками, то есть сохранившимися только в памятниках письменности, являются в настоящее время древнегреческий, латинский, шумерский и арамейский в Передней Азии, готский в Европе и др.

На функционировании языка сказывается уровень экономического и политического развития общества, стабильность его существования. Например, основными социальными факторами, определившими существенные изменения в русском языке 80-90-ых гг. XX века в России, явились следующие: политическая свобода, свобода слова, переход к рыночной экономике и некоторые другие. *Политическая свобода в обществе* стимулировала активизацию политического общения, возрастание роли публичной и вообще устной речи, развитие полемических форм диалога, существенные изменения в языке публицистики и мн. др.

Свобода слова привела к значительному расширению тематики устного общения, увеличению в общении доли неподготовленной устной речи, ускоренному развитию устной формы существования языка, расширению функций устной и разговорной речи. Это стало причиной снижения уровня владения письменной монологической речью – хотя потребность во владении монологом, особенно публичным, возрастает.

Отмена политической цензуры была воспринята и как исчезновение языковой цензуры, что, в свою очередь, привело к проникновению в печать, на экраны телевизоров, на радио, в кино и литературу большого объема сниженной, жаргонной, вульгарной и даже нецензурной лексики. Значительно увеличилась в сознании людей степень публично допустимого в разговорной речи. Так, стали публично обсуждаться такие темы, как секс, противозачаточные средства, гомосексуализм и др.

Развитие рыночной экономики обусловило появление новых сфер экономической и финансовой деятельности, возникновение новых и восстановление старых, дореволюционных учреждений. Возникают и возвращаются понятия, характеризующие различные аспекты рыночных отношений, что приводит к активному заимствованию современной рыночной терминологии из английского языка, активизации историзмов, активным семантическим процессам в лексике рыночных отношений.

Стала необходимой реклама, что привело к наработке стандартов рекламного текста, развитию рекламы как отрасли бизнеса и появлению науки о рекламе. Язык рекламы оказывает заметное влияние на общество – рекламные лозунги и призывы, реплики героев рекламных роликов становятся известными поговорками и присловьями, широко цитируются, становятся компонентами анекдотов и юмористических рассказов. Этот

пример наглядно показывает влияние на язык экономического и политического устройства общества.

В языке отражается также расслоение общества по социальным группам и прослойкам, по культурному, профессиональному, возрастному, половому и другим параметрам, что приводит к территориальной, социальной, возрастной и половой дифференциации общенародного языка.

Получает отражение в языке и такой аспект жизни общества, как уровень культуры: особенности религии, распространение научных знаний, художественного творчества и т.п.

Как правило, влияние общества на язык имеет объективный, то есть не зависящий от воли отдельной личности характер, однако возможным является и сознательное целенаправленное воздействие, осуществляемое посредством языковой политики. *Языковая политика* – это совокупность политических, юридических, административных и экономических мер, принимаемых государством для регулирования развития языка. Языковая политика выражается в выборе государственного языка, в реформах письменности, в борьбе с неграмотностью и т.д. Таковы основные аспекты влияния общества на развитие языка.

Формы существования языка

Любой язык как средство общения народа представляет собой совокупность разновидностей, которые называют формами его существования. Количество и качество подсистем в составе единого общенародного языка зависит от исторических судеб народа, территориальных факторов, демографической и социальной структуры общества. К основным формам языка относят: территориальные диалекты, койне, просторечие, социальные диалекты и литературный язык. Формы языка различаются между собой составом языковых средств, сферами употребления, диапазоном функций.

Территориальные диалекты – одно из самых древних языковых образований, которое до появления письменности было универсальной формой существования языка. Диалектом называют территориальную разновидность языка, которая имеет общие фонетические, грамматические и лексические особенности и служит для устного общения населения на определенной территории (обычно в сельской местности). Территориальные диалекты могут отличаться друг от друга по ряду признаков. Например, северные и южные диалекты русского языка имеют следующие отличия:

– фонетические: оканье в северных диалектах [к~~о~~рова]– аканье в южных [карова];

– морфологические: у глаголов настоящего времени 3 лица в северном диалекте – [т] твердый [он знает~~т~~, они любя~~т~~], а в южнорусском [т] мягкий [он знает~~ь~~, они любя~~ть~~];

– лексические:

Сев.	Южн.
Ковш	Корец
Брезговать	Гребовать
Озимь	Зеленя

Степень своеобразия диалектов зависит от конкретно-исторических условий их формирования. Различия между диалектами одного и того же национального языка могут быть весьма значительными. Так, например, жители Северного и Южного Китая, говорящие на разных диалектах, совершенно не понимают друг друга, и только письмо служит посредником в общении. Изучением диалектов занимается особый раздел языкознания – диалектология.

Койне (греч. *koinē* –общий) – так первоначально называлась общая для носителей разных диалектов древнегреческая речь, сложившаяся на территории Аттики с центром в Афинах (IV в до н.э.). В настоящее время это слово является термином, называющим обобщенный тип устной речи – одну из форм существования языка (наряду с ним в лингвистической литературе употребляются обозначения «интердиалект», «полудиалект», «культурный диалект»). По определению известного российского социолингвиста В.А. Аврорина, койне является средством межкультурного (и, возможно, межнационального) общения, которое возникает первоначально на базе одного из диалектов.

Койне стали появляться в период рабовладельческой и феодальной формации. Особенно типичным для донационального периода было существование городских койне, которые нередко становились базой литературного языка. Так, среднерусский говор Москвы и Подмосковья – это койне, которое стало основой литературного языка русской народности, койне города Эдо – основа японского литературного языка, койне Любляны – основа словенского литературного языка, койне Лондона – английского.

Социальные диалекты – это разновидности языка, которые отражают социальное расслоение общества. Социальные диалекты выступают средством общения в объединениях людей по профессии, роду занятий, интересам, социальному положению. В научной литературе разновидности социальных диалектов называют также жаргонами. *Жаргон* – это экспрессивная речь социальных и профессиональных групп людей. От общенародного языка жаргоны отличаются, как правило, лексикой и фразеологией. Жаргонная лексика обычно представляет собой переосмысленные, сокращенные, фонетически измененные слова литературного языка, а также слова, заимствованные из других языков.

Жаргоны порождаются стремлением говорящих дать общеизвестным понятиям свое обозначение, отличающееся образностью, новизной и экспрессией (ср. *комп*– компьютер, *предки* – родители, *хвост* – не сданный вовремя экзамен и т.п.). Есть групповые жаргоны школьников, студентов, солдат; профессиональные жаргоны спортсменов, музыкантов,

компьютерщиков и др. Жаргон представителей уголовного мира (воров, мошенников, картежных шулеров и т.п.) получил название *арго*.

Лексические системы, предназначенные для выполнения преимущественно конспиративной функции, называются *условными языками*. Использование тайного, непонятного для непосвященных языка характерно для социальных групп, сознательно стремящихся изолировать себя от «других», от основной части общества. Это было необходимо для сохранения тайн ремесла, для защиты в условиях бродячей жизни. Условные языки имели распространение у старых торговцев – ходябщиков, офёней – корабейников, ремесленников – отходников (портных, печников, жестянщиков и др.) в России, у сезонных сельскохозяйственных и промышленных рабочих (котельщиков, трубочистов) в Европе, Азии, Африке.

Перечисленные разновидности языка реализуются в устной форме, сферы их употребления и функции ограничены, ни одна из этих разновидностей не может обслуживать *все* общественные потребности. Поэтому на определённом этапе развития общества возникает литературный язык.

Литературный язык – это исторически сложившаяся высшая форма общенационального языка, которая обладает богатым лексическим запасом и упорядоченной грамматической структурой. Назначение литературного языка заключается в том, чтобы обслуживать общественно важные сферы деятельности *всего* языкового коллектива, поэтому он имеет развитую систему функциональных стилей. Функциональный стиль – это исторически сложившаяся и общественно осознанная разновидность литературного языка, которая обслуживает определённую сферу общественной деятельности: науку, административно-правовые отношения, общественно-политическую деятельность, бытовое общение, художественное творчество.

Обычно формирование литературного языка происходит в период формирования нации, когда развиваются и укрепляются экономические и политические связи и растёт потребность в таком языке, который был бы понятен всем представителям данной этнической общности независимо от места жительства, социального положения, рода занятий и т.д. Общенациональный литературный язык создается тогда, когда сложилась нация со своим языком, единой территорией, централизованным государством. Национальный литературный язык формируется на основе диалекта или группы диалектов, связанных с государственным, экономико-политическим, культурным центром нации. Как подчеркивал акад. В.В. Виноградов, определяющую роль в образовании литературного языка играет творчество выдающихся поэтов и писателей: А.С. Пушкина в создании русского литературного языка, Данте, Петрарки, Боккаччо – в создании итальянского, И.В. Гёте – немецкого, А. Мицкевича – польского, Х. Ботева – болгарского, Т.Г. Шевченко – украинского и т.д.

Таковы основные формы существования общенационального языка.

Тема 4 ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

Вопрос о взаимоотношениях языка и мышления в современной лингвистической науке

Мышление и речь – это два основных признака, которые отличают человека от животного. Развитие мышления у человека тесно связано с развитием у него языка – если ребенок плохо говорит, это всегда важный сигнал о том, что у него, очевидно, проблемы и с развитием мышления.

Но, признавая несомненную связь языка и мышления, учёные, начиная с античности, размышляли над следующими вопросами:

1) что такое язык (или речь) и что такое мышление – это одно и то же явление или разные явления?

2) всегда ли мышление и речь связаны друг с другом, или возможно мышление без речи и речь без мышления?

3) если мышление и речь не одно и то же и лишь как-то связаны, то какова роль речи в процессе мышления?

Эти вопросы в разных научных школах решались по-разному. Высказывались, к примеру, идеи том, что язык и мышление друг без друга не существуют и образуют единство – «язык-мышление».

Ряд учёных считает, что язык и мышление могут развиваться друг без друга – в доказательство приводится феномен глухонемых: мышление у них есть, а устным языком они не владеют.

В настоящее время большинство исследователей склоняется к тому, что мышление и язык – тесно связанные друг с другом, но при этом самостоятельные явления, обладающие собственной спецификой и законами развития.

На это указывают, например, многочисленные случаи автокоррекции (*я не то хотел сказать, я неудачно выразился, я хотел сказать, что* и подобных), которые свидетельствуют о поиске слова для выражения мысли. Легко обнаружить, что автокоррекции затрагивают не только лексический уровень – выбор слова, подбор синонимов, но и синтаксические структуры. Следовательно, замысел будущего высказывания, т.е. тот смысл, который конструируется в мозге говорящего, вовсе необязательно даже в момент собственно высказывания «привязан» к определенной форме языкового выражения.

Приведённые факты свидетельствуют о том, что при говорении и письме действует механизм подбора слов к уже в основном готовой мысли, которая сформирована в сознании до ее языкового оформления.

Наблюдения за развитием ребенка показывают, что сначала у него появляется доязыковое мышление – мысль в практической, деятельностной форме. Профессор И.Н. Горелов на основе ряда экспериментов выяснил, что количество предметов в поле зрения ребенка и количество действий с ними намного превосходит число наименований, известных ребенку. Доязыковая информационная система создает основу для перехода от первой сигнальной

системы ко второй - к языку. Это положение в настоящее время признано и российской, и зарубежной наукой.

2. Психофизиологические и нейролингвистические исследования проблемы языка и мышления

Более обоснованные объяснения связи языка и мышления стали возможными с появлением науки об устройстве и деятельности мозга человека – нейрофизиологии.

Нейрофизиологические исследования позволили получить картину локализации мыслительных и речевых функций в мозге человека. Важнейшие открытия в этой области были сделаны в 19-м веке. В 1861 г. французский хирург Поль Брока открыл зону мозга, отвечающую за производство речи. Впоследствии ученые показали, что данный центр отвечает также за письмо и устный счет. Этот центр, локализованный в левой височной доле мозга, получил название «центр Брока».

В 1874 г. немецкий врач Карл Вернике опубликовал монографию, в которой описал открытый им центр понимания речи - височно-теменную зону левого полушария, которая получила впоследствии название «зона Вернике». Таким образом, было установлено, что за порождение речи и ее восприятие отвечают разные мозговые механизмы. Возможны нарушения речи (афазии), связанные отдельно с пониманием речи (сенсорная афазия) и с ее порождением (моторная афазия). Американские ученые В. Пенфилд и Л. Робертс в 1952 году дополнили исследования своих предшественников важным открытием – они открыли еще одну, дополнительную речевую зону мозга, расположенную в теменной части черепа и управляющую как речевыми органами человека (языком, губами, движением челюстей, глоткой), так и движениями конечностей человека – руками и ногами, пальцами и мимикой лица. Эта же зона регулирует голос человека.

Зоны Брока и Вернике называют первичными речевыми зонами, или полями, а теменная моторная зона является дополнительной. Инструментальное воздействие в условиях эксперимента на любую из этих трех зон показывает, что они имеют равное значение для функционирования речи: при «вмешательстве» в любую из них возникают одинаковые искажения речи. Вместе с тем установлено, что удаление дополнительной моторной зоны при сохранении зон Брока и Вернике не влечет за собой расстройства речи; по-видимому, дополнительная моторная зона выступает в значительной степени как запасная, резервная. Она берет на себя речевые функции при разрушении первичных речевых зон и в первую очередь компенсирует функции зоны Брока.

При поражении зоны Брока у взрослых афазия (нарушение речи), возникающая в таком случае, в большинстве случаев проходит, но поражение зоны Вернике вызывает тяжелую, практически неизлечимую афазию. У ребенка же разрушение зоны Вернике ведет к перемещению речевой функции из левого полушария в правое.

Следовательно, в норме речевые функции локализованы в левом полушарии головного мозга. По данным Пенфилда и Робертса, и у левшей речевые зоны также находятся (в основном) в левом полушарии – представленность речевых зон в правом полушарии для них не превышает 10%. При повреждениях речевых зон левое полушарие чаще всего передает речевые функции другим участкам левого полушария, но не правому полушарию. Правое полушарие используется только в случае полного удаления левого; если это происходит в раннем возрасте, то речь развивается или восстанавливается гораздо легче, чем у взрослого человека.

Исследования нейролингвистов и прежде всего выдающегося российского ученого Александра Романовича Лурия, показали, что специализация выполняемых речевыми зонами мозга функций в значительной степени определяется тем, какое место занимает тот или иной участок в пределах этой зоны и мозга в целом – более переднее, приближенное к лобным участкам мозга, или более заднее, приближенное к теменным участкам. Данное явление связано с тем, что более поздние, более совершенные речевые функции мозга формировались преимущественно в участках мозга, «прираставших» в его лобной части. В процессе эволюции мозг растет за счет лобных долей. Лоб у шимпанзе, гориллы, питекантропа, неандертальца скошен, а у кроманьонца и современного человека он высок; именно в этих новых, мозговых тканях и сосредоточены наиболее поздние и сложные речевые функции.

Таким образом, исследования работы мозга позволяют признать относительную самостоятельность мыслительной и языковой деятельности человека. Стало понятно, что эти виды деятельности протекают в разных отделах человеческого мозга, по-разному связанных и взаимодействующих друг с другом. Поэтому в последние годы всё более признанной становится концепция невербальности мышления.

Теория невербальности мышления

Человек мыслит особыми мыслительными единицами – концептами. *Концепт* – это глобальная мыслительная единица, которая содержит всю совокупность знаний общества (и отдельного человека) о предмете. Это единица структурированного знания.

Концепты как единицы мышления существуют в сознании человека вне обязательной связи со словом. Слова, словосочетания, развернутые высказывания и описания выступают как средство выражения концептов в случае коммуникативной необходимости. Если те или иные концепты нужны для общения, если они часто становятся предметом обсуждения в обществе, то они «получают» собственную стандартную языковую единицу для вербализации (то есть словесного обозначения концепта). Если нет – они остаются невербализованными, а в случае возникновения необходимости вербализуются описательными средствами (словосочетаниями, описаниями, развернутыми объяснениями и т.д.).

Таким образом, языковые средства необходимы *не для существования, а для сообщения* концепта. Слова, другие готовые языковые средства в системе языка есть для тех концептов, которые обладают коммуникативной значимостью, то есть необходимы для общения, часто упоминаются в информационном обмене. Ср.: в рус. языке нет слов для выражения концепта «люди, давно состоящие в браке», хотя для лиц, только что вступивших в брак, есть слово *молодожены*. А вот «старожен» нет – потому что о них мало говорят, а о молодоженах много, они вызывают всеобщий интерес. Но если надо о них сказать – скажут «супруги со стажем», или «давно не молодожены» и под.

Очень многие, если не большинство концептов, видимо, не имеют системных языковых средств выражения, так как они обслуживают сферу индивидуального мышления, где без них невозможно мыслить, но далеко не все они предназначены для обсуждения.

Содержание мышления человека в последнее время в разных областях гуманитарных наук обозначают термином *картина мира*.

Под *картиной мира* в самом общем виде понимают упорядоченную совокупность знаний и представлений о действительности, сформировавшуюся в общественном сознании.

Понятие речевой деятельности

Вся совокупность мыслительных и речевых действий, совершаемых человеком на основе системы языка, представляет собой его *речевую деятельность*.

Речевую деятельность можно представить в следующей схеме:

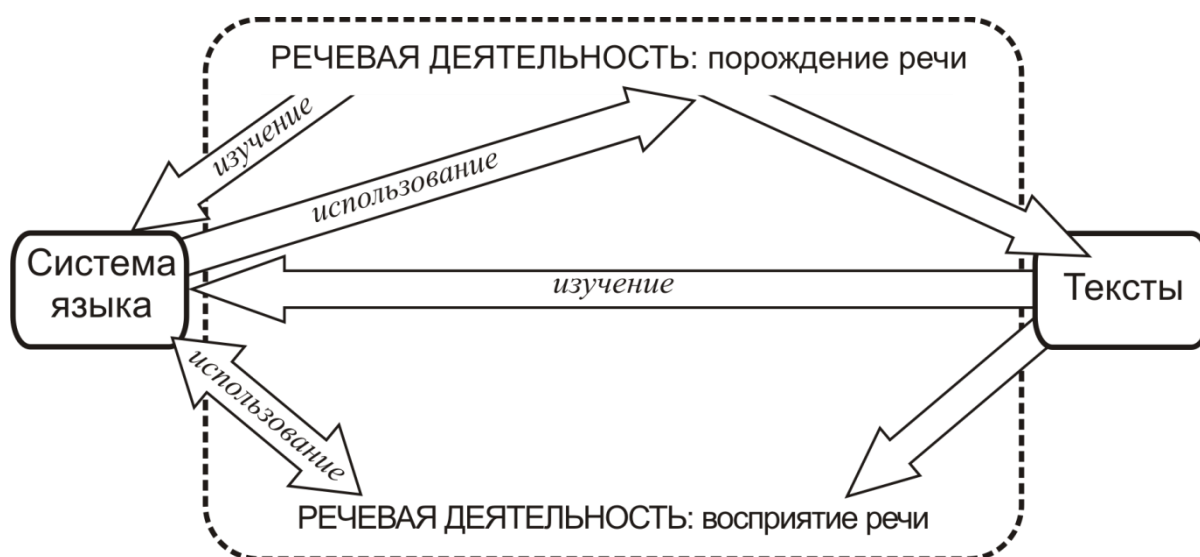

Схема показывает, что в основе речемыслительной деятельности человека лежит система языка, без неё невозможно ни порождать, ни воспринимать речь. Она должна быть в мозгу общающихся людей.

В результате порождения речи появляется текст. В тексте элементы системы языка находят своё материальное выражение, становятся доступными для восприятия.

Виды речи

Говорение (внешняя речь) – это физическое, материальное явление. Такая речь организована по всем правилам произношения, словоупотребления и словосочетаемости национального языка.

Существует несколько видов внешней речи, которые различаются в основном по степени их громкости, то есть по степени «включенности» артикуляционного аппарата.

Громкая речь – обычная речь, громкость которой соответствует коммуникативной ситуации.

Шепотная речь – речь с пониженным уровнем громкости. Используется в особых ситуациях, когда громкая речь не может быть использована, а также в качестве самопомощи при чтении сложных текстов. Может проявиться в речевой деятельности человека в тех же ситуациях, что и внутреннее проговаривание – как более эффективное средство.

Внутреннее (неслышное) проговаривание – это речь, построенная по всем правилам внешней речи, но с «отключенным звуком». Органы артикуляции при этом активированы, но дана команда «звук не включать». Это «речь минус звук», как во время телевизионной передачи – диктор говорит, а мы отключаем громкость.

Внутреннее проговаривание возникает и осознается человеком в ряде случаев. Так, оно часто возникает, если человек тщательно обдумывает, репетирует форму предстоящего высказывания, готовится к важной речи, важному высказыванию; при подготовке эмоциональных письменных и устных текстов; в состоянии сильного эмоционального напряжения, когда неслышное проговаривание выполняет функцию «выпускного клапана» для переживаемых человеком эмоций; при «молчаливом» заучивании текстов наизусть для последующего воспроизведения.

При восприятии речи неслышное проговаривание возникает при затруднениях в понимании слов (например, иностранных, длинных, незнакомых), отдельных мест текстов; при эмоциональном сопереживании собеседнику (мы повторяем его слова про себя); в процессе обучения чтению «про себя». Подчеркнем, что в любом случае внутреннее проговаривание – это вид внешней речи, поскольку при внутреннем проговаривании задействованы все механизмы внешней речи и лишь громкость «отключена».

Выделяют также интеральную речь. Интеральной речью называют фрагменты неслышной речи, которые проговариваются вслух либо из-за трудности мыслительной задачи, либо из-за волнения, либо из-за яркости воображения своего будущего выступления и по другим причинам. Например, выполняя трудный чертеж, школьник помогает себе словами и

некоторые из них (так..., теперь так..., хорошо.... Ну вот... Эх, не так!... балда! и т.п.) непроизвольно выговаривает.

Речевая деятельность грамотного человека складывается из четырёх разных «работ»: слушать – читать – говорить – писать. Эти «работы» выполняются разными отделами головного мозга, что важно понимать для практики изучения и преподавания языка. Каждый из видов речевой деятельности требует разных приёмов объяснения, тренировок и непрямого чередования. Эти процессы изучаются психолингвистикой, отделом языкознания, развивающимся с середины XX века.

Порождение и восприятие речи

Механизмы порождения и восприятия речи скрыты от наблюдения. Их можно исследовать по нарушениям, которые обнаруживаются в речи людей (в норме или патологии), либо экспериментальным путем. Наиболее известные отечественные исследователи проблем порождения и восприятия речи – Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, А.Н. Соколов, А.А. Леонтьев, Т.В. Ахутина (Рябова), А.Р. Лурия, И.Н. Горелов, Н.П. Бехтерева, А.А. Залевская, И.А. Зимняя.

Первые подходы к проблеме понимания порождения и восприятия речи находим в книге Льва Семеновича Выготского «Мышление и речь».

Выготский выдвинул и гипотезу кодовых переходов при речепорождении и речевосприятии.

Важнейшее значение для научного понимания этих процессов имеют работы академика Н.П. Бехтеревой, которая экспериментально вскрыла и описала нейролингвистическую природу кодовых переходов. Биоэлектрические коды мозга записывались специальными устройствами и анализировались на ЭВМ. Установлено, что у каждого человека есть специальный биоэлектрический код для каждого слова. Этот код называют *паттерн*, и он субъективен у каждого человека. Это биоэлектрический, нейрофизиологический эквивалент слова в сознании человека, различная частота импульсных разрядов нейронов и сама структура импульсного потока.

Когда испытуемый слышит слово, у него в сознании возникают биоэлектрические импульсы, которые фиксируются и анализируются экспериментатором. Установлено, что:

1) сначала, сразу после восприятия слова, в сознании человека возникает паттерн, отражающий акустические признаки слова (слова, близкие по звучанию, имеют похожие паттерны); это – первая фаза переработки вербального сигнала мозгом, первая фаза кодовых переходов;

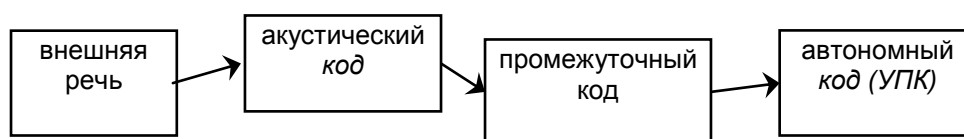
2) затем первичный акустический паттерн претерпевает трансформацию, связанную с анализом значения предъявленного слова. Паттерн носит компенсированный характер, в сжатом виде повторяя все основные опорные точки акустического сигнала, но в нем уже появляются элементы, не отражающие звуковую оболочку слова. Этот паттерн быстро

трансформируется в следующий тип, если слово оказывается знакомым испытуемому, но довольно долго держится, если слово незнакомое;

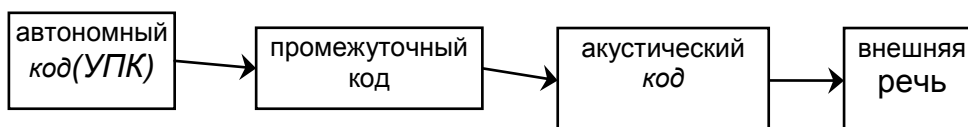
3) наконец, промежуточный паттерн трансформируется в такой, который уже никак не связан с акустическим обликом слова и является чисто семантическим. Такие паттерны образуют, по Н.П. Бехтеревой, вторичный нервный код или автономный код. Это уже единица универсального предметного кода (УПК). Любопытно, что близкие по смыслу слова в автономном коде имеют сходные паттерны (в акустическом коде, напомним, сходными были паттерны близких по звучанию слов). Установлено, что перестройки второго и третьего типа полностью отсутствуют в паттернах активности при восприятии квазислов, бессмысленных звукосочетаний. При этом именно при обработке квазислов наблюдались вспышки артикуляторной активности.

Таким образом, можно говорить о существовании следующих кодовых переходов:

Речевосприятие

Речепорождение

Процесс превращения мысли в высказывание осуществляется, таким образом, через промежуточный код или так называемую «внутреннюю речь». Заметим, что *внутренняя речь* – это не то же самое, что *внутреннее проговаривание*. Внутренней речью большинство исследователей в настоящее время называет промежуточный код (по Н.П. Бехтеревой), совмещающий черты акустического и смыслового кода. Это терминопотребление – дань психологической традиции, идущей от Л.С. Выготского, поскольку, строго говоря, промежуточный код вовсе не является речью, это особый код, являющийся посредником между внешней речью и автономным кодом. Иначе говоря, внутренняя речь – это не говорение «про себя», не «речь минус звук» – она имеет особое строение, качественно отличается от речи внешней, это особая знаковая система.

Внутренняя речь исключительно трудно поддается изучению, и лингвисты еще мало знают о её особенностях, структуре и механизмах.

Внутренняя речь – результат длительной эволюции сознания. Ее еще нет у ребенка-дошкольника. Она формируется постепенно из внешней, так называемой эгоцентрической речи маленьких детей, которая постепенно все больше сворачивается, делается сначала шепотной и лишь затем уходит внутрь языкового сознания. Такое превращение внешнего говорения во внутреннюю сжатую речь носит название интериоризация. Обычно в норме механизм внутренней речи завершает свое формирование к подростковому возрасту (10-11 лет). Однако возникает вопрос: если внутренняя речь формируется у детей к 10-летнему возрасту, то как понимают высказывание дошкольники?

В книге Л.С. Выготского «Мышление и язык» есть намек на разрешение возникающего противоречия: «Единицы мысли и единицы речи не совпадают», - писал ученый. Процесс порождения высказывания он сравнивал с нависшим облаком, которое проливается дождем слов. Иначе говоря, исследователь обозначил существование двух качественно отличных языков, которые взаимодействуют в сознании человека: «языка мысли» и «языка словесного».

Согласно концепции Николая Ивановича Жинкина, базовым компонентом мышления является особый «язык интеллекта» (исследователь назвал его универсальным предметным кодом, сокращенно -УПК).

Применив методику речевых помех, Н.И. Жинкин показал, что мышление не связано с речедвигательным кодом и осуществляется в особом несловесном *предметно-образном коде*. Единицами этого кода являются наглядные образы, формирующиеся в сознании человека в процессе восприятия им окружающей действительности. Код этот представляет собой систему знаков, представляющих собой результат чувственного отражения действительности в сознании. Это «язык» схем, образов, осязательных и обонятельных отпечатков реальности, кинетических (двигательных) импульсов и т.п. При помощи этих образов и осуществляется мышление человека.

Н.И. Жинкин указывает, что УПК является универсальным потому, что он «свойствен человеческому мозгу и обладает общностью для разных человеческих языков», обеспечивая переводимость. Добавим, что универсальность этого кода также в том, что он, будучи производным от чувственного восприятия действительности, а не от языка, есть у всех людей, не только независимо от того, на каком языке они говорят, но и независимо от того, говорят ли эти люди вообще (ср. глухонемые – они воспринимают действительность органами чувств, а значит, у них в любом случае формируется УПК, позволяющий им мыслить).

Универсальность УПК обеспечивает возможность понимания языка маленькими детьми, еще не владеющими или плохо владеющими языком, и именно УПК обеспечивает умственную деятельность и возможность сначала просто понимать чужую речь.

Таким образом, можно сказать, что универсальным код называется потому, что он есть у всех людей, а предметным – поскольку его единицы представляют собой преимущественно предметные образы.

Порождение речи, таким образом, это переход с кода чувственных образов на обычный вербальный язык. В процессе восприятия и понимания языка мы, наоборот, переводим языковые единицы на универсальный предметный код.

Универсальный предметный код субъективен, индивидуален у каждого говорящего, поскольку он образуется у каждого человека как отражение его неповторимого, индивидуального чувственного жизненного опыта.

Единицы универсального предметного кода – это нейрофизиологические единицы, кодирующие в биоэлектрической форме все знания человека (его концепты) и хранящие их в таком виде в долговременной памяти человека.

Таким образом, универсальный предметный код является нейрофизиологическим субстратом мышления, который существует и функционирует независимо от национального языка и обеспечивает как непосредственно сам процесс мышления, так и начальный этап порождения речи (речевое высказывание начинается с личного смысла, выраженного универсальным предметным кодом), а также завершающий этап понимания речи (понимание речевого высказывания завершается «переводом» на универсальный предметный код).

Следовательно, хотя язык и мышление обладают относительной самостоятельностью, мыслительная и речевая деятельности связаны между собой. Язык служит средством выражения результатов мышления в процессе общения.

Тема 5 ЯЗЫК КАК СИСТЕМА ЗНАКОВ И МОДЕЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

Знаковый аспект языка

Языковедов уже давно интересовал вопрос о том, как устроен язык, из каких единиц он состоит, в каких отношениях находятся между собой эти единицы. Постепенно учёные пришли к пониманию языка как системы знаков.

Что же такое знак? В широком понимании знак – это материальный предмет, наделённый свойством передавать информацию о чём-то. Белые полосы на асфальте – знак перехода, палец, прижатый к губам – знак молчания. Каждый знак имеет значение, поэтому в нём выделяют две стороны: внешнюю (материальную, формальную) и внутреннюю – содержательную. Внешняя сторона называется означающим, внутренняя – означаемым. Например: нарисованные на асфальте белые полосы – означающее, разрешение переходить улицу в этом месте – означаемое;

палец, прижатый к губам – означающее, призыв к молчанию – означаемое; красный свет светофора – означающее, «идти нельзя» – означаемое.

Означающим языкового знака является внешняя оболочка слова, тот комплекс звуков или букв, который связан в нашем сознании с каким-нибудь предметом, признаком, процессом внеязыковой действительности. Материальную сторону языкового знака в лингвистике называют *лексема*. Означаемым языкового знака является мысленный образ предмета, называемый данным комплексом звуков. Его в лингвистике называют *семема*.

Все знаки имеют следующие свойства.

Материальность, которая заключается в том, что знаки могут быть восприняты органами чувств, их можно увидеть, услышать, ощутить. Невозможно выразить или передать то или иное содержание в свободной от материи форме.

Условность. Знак не связан с означаемым какой-либо естественной или причинной связью, эта связь условна. Условность может быть результатом договорённости (например, разрешающий свет светофора – зелёный), или стихийно сложиться в обществе. В языке это проявляется в том, что тот или иной набор звуков закрепляется именно за данным предметом, причём в разных языках один и тот же комплекс звуков может обозначать совершенно разные предметы и явления (в польском языке слово *uroda* имеет значение «красота»). Условные связи между звуками и значениями образуются исторически при становлении языка в процессе совместной практической деятельности людей.

Системность. Любой знак имеет значение только в определённой системе. Например, восклицательный знак в системе русской пунктуации обозначает эмоциональную окраску восклицания, в системе дорожных знаков – «Осторожно!», в записи шахматной партии – «Сильный ход!».

Исчислимость. Как бы ни был велик набор знаков в системе, их количество всё же будет ограниченным и исчислимым, то есть конечным.

Языковые знаки отличаются от других знаков тем, что, кроме перечисленных, обладают присущими только им следующими специфическими свойствами.

Асимметричность. Языковой знак в отличие от других знаков способен выражать несколько значений. Его материальная форма стремится приобретать новые значения, а значение ищет способ получить выражение новой материальной формой. Человеческое мышление постоянно работает, создавая понятия, для которых нет ещё названия в языке. Чтобы обозначить новое понятие, есть два пути: придумать новый знак (*прилуниться*) или использовать старый (*спутник* как *попутчик* и *искусственный спутник Земли*). А возникновение синонимов – это отражение «поиска» значениями новых материальных оболочек.

Воспроизводимость. Это свойство проявляется в том, что языковой знак не создаётся каждый раз заново, а воспроизводится как готовая единица.

Линейность. Знак языка представляет собой последовательность звуков или букв. Линейность – это форма существования элементов языка и форма функционирования языка.

Таким образом, язык представляет собой систему знаков, обладающих набором конкретных знаковых свойств.

Типы знаковых систем. Язык как универсальная коммуникативная система

Система – это сложное целое, состоящее из взаимозависимых и взаимообусловленных частей (элементов). По отношению к внешним условиям система выступает как цельное образование, выполняющее единую функцию. Например, кучу камней, упавшую с горы в результате обвала, нельзя считать системой, так как у нее нет единой функции и камни в ней расположены хаотично. Но если это куча камней, которая специально сложена для украшения сада, то её можно рассматривать как систему, потому что появляется функция и определённая организация составляющих элементов. В любой системе элементы расположены не беспорядочно, а определённым образом организованы, связаны между собой. Эта внутренняя организация, то есть расположение элементов в системе, составляет её структуру.

Как уже указывалось, язык представляет собой систему знаков. Любая система знаков предназначена для передачи сообщения, то есть служит целям коммуникации. В этом смысле все знаковые (то есть семиотические) системы в принципе сходны, что и послужило основанием для появления науки о знаковых системах – *семиотики*.

Однако, кроме общих черт, знаковые системы имеют и различия. По происхождению их можно разделить на системы, возникшие естественным путём, и системы, созданные искусственно. К первым относят так называемые «языки» животных, точнее системы их звуковых и двигательных сигналов, и естественные человеческие языки. Ко вторым – искусственные вспомогательные языки (азбука Морзе, языки международного общения, например, эсперанто).

В качестве примера «языка» животных можно привести сигнализацию пчёл. Пчела, которая нашла цветы, где много нектара, передаёт своим сёстрам сообщение о месте, куда нужно лететь, при помощи особых движений, называемых «танцем». Причем положение ее тела, частота вибраций и другие элементы танца сообщают свободным пчелам направление под углом к солнцу, расстояние до взятка и возможный объем взятка.

Есть свой «язык» и у домашних кур. Например, общий знак «тревога» подразделяется у них на четыре вида в зависимости от расстояния, на котором находится опасность, и источника опасности: *опасность близко*, *опасность далеко*, *опасность-человек* и *опасность-коришун*. Всего в языке кур около десятка элементарных знаков, которые, сочетаясь друг с другом, образуют около двух десятков составных знаков (вроде знака

категорический приказ, состоящего из двух повторенных подряд знаков призыва).

Число искусственных языков тоже велико. И многие из них очень интересны. Так, было много попыток создать искусственный международный язык. Наибольшую популярность приобрёл *эсперанто*, проект которого был предложен в 1887 году варшавским врачом Заменгофом. Этот язык сравнительно лёгок: словарь опирается на общеевропейскую лексику, система грамматических форм проста и прозрачна, графика латинская. Высокую оценку эсперанто давали крупнейшие писатели и учёные: Л. Толстой, М. Горький, А. Эйнштейн и другие. Учебники и словари эсперанто изданы более чем на пятидесяти языках. Издаются журналы. На этот язык переведены многие классические произведения, например, «Евгений Онегин». Однако при всём своём успехе эсперанто был и остаётся «подсобным языком», имеющим узкую сферу обращения и лишённым полнокровной «языковой жизни» – ведь на нем не говорят ни в одной стране, на нем не учат в школах детей, на нем не пишут художественные произведения и т.д.

Кроме языка как основного средства общения, существуют и *вспомогательные языки* (ручная азбука для глухих, шрифт Брайля для слепых, азбука Морзе для передачи сообщений по телеграфу, флажковая сигнализация на флоте, язык свиста у испанцев с острова Гомера, тирольцев и других горных народов), а также *дополнительные средства общения*, которые бывают *звуковыми* (звонки, гудки, сирена, сигнализация ракетами, язык барабанов в Африке, и т.д.), графическими (дорожные знаки, указатели и т.д.). Существует *научная символика* (математическая, химическая, логическая и т.д.). Существует и цветовая сигнализация – особое подкрашивание воды у некоторых горных племён, которое может обозначать: «Внимание! Враг!» или «Опасность миновала».

Но естественный человеческий язык отличается и от языков животных, и от искусственных знаковых систем.

Язык животных представляет собой лишь сумму сигналов, привязанных к той или иной материальной ситуации и основанных на рефлекторной деятельности организма. Петух не может рассказать курице, что было вчера и что будет завтра. Сигнал существует только в определённое время, приобретая своё значение только здесь и сейчас. В языке животных знак и обозначаемый им объект неразрывно связаны, поэтому их язык не развивается, не меняется.

Искусственные языки существуют только в определённых общественных группах или используются в определённых ситуациях (азбука Морзе, сообщения, передаваемые моряками посредством флажков и т.д.). Они не способны обслужить все коммуникативные потребности общества. Искусственные языки не могут самостоятельно развиваться и изменяться.

Человеческий язык отличается от языков животных тем, что имеет не биологический, а социальный характер. В человеческом языке знак отрывается от ситуации, и человек может рассказать о событиях прошлых и

будущих, реальных и воображаемых. Являясь средством выражения мысли, человеческий язык в отличие от языков животных изменяется, развивается.

Способность к саморазвитию отличает человеческий язык и от искусственных языков. Кроме того, в отличие от искусственных, естественным языком пользуются все члены коллектива и в любой ситуации. Он способен обслужить все коммуникативные потребности общества в любой сфере деятельности.

Таким образом, человеческий язык – это универсальная коммуникативная система.

А как устроена эта система? Система языка заложена в мозгу человека и прямому наблюдению недоступна. Чтобы лучше представить себе ее устройство, ученые строят модели языковой системы в виде схем, чертежей, таблиц, графиков, диаграмм и т.п. Обычно моделируются участки системы языка или ее подсистем, но делаются попытки представить модели и всей системы языка как целого. Моделирование системы естественного языка выполняется с целью приблизиться к пониманию ее устройства в том виде, в каком она хранится в мозге человека.

В настоящее время в лингвистике существует несколько моделей устройства языка, основными из которых являются две – уровневая и полевая.

Модели системы языка в современной лингвистике

Уровневая модель языка

Любая система состоит из элементов. Вопрос об элементе системы языка является сложным. Коммуникативная природа языка предполагает, что элемент его системы должен быть коммуникативным, т.е. должен нести какой-то самостоятельный отрезок информации. Такой единицей по общему признанию является слово. Из слов как элементов создается вся система языка.

Но, кроме слова, в языке существуют и другие единицы: фонема, морфема, словосочетание, предложение. Все перечисленные единицы языка объединяются в особые подсистемы, или образуют уровни в его структуре. Это обусловило появление самой первой модели системы языка -уровневой. Уровневая модель языка построена под влиянием естественных наук, в которых уровнями называются системы, находящиеся в отношениях иерархии, так что элементы более высокого уровня складываются из элементов более низкого уровня. Например, уровень элементарных частиц ниже уровня атомов, уровень атомов ниже уровня молекул, уровень молекул ниже уровня клеток живого организма и т.д.

Уровнем называется та часть структуры языка, которая имеет соответствующую одноименную единицу. Поэтому учёные говорят о фонетическом, морфематическом, лексическом, синтаксическом уровнях.

Понятие уровня обусловило появление большого количества уровневых моделей языка. Существующие модели различаются по количеству уровней и

специфике взаимоотношений между ними, но строятся по единому принципу: 1. уровни следуют один за другим в строго определённом порядке; 2. единицы более высокого уровня образуются из единиц предшествующего уровня. Так, из фонем образуются морфемы, из морфем – слова, из слов – словосочетания и т.д., то есть единица низшего уровня входит в единицу высшего уровня, являясь её компонентом

Существующие уровневые модели не охватывают всех единиц языка. Они лишь выполняют первоначальную разбивку системы языка на отдельные блоки. Но набор этих блоков и отношения между ними создатели моделей определяют по-разному. Внутреннее устройство каждого уровня тоже остается не вполне ясным. Однако уровневая модель языка получила широкое распространение, поскольку она удобна для последовательного изучения языковой системы, хотя убедительных доказательств того, что уровни в естественных языках действительно существуют, а не придуманы для удобства описания, нет.

Дальнейшая разработка проблемы моделирования языковой системы привела к появлению полевой модели.

Полевая модель языка

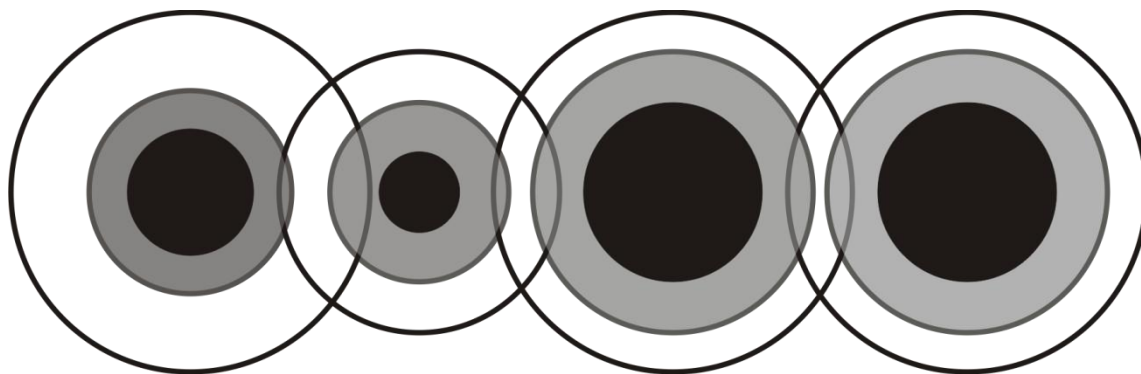
Известный грамматист Александр Владимирович Бондарко выявил, что категория аспектуальности в русском языке может выражаться: а) морфологически (посредством суффиксов и приставок: *толкать* – *толкну́ть*, *быть* – *быва́ть*, *делать* – *сдела́ть*), б) лексически (*говорить* – *сказать*, *ловить* – *поймать*), в) акцентологически (при помощи ударения: *сре́зать* – *среза́ть*), то есть средствами разных уровней. Эти наблюдения привели его к построению модели функционально-семантического поля, куда входят и лексические, и грамматические средства языка, имеющие общие семантические функции.

В настоящее время в лингвистической науке под термином *поле* понимают объединение элементов, обладающих общими свойствами. Поле имеет особую структуру, состоит из ядра и периферии. В ядре находятся элементы, в которых признаки данного поля проявляются наиболее ярко. Чем дальше от ядра, тем больше вероятность ослабления признаков. Например, в лексическом поле «обозначение красного цвета» прилагательное «красный» будет центральным компонентом ядра, прилагательные «алый», «пурпурный», «багровый», называющие оттенки, войдут в приядерную зону, метафорические прилагательные (розовый, вишнёвый, гранатовый) образуют ближнюю периферию. А к дальней периферии будут относиться описательные выражения, например: *цвета спелой вишни*. В данном случае единицы объединены в поле по общности выражаемого ими значения.

Граница между ядром и периферией, а также отдельными зонами периферии является нечёткой, размытой. Элементы поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого и наоборот. Разные

поля частично накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов.

Графически эта модель выглядит следующим образом:

По признанию многих лингвистов, психолингвистов и нейролингвистов, сеть отношений в языковой структуре является отображением сети нервных связей в мозгу человека.

Вид полевой модели хорошо совмещается с изображениями расположения и связей нервных клеток в мозгу. Огромное число, до 14 миллиардов, нервных клеток могут соединяться между собой с помощью нервных отростков-аксонов и дендритов, так что количество возможных связей составляет 10^{112} степени, что больше, чем число атомов в видимой вселенной.

Основным законом деятельности мозга является замыкание временных нервных связей, в которых объединяются непосредственные впечатления от предметов и явлений внешнего мира.

Биологическая активность ансамблей нервных клеток, биохимическая перестройка их работы в соответствующих структурах мозга – это реальный материальный базис психических явлений, динамических структур комплексной природы и, в частности, разнообразных объединений элементов системы языка.

Другие модели системы языка

Менее распространёнными являются такие модели, как многослойная, модель ассоциативно-вербальной сети и динамическая.

Многослойная модель была предложена Дмитрием Леонидовичем Спиваком, который выяснил, что под влиянием стресса, алкоголя, наркотиков и т.д. по мере углубления измененного состояния сознания уменьшается количество языковых средств, которыми в состоянии воспользоваться говорящий. Падает количество существительных, прилагательных, союзов, предлогов, сокращается длина слов и предложений. Дольше всего сохраняются глаголы, местоимения, частицы, стереотипные выражения, эмоциональные компоненты, однословные высказывания.

Это позволяет предполагать, что ядро языковой системы составляют те ее компоненты, которые дольше всего сохраняются в памяти. Выстраивается многослойная модель системы языка, в которой ядерные слои лежат на самой глубине, а периферийные оказываются менее глубоко заложенными в языковую память и потому легче утрачиваются

На основе данных, полученных посредством ассоциативных экспериментов, Юрий Николаевич Караулов предложил *модель системы языка в виде ассоциативно-вербальной сети*, в которой лексика и грамматика не разделены. Слово-стимул обычно вызывало у испытуемых в качестве слова-реакции те словоформы, которые сочетаются со словом-стимулом в речи. Так, к стимулу *бежать* получены ассоциаты *без оглядки, быстро, бегом, в кусты, в спортзал, вдогонку, вперед, впереди, далеко, из дома, кросс, куда глаза глядят, кругами, от возмездия, по дороге, по кругу, сломя голову* и нек. др. Слова в этой модели понимаются как конкретные словоформы, хранящиеся в памяти в составе привычных сочетаний, причём каждая из словоформ одновременно входит во множество таких сочетаний. Ассоциативно-вербальная сеть хранится и работает в пульсирующем режиме, в каждый момент времени изменяется набор актуализованных связей между ее узлами.

Эта модель снимает многие трудности уровневой модели и вполне совмещается с полевой и многослойной моделями, хотя сопоставление ассоциативно-вербальной сети с полями и слоями еще не продумывалось и не осуществлялось.

На основе изучения существующих моделей профессор Зинаида Даниловна Попова разработала *динамическую модель языковой системы*, которая выстраивается с учетом последовательности восприятия языка ребенком или иностранцем, знакомящимся с языком без помощи преподавателя в условиях иноязычной среды. Данная модель строится на предположениях о порядке закладывания элементов системы языка в мозг человека. Она состоит из трёх блоков, отражающих эту последовательность: фонетический блок, лексикон и синтаксический блок, или блок структурных схем.

Динамическая модель показывает, что в каждом блоке системы языка есть свои подсистемы, которые имеют разную степень обязательности для устройства блока. В лексиконе многих языков нет словоизменительной ветви, некоторые языки мира (китайский, например) обходятся без словообразовательных морфем. В синтаксическом блоке не обязательны подсистемы структурных схем словосочетаний, поздно формируется блок структурных схем сложных и осложненных предложений. Обычно в бесписьменных языках этих подсистем нет.

Представленный в динамической модели тип системы в современной системологии называется неиерархическим, то есть таким, у которого нет ни одной только управляющей или только подчиненной подсистемы. Но все подсистемы такой системы взаимосвязаны, так что любое изменение в одной

подсистеме обязательно (прямо или опосредованно) проявляется во всех других подсистемах.

Динамическая модель системы языка позволяет более четко проводить грань между явлениями, относящимися к системе языка, и явлениями речевой деятельности как процесса.

Многообразие существующих моделей свидетельствует об исключительной сложности системы языка, заключенной в мозгу человека. Модели дополняют друг друга, открывая то один, то другой аспект изучаемого феномена.

Отношения в системе языка

Являясь элементами системы, языковые единицы находятся между собой в определённых отношениях. Структурные отношения между словами, как и между элементами других подсистем, пока ещё недостаточно изучены.

Между единицами языка существуют выявленные Ф. де Соссюром отношения двух видов: *парадигматические* и *синтагматические*.

Парадигматические отношения (греч. paradeigma – «образец») – это отношения «по вертикали», в которые вступают противопоставленные определенным образом единицы одного уровня, так или иначе связанные по смыслу. Суть этих отношений составляет сходство единиц по одним признакам и различие, противоположение по другим. Так, падежные формы слова, где противопоставляются окончания разных падежей, – это грамматическая *парадигма*. Лексическую парадигму образуют, например, глаголы *идти, ехать, лететь, плыть*, объединённые общим признаком «движение» и противопоставленные по способу действия и/или среде, в которой оно совершается.

Синтагматические отношения (греч. syntagma – «вместе построенное, соединённое») возникают между языковыми единицами в линейном ряду, в тексте. Они проявляются в закономерностях сочетаемости фонем, морфем и слов.

Так современная наука представляет устройство языка.

Тема 6 ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

Предмет и содержание фонетики. Фонетика и фонология

Фонетика (от греч. phone – звук, голос, тон) – это учение о звуковой системе языка и о звуковых изменениях в речи.

Фонетика как наука подразделяется на *общую* и *частную*. *Общая* фонетика выясняет звуковые возможности речевого аппарата человека, определяет особенности порождения, произнесения и восприятия звуков речи, устанавливает их признаки, вырабатывает принципы классификации звуков речи, изучает их взаимодействие в звуковом потоке и причины тех или иных

фонетических процессов. Она тесно связана с такими нелингвистическими науками, как акустика (раздел физики, изучающий звуки), физиология и психология.

Частная фонетика изучает звуковой строй того или иного конкретного языка. В зависимости от целей изучения она подразделяется на *описательную* и *историческую*. *Описательная* (синхроническая, статическая) фонетика характеризует звуковую систему конкретного языка на данном этапе его развития. Описательная фонетика любого современного языка использует как методы непосредственного наблюдения, так и метод инструментального исследования. Применение точных приборов и аппаратов для описания звуковой системы положило начало *экспериментальной* фонетике.

Историческая (диахроническая) фонетика ставит своей задачей воссоздание процесса постепенного становления, формирования звуковой системы того или иного языка. Вместе с тем историческая фонетика стремится выявить тенденции дальнейшего развития звуковой системы исследуемого языка. Описательная и историческая фонетика тесно связаны между собой и дополняют друг друга.

В настоящее время существует три основных аспекта изучения звукового строя языка:

- 1) акустический, изучающий звуки речи как физическое явление;
- 2) анатомио-физиологический, или биологический, аспект, изучающий звуки как результат работы речевого аппарата человека, то есть артикуляции;
- 3) собственно лингвистический, или функциональный.

Акустическая и артикуляционная характеристика звуков составляют предмет изучения фонетики, а лингвистический, то есть функциональный, аспект – предмет изучения фонологии.

Акустические свойства звуков речи

Акустическая характеристика звуков обусловлена их слуховым восприятием. Колебание воздуха, воспринимаемое ухом, называется *звуком*. Звуковые волны, которые образуются при колебании воздуха, приводят в колебание органы нашего слуха, раздражают слуховые нервы и воспринимаются как ощущение звука. При возникновении звуков человеческого языка источником колебаний являются органы речи (прежде всего голосовые связки), которые приводятся в движение энергией воздушной струи, выдыхаемой из лёгких.

По характеру колебаний различают тоны и шумы. Если звуковые волны производятся ритмично, то есть равномерно, то они ощущаются как музыкальный звук, который применительно к речи называется *тоном* или *голосом*. В том случае, когда звуковые волны производятся неравномерно, аритмично, они ощущаются как *шумы*. Гласные звуки являются, в основном, тоновыми, а согласные шумными.

Звуки обладают такими характеристиками, как высота, сила, громкость, длительность, тембр.

Высота звука определяется быстротой, т.е. числом колебаний звучащего тела в определенный промежуток времени. Чем больше число колебаний в единицу времени, тем выше звук. Частота колебаний зависит от массы колеблющегося тела и его упругости. Чем длиннее и толще струна, тем ниже звук, и наоборот. Известно, что женский голос, как правило, выше мужского. Это объясняется тем, что голосовые связки у женщин (и у детей) короче, тоньше и более упруги, чем у мужчин.

Сила звука определяется амплитудой, то есть размахом колебания голосовых связок (чем он больше, тем сильнее звук). С точки зрения восприятия слуховым аппаратом сила звука называется громкостью. Громкость определяется не только силой звука, которая обусловлена напряжением воздушной волны, но и высотой. Низкие звуки имеют меньшую громкость, чем высокие.

Длительность звука – это продолжительность его звучания во времени. Для некоторых языков данная характеристика является очень важной, поскольку в них различаются долгие и краткие гласные звуки. Разграничение гласных звуков по длительности свойственно немецкому и другим языкам. Например, в немецком языке Staat (с долгим ā) – государство, statt (с кратким а) – предлог «вместо»; в чешском pas (с долгим ā) – пояс, pas (с кратким а) – паспорт. В русском языке звуки, находящиеся под ударением, всегда долги; безударные – кратки, но эта долгота и краткость не играют смыслообразительной роли.

При образовании звуков важную роль играет явление *резонанса*. Сущность его заключается в том, что всякое упругое тело способно приходить в *соколебание* с другим звучащим телом, если оба они настроены на один тон. Так, если приблизить звучащий камертон к настроенному на тот же тон другому камертону, то он начнёт звучать, то есть будет резонировать. Резонаторы сами по себе не являются источником звука, а лишь воспроизводят и усиливают колебания определённой высоты, производимые каким-нибудь звучащим телом. Резонатором может быть любой полый сосуд с соответствующей частотой колебания заключённого в нём воздуха (например, корпус барабана). У человека естественными резонаторами являются полости рта, носа и пазухи лобной кости.

Благодаря наличию резонатора на основной, самый низкий тон наслаиваются и усиливают его побочные, более высокие тоны, которые называются *обертонами*. Количество обертонов, их соотношение с основным тоном по высоте и силе придают звуку определённую окраску. Эта специфическая окраска называется тембр (от французского слова, имеющего значение *колокольчик*).

Тембр передаёт индивидуальные акустические признаки голоса. Именно по тембру можно узнать человека, не видя его.

Таковы акустические свойства звуков речи.

Речевой аппарат и его работа

В человеческом организме нет таких органов, которые были бы изначально предназначены для говорения. Но в процессе эволюции некоторые органы, выполняющие биологические функции, приспособились для произношения членораздельных звуков, то есть помимо своих изначальных функций стали выполнять функцию речевых.

Речевой, или произносительный, аппарат включает:

- органы дыхания;
- гортань;
- надгортанные полости.

К органам дыхания относятся: диафрагма (грудобрюшная преграда), лёгкие, бронхи, трахея и дыхательное горло. Эти органы при выдохе создают воздушную струю, необходимую для образования звуковых колебаний.

Гортань – это хрящевое образование, в котором расположены неподвижные *перстневидный* и *щитовидный* хрящи и два подвижных *черпаловидных* хряща. Переднюю часть щитовидного хряща (кадык) можно легко ощутить во время глотания. Сочленение всех четырёх хрящей образует вход в гортань. В верхней выемке щитовидного хряща укреплен плоский хрящ – *надгортанник*. При глотании он отклоняется назад и закрывает вход в гортань. К хрящам гортани прикрепляются голосовые связки. *Голосовые связки* представляют собой две расположенные друг против друга, выступающие внутрь гортани складки, в каждой из которых заложен мускул, называемый *голосовым мускулом*.

При образовании голоса связки сближаются (смыкаются), становясь препятствием на пути идущей из лёгких во время выдоха воздушной струи. Под её давлением межсвязочная щель раскрывается. Пропустив воздух, связки снова смыкаются. Таким образом, воздух выходит из гортани периодическими толчками, образуя ритмические сгущения и разрежения воздушной струи. Так возникает звуковая волна, воспринимаемая как голос. Частота колебаний голосовых связок обуславливает высоту голоса. Как уже указывалось, количество колебательных движений в единицу времени зависит от длины связок, их толщины, от силы и упругости самих связок и голосового мускула.

Надгортанные полости – это полость глотки, полость рта и полость носа. Здесь образуется всё разнообразие звуков речи. Все надгортанные полости являются прежде всего резонаторами.

Полость глотки нижней своей частью примыкает к гортани. Средняя часть глотки через отверстие (зев) соединяется с полостью рта. Верхняя часть глотки, или *носоглотка*, соединяется с полостью носа.

Полость рта является подвижным резонатором, во рту расположены основные органы речи. Важнейшим из них является *язык*, представляющий собой мышечный орган. Язык очень гибок, принимает различные формы, может двигаться целиком или отдельными своими частями почти во всех направлениях. Язык состоит из корня, тела и кончика. При образовании

звуков очень активной является спинка языка, которую условно делят на переднюю (ближе к кончику), среднюю и заднюю (ближе к корню).

Губы (верхняя и нижняя) представляют собой мягкую, подвижную границу полости рта. А её твёрдой, неподвижной границей являются верхние и нижние *зубы*. Над верхними зубами расположены *альвеолы* – выпуклый валик, образуемый углублениями с корнями верхних зубов. Сверху полость рта отделена от полости носа *нёбом*. Передняя часть нёба начинающаяся сразу за альвеолами, имеет костное основание и называется «*твёрдое нёбо*» (*palatum durum*). Задняя часть нёба мягкая, она заканчивается в зеве *маленьким язычком* (*uvula*). *Мягкое нёбо* часто называют нёбной занавеской (*velum palati*). Нёбная занавеска может прижиматься к задней стенке зева и закрывать вход в носоглотку, изолируя полость носа.

Полость носа, образуемая сочетанием костей и хрящей, разделена костной пластинкой на две части, каждую из которых с носоглоткой соединяет отверстие. Если нёбная занавеска опущена, то полость носа соединяется с полостью рта. Полость носа в отличие от полости рта является резонатором, не меняющим свою форму. А полость рта представляет собой резонатор, постоянно меняющий как свою форму, так и объём. Это в значительной степени обусловлено движениями органов речи, расположенных во рту.

Все органы речи делятся на активные и пассивные. *Активные органы речи* подвижны и исполняют основную работу при произношении звука. К ним относятся *голосовые связки, задняя стенка зева (глотка), нёбная занавеска с маленьким язычком, язык* (его корень, спинка и кончик) и *губы*.

Пассивные органы речи неподвижны и при артикуляции выполняют вспомогательную работу, которая заключается в сопровождении движения активных органов. Пассивными органами речи всегда являются *твёрдое нёбо, альвеолы и зубы*. Иногда пассивную роль выполняют задняя стенка глотки (зев) и нёбная занавеска с язычком.

Так можно представить себе устройство речевого аппарата, который обеспечивает артикуляцию.

Артикуляция (от лат. *articulatio* – ясно произносить) – работа органов речи, необходимая для образования того или иного звука. Всем языкам в мире свойственны общие черты артикуляции, и вместе с тем каждый язык имеет свои артикуляционные особенности, связанные с особенностями звуковой системы того или иного языка.

Привычные положения и движения органов речи, типичные для всех говорящих на данном языке, называют *артикуляционной базой*. Так называемый иностранный акцент связан с артикуляционной базой языка: человеку, который привык к одной артикуляционной базе, трудно переключиться на другую, для этого необходима длительная работа.

Классификация звуков речи

Если рассмотреть звуки, встречающиеся в разных языках мира, то их количество окажется очень значительным. Однако звуков речи конкретного

языка сравнительно немного. Их число, как правило, стремится к пятидесяти. Общее небольшое количество типовых звуков речи даёт возможность разработать принципы их классификации, пригодные для большинства языков. Это объясняется возможностями речевого аппарата, имеющего общее устройство у всех людей. В основе такой классификации лежат артикуляционные принципы.

Во всех языках мира существуют два типа звуков речи – *гласные* и *согласные*. При произнесении гласных звуков воздух проходит через органы речи свободно, не встречая на своём пути никаких преград. Поэтому гласные звуки состоят только из голоса. При произнесении согласных звуков воздушная струя, проходя через органы речи, встречает преграды (зубы, губы и др.), трётся о них, и возникает шум. Поэтому согласные звуки состоят из голоса и шума (звонкие) или из одного шума (глухие).

Классификация гласных звуков

Все гласные звуки образуются в гортани в результате колебания голосовых связок, различие между ними создается в полости рта обертонами. Положения языка определяют форму и объем полости рта, т.е. резонатора, от которого и зависит качество гласного звука. Движение языка по горизонтали, то есть вперёд или назад, определяет *ряд* гласного звука, поэтому различают гласные переднего (*и, э*), среднего (*ы, а*) и заднего ряда (*у, о*). При произнесении гласных *переднего* ряда всё тело языка в полости рта продвигается вперёд, его кончик касается верхних зубов, а средняя часть спинки в той или иной степени поднимается к твёрдому нёбу. При образовании гласных *среднего* ряда тело языка несколько отодвинуто назад, а вся спинка высоко поднята к нёбу. При этом несколько поднят и кончик языка. Для артикуляции гласных *заднего* ряда всё тело языка отодвинуто назад, задняя часть его спинки прижимается к мягкому нёбу, а кончик опускается и несколько отходит от нижних зубов.

Движение языка по вертикали (вверх и вниз), то есть степень подъема его средней части к нёбу, обуславливает выделение гласных верхнего, среднего и нижнего *подъёма*. При произнесении гласных *верхнего* подъёма (*и, ы, у*) язык занимает в полости рта самое высокое положение. При артикулировании гласного *нижнего* подъёма (*а*) он занимает самое низкое положение в полости рта. При образовании звуков *среднего* подъёма (*э, о*) язык занимает среднее положение в ротовой полости.

В зависимости от участия или неучастия губ выделяют *лабиализованные* и *нелабиализованные* (от латинского *labium* – губа) гласные. Лабиализованные (огублённые) звуки образуются при округлении и вытягивании губ. В русском языке это *у, о*. При произнесении неогублённых звуков губы пассивны.

Таким образом, русские гласные звуки классифицируются по следующим параметрам:

- 1) подъём (движение языка по вертикали);

- 2) ряд (движение языка по горизонтали);
- 3) участие или неучастие губ.

Гласные могут быть чистыми и носовыми. В русском языке есть только чистые гласные. Носовые гласные свойственны французскому, польскому и некоторым другим языкам, например, фр. *vanter* – хвалить, польск. *język* – язык.

В разных языках количество гласных не совпадает. Например, в русском языке шесть гласных звуков, в современном немецком языке их тринадцать, а в современном английском – двадцать один гласный звук.

В языках мира существуют и сложные гласные, состоящие из двух элементов, произносимых как один слог и выступающих как единство. Это так называемые *дифтонги*. Например, в английском – дифтонг [ou] в словах *go* – *идти*, в испанском [ie], [ue] в словах *bien* – *хорошо*, *bueno* – *хороший*.

Классификация согласных звуков

Как было отмечено, согласные звуки по соотношению звука и голоса делятся на звонкие и глухие. Кроме того, они различаются по *месту* образования преграды при прохождении воздушной струи и по *способу* образования.

По *месту образования* согласные в русском языке делятся на две группы: *губные* – **б, п, м, в, ф**; *язычные* – **з, с, д, т, ц, л, н, ж, ш, щ, ч, р, г, к, х**. При образовании губных согласных преграда создаётся смычкой нижней губы с верхней или сближением нижней губы с верхними зубами. В первом случае получаются *губно-губные* звуки – **б, п, м**, во втором *губно-зубные* – **в, ф**.

Язычные подразделяются на *переднеязычные*, *среднеязычные* и *заднеязычные*. Переднеязычные согласные в зависимости от места образования могут быть *зубными* и *передненёбными*. При образовании зубных звуков (**з, с, д, т, ц, л, н**) преграда создаётся сближением передней части и кончика языка с зубами или с зубами и альвеолами. Передненёбные звуки (**ж, ш, щ, ч, р**) образуются в результате подъёма передней части спинки языка или его кончика к альвеолам и передней части твёрдого нёба. Среднеязычные согласные образуются сближением средней спинки языка с твёрдым нёбом (в русском языке это **й**). При образовании заднеязычных (**г, к, х**) преграда создаётся сближением задней спинки языка с мягким нёбом.

В других языках мира могут быть представлены *увулярные* (язычковые) согласные, например, картавое R, встречающиеся в западноевропейских языках; *фарингальные* (от греч. *pharynx* – зев) согласные, например, *h* в немецком языке – *halten* (держатель).

По *способу образования* согласные делятся на *щелевые* и *смычные*. При образовании щелевых звуков (**в, ф, с, з, ж, ш, й, х**) органы речи неплотно смыкаются, оставляя щель, через которую проходит воздух. Щель возникает в ротовой полости – между губами и зубами (**в, ф**), между языком и зубами (**с, з, ж, ш**), между языком и нёбом (**й, х**). Через неё с трением проходит

воздушная струя, поэтому щелевые звуки иначе называются *фрикативными* (от лат. frikare – тереть).

При образовании *смычных* звуков (**б, п, д, т, г, к, ц, ч, л, м, н, р**) органы речи плотно смыкаются. В зависимости от того, как происходит разъединение смычки, данные согласные в свою очередь делятся на подгруппы: 1) *взрывные* (**б, п, д, т, к, г**) – смычка резко разрывается напором воздушной струи; 2) *аффрикаты*, или *смычно-щелевые* (**ц, ч**) – смычка переходит в щель; 3) *смычно-проходные*, при образовании которых воздушная струя обходит возникшую смычку органов речи; в зависимости от пути прохождения струи воздуха смычно-проходные подразделяются на *носовые* (**м, н**), при произнесении которых мягкое нёбо опускается и закрывает проход в ротовую полость, а воздух проходит через нос, и *боковой* (**л**), образующийся в результате просачивания воздуха по бокам языка; 4) *дрожащий* (**р**), который возникает в результате ритмических колебаний кончика языка, то есть вибрацией, поэтому второе его название – *вибрант*. Звуки **м, н, л, р** называются *сонорными* (звучными, от лат. sonog – звук).

Русские согласные звуки, кроме того, различаются по *мягкости* – *твёрдости*, то есть могут быть палатализованными (мягкими) или непалатализованными (твёрдыми). Палатализация заключается в поднятии передней или средней части спинки языка к твёрдому нёбу. Согласный **й** в этой системе занимает особое место: он всегда мягкий – палатальный, так как при его образовании есть только основная артикуляция – подъём средней части спинки языка к твёрдому нёбу – и нет добавочной. В разных языках степень палатализованности согласных звуков различна.

Таким образом, согласные звуки классифицируются по следующим параметрам:

- 1) соотношение звука и голоса,
- 2) место артикуляции (образования преграды),
- 3) способ артикуляции (образования преграды),
- 4) твёрдость / мягкость (отсутствие / наличие палатализации).

Понятие фонемы

Взаимоотношение звуков в речевом потоке приводит к бесконечному их разнообразию. Замечательные отечественные лингвисты Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ и Лев Владимирович Щерба обратили внимание на то, что существует противоречие между сравнительно небольшим количеством звуков языка, которые обозначаются на письме и которые усваиваются при обучении, с одной стороны, и практически бесчисленным количеством разных звуков, из которых складывается речь, с другой. Вот, например, слово *железнодорожный*. При произнесении разными людьми составляющие его звуки будут отличаться друг от друга по высоте, длительности, тембру. Но на письме каждый русский обозначит их одними и теми же буквами, не обратив внимания на изменения в звучании.

Эти наблюдения обусловили возникновение *фонологии* – науки, которая в отличие от фонетики, изучающей физические свойства звуков, изучает те же звуки с функциональной стороны – как средство различения звуковых оболочек слов и их значений. Академик Л.В. Щерба указывал: «В живой речи произносится гораздо большее, чем мы это обыкновенно думаем, количество звуков, которые в каждом языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, то есть служить целям человеческого общения». Эти звуковые типы стали называть *фонемами*.

Понятие фонемы предложено профессором И.А. Бодуэном де Куртенэ в 1868 году, а термин «фонема» он впервые употребил в 1881 году. Этот учёный трактует фонему с психологической точки зрения как «представление звука», существующее в сознании человека. В его понимании фонема – это звук, одинаковый в представлении (то есть в сознании носителя языка), но разный в исполнении (то есть в произношении его отдельными людьми).

К настоящему времени учение о фонеме детально разработано. *Фонема* – это типовой звук, служащий для различения звуковых оболочек слов и их форм. Выделить фонемы можно путем сопоставления похожих в звуковом отношении слов. Например: *мул – мол – мал – мыл*. Здесь звуки *у – о – а – ы* представляют собой разные фонемы, так как выполняют смыслоразличительную функцию, различают эти слова по значению. При сопоставлении слов *мыл – мил, мал – мял, мол – мёл* выделяются фонемы *м* и *м`*.

Иной характер имеют отношения между гласными звуками в словесном ряду *мат – мят – мать*. При сопоставлении выявляется, что гласный ударный звука *а* в этих словах звучит неодинаково: между твёрдыми согласными (*мат*) *а* выступает как гласный среднего ряда, после мягкого согласного перед твёрдым (*мят*) становится более передним в начале своей длительности, между мягкими согласными (*мать*) продвигается вперёд и несколько вверх на всём протяжении своей длительности. Однако смыслоразличительной функции в приведённых примерах рассматриваемый гласный не выполняет, так как различие указанных слов определяется различием согласных звуков (*м – м`*) и (*т – т`*). Поэтому можно сказать, что в данном случае гласные звуки, произносимые в словах *мат – мят – мать*, не являются самостоятельными фонемами, а представляют собой разновидности одной фонемы – *а*.

Звуки, являющиеся разновидностями одной фонемы, называются вариантами этой фонемы, или её *аллофонами*. Так, фонема *т* в русском языке выступает по меньшей мере в двух вариантах:

- 1) как обыкновенное *т* в словах *таз, ты, брат*;
- 2) как лабиализованное *т* – в положении перед *у* или *о* (*туз, брату, ток*).

С точки зрения философии отношения фонемы и аллофона – это отношения общего и частного. Фонема предстаёт как сущность общего характера (*инвариант*), а аллофоны как её конкретные воплощения

(*варианты*). Варианты фонемы могут быть акустико-артикуляторно близки друг другу (как в приведённых примерах), а могут быть и очень далеки друг от друга. Например, в слове *сад* фонема *а* в позиции между твёрдыми согласными под ударением звучит очень чётко, а в слове *пятОк* в позиции после мягкого согласного без ударения как *и* с оттенком *э*.

Пределы варьирования фонемы определяются фонетическими процессами и чередованиями звуков речи, свойственными данному языку; единство фонемы обеспечивается общим акустико-артикуляционным представлением о типе звука речи конкретного языка, принадлежностью вариантов одной морфеме, их фонетической обусловленностью. Варианты фонемы могут быть фонетические и нефонетические. Нефонетические связаны с индивидуальными особенностями произношения (например, картавость, шепелявость), диалектным произношением (*ʒ* фриктивный вместо *з* взрывного), колебанием орфоэпических норм. Подобные явления называют ещё вариациями фонем.

Фонетические варианты фонемы являются обязательными для всех говорящих на данном языке, так как вызываются фонетическими процессами и чередованиями звуков данного языка. Среди всех вариантов выделяется *основной*. Основным вариантом называется такое произнесение фонемы, при котором сохраняются все её признаки. Идеально такой вариант может быть представлен при изолированном произнесении звука, а при употреблении в слове – звучанием фонемы в сильной позиции.

Сильной называют позицию, в которой звучание фонемы в наименьшей степени зависит от фонетических условий и она звучит наиболее чётко. Такой позицией для гласных фонем является положение под ударением, особенно в открытом слоге.

Сильной позицией для согласных фонем является положение:

- 1) перед гласными;
- 2) перед звуком *в* (*твой*);
- 3) перед звуком *й* (*объявить*);
- 4) перед сонорным (*р, л, м, н*).

В *слабых* позициях фонемы видоизменяются, выступая в виде своих вариантов. В некоторых случаях в слабой позиции становится возможной *нейтрализация* фонем, которая заключается в том, что две разные фонемы, утрачивая свои специфические признаки, произносятся одинаково. Например, в позиции конца слова одинаковое звучание имеют фонемы *б* (*столбы – столб*) и *п* (*столпы – столп*).

Таким образом, фонема – это существующий в сознании носителей языка звуковой тип, способный различать слова и их формы, а аллофоны – звучащие в речевом потоке её фонетически сходные разновидности, отличающиеся друг от друга частичным изменением отдельных различительных признаков.

Система фонем

Фонемы того или иного языка в совокупности образуют особым образом упорядоченную систему, в которой каждая единица (фонема) находится в определённых отношениях со всеми другими единицами (фонемами). В этой системе, как указывал Л.В.Щерба, «каждая фонема определяется тем, что отличает её от других фонем того же языка», то есть она противопоставлена всем другим, отличается от каждой из них каким-то признаком или рядом признаков. Признаки, по которым фонемы отличаются друг от друга, получили название *дифференциальных*. Дифференциальные признаки выявляются в противопоставлениях фонем – *оппозициях*.

Каждая фонема имеет определенный набор дифференциальных признаков, отличающий её от любой другой фонемы данного языка. Например, в русском языке фонема *э* характеризуется тремя признаками: отсутствием лабиализации, передним рядом и средним подъемом. В противопоставлении другим гласным фонемам она может иметь разные дифференциальные признаки. Дифференциальные – значит, различительные. Так, фонеме *и* она противопоставляется одним дифференциальным признаком – подъемом (*э* – среднего подъема, *и* – верхнего).

В немецком языке дифференциальным признаком фонем *а* и *ā* является долгота, все остальные признаки – общие. Например, Stadt – город и Staat – государство. Общие признаки, которые не разграничивают фонемы языка, называются *интегральными*.

Согласные фонемы также имеют дифференциальные и интегральные признаки. Например, согласная фонема *д* характеризуется пятью основными признаками: она шумная, смычная, переднеязычная, зубная, твердая. Фонема *р* противопоставлена ей двумя дифференциальными признаками: *р* – сонорная и дрожащая. Этих признаков у фонемы *д* нет. А у фонемы *р* нет признаков: шумная, смычная, зубная. Все остальные признаки фонем *д* и *р* – интегральные.

Таким образом, фонемы того или иного языка связаны между собой интегральными признаками и различаются дифференциальными признаками, которые выявляются в оппозициях.

Оппозиции могут образовывать коррелятивные (от лат. correlativus – соотносительный) ряды фонем. Например, в фонематической системе русского языка имеется два коррелятивных ряда согласных: ряд звонких и глухих согласных и ряд твёрдых и мягких согласных. Кроме того, система фонем русского языка характеризуется противопоставлением лабиализованных и нелабиализованных гласных фонем, гласных верхнего и нижнего подъема, противопоставлением смычных и фрикативных согласных, переднеязычных и заднеязычных и т.д.

Своеобразие фонологической системы каждого языка касается общего количества фонем и соотношения гласных и согласных фонем. Например, в абхазском языке 60 фонем (из них только две гласные: *а* и *ы*), а в австралийском языке аранта – 13 фонем (из них три гласные). Естественно, что

система гласных из трёх или шести фонем (как в русском языке) отличается от системы гласных из 15 фонем (как во французском или немецком).

Кроме того, системы фонем разных языков различаются типами фонетических оппозиций и коррелятивных рядов. Наиболее типичными, встречающимися в разных языках мира являются оппозиции, опирающиеся на способ артикуляции (смычные – щелевые) и звонкость (звонкие – глухие). Твёрдость и мягкость, столь важные для фонологической системы русского языка, не являются в других языках дифференциальными, то есть смыслоразличительными признаками. А такой дифференциальный признак системы гласных французского и польского языков, как назальность (носовое произношение), не используется в фонологических системах других языков. Таким образом, фонологические системы разных языков имеют свою национальную специфику.

Изменение звуков в речевом потоке. Фонетические процессы

В потоке звучащей речи происходит взаимовлияние звуков, что приводит к их изменению. Изменения звуков в речевой цепи называют фонетическими процессами. Фонетические процессы вызываются двумя основными причинами: 1. влиянием друг на друга соседних звуков, их сочетанием, то есть *комбинацией*; 2. влиянием на звук его места в слове, то есть того положения, той *позиции*, в которой он находится (начало или конец слова, ударный или безударный звук и т.д.). Соответственно, в зависимости от того, что обусловило данный фонетический процесс – сочетание, комбинация звуков в слове или его положение (позиция), различают два типа фонетических процессов – *комбинаторные* и *позиционные*.

Комбинаторные фонетические процессы обуславливаются взаимным влиянием звуков, находящихся по соседству, и объясняются связанностью артикуляций, поскольку в этом случае происходит частичное наложение завершения артикуляции предшествующего звука на начало артикуляции последующего. Основными типами комбинаторных изменений являются: аккомодация, ассимиляция, диссимиляция, диереза, гаплогия и др.

Аккомодация (от лат. *accomodatio* – приспособление) возникает между звуками разного рода (гласными и согласными) и заключается: 1) в изменении артикуляции согласных звуков под влиянием соседних гласных; 2) изменении артикуляции гласных звуков под влиянием соседних согласных. Например, в русском языке согласные звуки перед огублёнными гласными *у, о* лабиализуются, то есть произносятся с округлением губ и выдвиганием их вперёд: *в-у-оля (воля)*, а гласные звуки после мягких согласных являются более передними (*рад – ряд*). Аккомодация – лишь частичное приспособление артикуляций, поскольку данному процессу подвергаются звуки разного типа, которые полностью уподобиться друг другу не могут. Это становится возможным только при ассимиляции.

Ассимиляция (от лат. *assimilatio* – уподобление) – уподобление одного звука другому в каком-либо отношении. Ассимиляция возможна у гласных

звуков с гласными и у согласных с согласными. Ассимиляция – такой тип комбинаторных изменений, при котором из двух разных звуков образуются два одинаковых или близких по артикуляции звука. Например, если предшествующий звук звонкий, а последующий глухой, то предшествующий тоже может стать глухим (*лодка* – *лотка*). Различают несколько видов ассимиляции: 1) по результатам – полную и частичную; 2) по направлению – прогрессивную и регрессивную; 3) по положению взаимодействующих звуков относительно друг друга – контактную и дистанционную.

Полной ассимиляцией называется такая, в результате которой два разных звука становятся совершенно одинаковыми и сливаются в один. Например: *бесшумный* (*бешшумный*), *сжечь* (*жжечь*). *Частичной* (неполной) называется ассимиляция, при которой уподобление происходит лишь в одном компоненте артикуляции, то есть, несмотря на сходство одних признаков, сохраняется различие в других и тождества взаимодействующих звуков не возникает. Например, в слове *лавка* (*лафка*) звук *в* уподобляется звуку *к* только по глухости, оставаясь губно-зубным фрикативным, в то время как *к* – заднеязычный взрывной.

При *прогрессивной*, или прямой, ассимиляции предыдущий звук влияет на последующий и уподобляет его себе, то есть процесс идёт от начала слова к его концу (вперёд). Например, нем. *Zimmer* возникло из *Zimber* (стоящий первым звук *m* воздействовал на следующий за ним звук *b* и уподобил его себе, то есть сочетание *mb* превратилось в сочетание *mm*). В русском языке прогрессивная ассимиляция встречается очень редко.

При *регрессивной* ассимиляции последующий звук влияет на предыдущий и уподобляет его себе, то есть процесс идёт от конца слова к началу (назад). Например: *сбить* (*з`б`ит`*) – находящийся ближе к концу слова звонкий *б* воздействовал на стоящий в начале слова глухой *с* и уподобил его себе по признаку «звонкость». Регрессивная ассимиляция во всех языках мира встречается чаще, чем прогрессивная.

При *контактной* ассимиляции взаимодействуют стоящие рядом (соседние) звуки. Например: *мальчик* (отмал, *малый*). Мягкий *ч* воздействовал на стоящий рядом звук *л*, уподобив его себе по признаку «мягкость».

При *дистактной* (дистанционной) ассимиляции взаимодействуют звуки, находящиеся на расстоянии друг от друга, разделённые другими звуками. Например, в слове *добелый* звук *э* воздействовал на отделённый от него звуком *б* гласный *о*, уподобив его себе, и это слово стало произноситься как *дебелый*.

Причины возникновения ассимиляции кроются во внутренних законах развития звуковой системы языка. Типичным случаем ассимиляции является сингармонизм (гармония гласных), свойственный тюркским, финно-угорским и др. языкам. Сингармонизм состоит в том, что во всех частях слова должны быть гласные одного ряда. Так, в татарском языке суффикс множественного числа имеет вид *-lar*, если в корне – гласные переднего

ряда, например: *adamlar* (люди), *odalar* (комнаты), и вид *-ler*, если в корне гласные переднего ряда, например: *evler* (дома). В заимствованных из тюркских языков словах (*тулуп, сарафан, армяк, сарай* и т.п.) сохраняется сингармонизм.

Менее часто встречается явление, противоположное ассимиляции, – диссимиляция. *Диссимиляция* (от латинского *dis-similation* – расподобление) – это процесс, при котором из двух одинаковых или близких по артикуляции звуков получаются разные или более далёкие по артикуляции звуки. Например: *вести* из *ведти*.

Диссимиляция возникает между звуками одного типа: у гласных с гласными (вокалическая) и у согласных с согласными (консонантная). Чаще встречается консонантная диссимиляция. Так же, как и ассимиляция, диссимиляция может быть прогрессивной и регрессивной, контактной и неконтактной. Например: слово *коридор* в просторечном произношении может звучать как *калидор*. По направлению это регрессивная диссимиляция, потому что последний звук *р* сохранил своё качество, а звук, стоящий ближе к началу слова, изменился, то есть направление процесса – спереди назад, по расположению расподобившихся звуков относительно друг друга это дистакная диссимиляция. Диссимилироваться могут не только одинаковые, но и близкие звуки, например, *транвайизтрамвай*, где из двух губных один стал переднеязычным. Примеры диссимиляции: *мархрутка* (*маршрутка*), *л'инон'иум* (*линолеум*), *кохт'и*, *скушнъ*, *бонба* и т.д. Как показывают примеры, диссимиляция свойственна в основном диалектной речи и просторечию.

Ассимиляцией и диссимиляцией обуславливаются и некоторые другие фонетические процессы комбинаторного характера, связанные в основном с усложнением или упрощением в группах согласных.

Эпентеза – вставка звука в определённых сочетаниях. Например: *земля* (в болгарском – *земя*), диалектное *ндрав* (*нрав*).

Диереза – выпадение звука в сложном сочетании звуков. Например, при произношении слов *честный, солнце* звуки *т* и *л* не произносятся.

Гаплогия – выпадение одного из двух сходных звуков или слогов, например: *знаменосециззнаменоносец*.

Ассимиляцией и диссимиляцией обусловлена *метатеза* (от греч. *metathesis* – перемещение) – перестановка звуков. Например, *ладонь* (из древнерусского *долонь*), *сыворотка* (из древнерусского *сыроватка*).

В языках мира встречается также *субституция* (от лат. *substitutio* – подстановка) – замещение одного звука другим. Это явление может происходить как при заимствовании слов, так и в одном и том же языке. Например, кафедра (из греч. *kathedra*), Федор (из греч. *Theodor*), Микола из Никола и т.д.

Таким образом, комбинаторные изменения обусловлены влиянием одних звуков связной речи на другие.

Как уже указывалось, в отличие от комбинаторных, *позиционные* изменения вызваны влиянием общих условий произношения, позицией звука

в слове. К ним относятся редукция, оглушение согласных в конце слова перед паузой, протеза, фонетическое чередование звуков и т.д.

Редукция – это ослабление, сокращение звучания гласных звуков в безударном положении. Редукция бывает качественной и количественной.

При *количественной* редукции изменяется только долгота и сила звука, но качество остаётся без изменений, то есть они звучат более кратко и приглушённо, но не меняют тембра. Например: *бур – бурав – буравой*. В русском языке количественной редукции подвергаются гласные **и, ы, у**.

При *качественной* редукции изменяются не только долгота и сила звука, но и его тембр. Качественной редукции в русском языке подвергаются гласные **о, а, э**. Например: *дом – дама – дьмавой*. В слове *дом* в позиции под ударением звучит гласный заднего ряда, среднего подъёма, лабиализованный. В форме множественного числа данного слова (*дома*), оказавшись в безударной позиции, он редуцируется и его звучание приближается к **а**, но это звук среднего (а не нижнего) подъёма, задне-среднего ряда, нелабиализованный. В слове *домовой* степень редукции увеличивается, и гласный **о** трансформируется в звук среднего ряда, среднего подъёма, нелабиализованный.

К числу позиционных изменений относится и так называемая *протеза* (от греч. *prothesis* - подстановка) – это согласный звук, приставляемый к слову спереди перед гласным: *восемь* из *осемь*. В качестве протетических выступают согласные **в, г, ж**. Например: *вострый* (из *острый*), *гусеница* (из *усеница*), *яблоня* (хотя в болгарском *абълка*).

Оглушение звонких согласных в конце слова перед паузой наблюдается во многих языках мира. Этот процесс характерен и для русского языка, например, в словах *дуб, зуб, город*, несколько *труб* происходит оглушение конечного звонкого согласного. Физиологической основой этого явления считается преждевременное возвращение произносительного аппарата в состояние покоя.

Таковы основные позиционные изменения звуков.

Фонетическое членение речевого потока

Членораздельные звуки являются средством создания речи. Связная человеческая речь представляет собой звуковой поток, который делится на составные части: фонетические фразы, такты, слова и слоги.

Самым крупным звеном в потоке речи, то есть самой крупной фонетической единицей, является *фонетическая фраза*. Фразой называется законченный по смыслу отрезок речевой цепи, заключённый между двумя паузами.: */// Я встретился с ним много лет назад // когда мы оба были молоды // и ничем не обременены ///*. Следует иметь в виду, что нельзя отождествлять фразу и предложение, так как фраза – это фонетическая единица, а предложение – грамматическая.

Фраза распадается, членится на речевые такты, или синтагмы. *Речевой такт* – это часть фонетической фразы, ограниченная паузами и

характеризующаяся интонацией незаконченности. Например: *Несколько лет тому назад / в одном из своих поместий / жил старинный русский барин, / Кирила Петрович Троекуров*. Паузы, отделяющие один такт от другого, являются более короткими, чем паузы между фразами. Членение фразы на такты тесно связано с выражением содержания и опирается на понимание её смысла. Произвольность членения приводит к искажению или изменению мысли. Примером может служить известное высказывание *Казнить нельзя помиловать*.

Если одно и то же высказывание позволяет по-разному понять смысл, то и расчленить его на речевые такты можно по-разному. Например: *Они снабжали его книгами / своих друзей. Они снабжали его / книгами своих друзей*. Целостность речевого такта (синтагмы) определяется прежде всего невозможностью пауз внутри неё, а также тем, что каждый такт характеризуется одним *тактовым* ударением (лат. *tactum* означает ударение, касание, толчок). Обычно в речевом такте объединяется несколько слов, хотя он может совпадать и с отдельным словом, например: *Вечером / все сидели за ужином*. Таким образом, речевой такт, или синтагма, представляет собой интонационно-смысловое единство. Деление фонетической фразы паузами на речевые такты создает мелодику речи, имеющую свою специфику в каждом национальном языке.

Речевой такт распадается на более мелкие единицы – фонетические слова. *Фонетическим словом* называется часть речевого такта (или фразы, если она не делится на синтагмы, например: *Поезд идёт. Птицы улетели.*), объединенная одним ударением. Следует иметь в виду, что фонетическое слово далеко не всегда совпадает со словом в его лексическом и грамматическом понимании. Например, во фразе *А в роще полутьма* лексических слов – четыре, а фонетических два (произносится: *а-в-рощеполутьма*). Это связано с фонетическими процессами. Дело в том, что в большинстве языков знаменательные слова, как правило, образуют самостоятельный такт, поскольку имеют своё словарное, а следовательно, и фразовое ударение. А незнаменательные слова, не имея своего ударения, примыкают к знаменательным и составляют вместе с ними одно фонетическое слово. К неударяемым словам обычно относят предлоги (*у, на*), союзы (*и, да*), частицы (*бы, ли, же*), артикли.

Безударные слова, которые примыкают к началу следующего слова, то есть спереди, называются *проклитиками*. Например: *на дому, не знал*. А безударные слова, примыкающие к концу предшествующего слова, называются *энклитиками*. Например: *знал бы, читала ли*. В русском языке иногда оказываются в безударном положении и становятся энклитиками знаменательные слова, например: *з`а город, `из лесу, б`ез вести*.

Фонетические слова распадаются на слоги. *Слог* – это часть фонетического слова, состоящая из сочетания полнозвучного и неполнозвучного звуков или из одного полнозвучного звука. Не все звуки способны образовывать слоги, то есть быть слогообразующими. Чаще всего вершину, или ядро, слога образуют гласные звуки, а на периферии слога располагаются согласные.

Есть языки, в которых в качестве слоговых могут употребляться согласные звуки, например, сербохорватский и чешский, где возможен слоговой *r* (в сербохорватских словах *прст* – палец, *срп* – серп, чешских *vrba* – верба, *Brno* – название города) и слоговой *l* (в чешском *vlk* – волк).

Несмотря на то, что членение речи на слоги очевидно, всё же определение слога и его границ является одной из сложных проблем фонетики. Наиболее часто слог определяют как минимальную произносительную единицу речи, элементы которой тесно связаны между собой акустически и артикуляционно.

По звуковому строению слоги делятся на *открытые*, которые заканчиваются слоговым звуком, например: *у-че-ба*, нем. *Kna-be* – мальчик; и *закрытые*, которые заканчиваются неслоговым звуком, например: русск. *кар-ман*, *лет-чик*; фр. *tek-nik*. По характеру начального звука слоги могут быть *прикрытыми*, если начинаются с неслогового элемента (например, *пур-га*, *гром-ко*) и *неприкрытыми*, если начинаются со слогообразующего звука (*ар-кан*, *у-лей*). В большинстве языков мира преобладают открытые слоги, есть языки (например, полинезийские, которые допускают только открытые слоги (см. названия островов Тихого океана: Са-мо-а, Ра-па-ну-и), однако для германских языков более типичны закрытые слоги.

Ударение, его виды и функции в языке

В слове может быть несколько слогов, но произносятся они неодинаково. Один из слогов произносится сильно, долго, напряженно. Это *ударный* слог. Другие произносятся слабо, кратко. Это безударные слоги. Таким образом, ударение – это выделение из группы слогов одного слога силой голоса и долготой звучания. В языках мира различаются два основных типа ударения: динамическое (силовое, экспираторное) и музыкальное (тоническое).

При *динамическом* ударении ударный слог выделяется большей силой, интенсивностью артикуляции и голос звучит более ясно и четко. Такое ударение свойственно русскому, английскому, болгарскому и др. языкам.

Музыкальное ударение основано на изменении высоты тона (повышение или понижение), которая определяется частотой колебаний голосовых связок. Музыкальное ударение свойственно китайскому, японскому, корейскому и др. языкам. Данный тип ударения отличается большим разнообразием вариаций. Так, в китайском языке многие однокоренные слова отличаются движением слогового тона, например: *ма* (с ровным тоном) – мать, *ма* (с восходящим тоном) – конопля, *ма* (с нисходяще-восходящим тоном) – лошадь, *ма* (с нисходящим тоном) – ругать.

В истории некоторых языков встречаются случаи перехода от музыкального ударения к динамическому. Например, в древнегреческом языке было музыкальное ударение, в современном новогреческом – силовое. Смешанное ударение наблюдается в немецком языке, где ударный слог отличается от безударного и большей силой, и изменением тона.

В некоторых языках словесное ударение отсутствует. К таким языкам относят палеоазиатские (языки севера и северо-востока Азии и Северной Америки) и некоторые языки тунгусо-манчжурской группы.

Наряду с фонетическими видами ударения выделяют его структурные типы – по месту ударного слога в слове. По этому признаку различают ударение связанное (фиксированное) и свободное (нефиксированное). *Связанное* ударение во всех словах языка падает только на определённый по счёту слог. Например, в чешском, венгерском и латышском ударение обычно падает на первый слог, в польском – на предпоследний, во французском и турецком – на последний

В русском языке ударение *свободное*: оно может падать на любой слог. По отношению к морфологической структуре слова ударение может быть подвижным и неподвижным. *Подвижное* ударение – это ударение, которое способно перемещаться в разных словоформах одного и того же слова, оно не привязано к одной морфеме, например, ударение в слове *вода*: ед.ч.им.п. *вода*, вин.п. *воду*, мн.ч.им.п. *воды* и т.д. *Неподвижное* ударение – это постоянное ударение, привязанное к одной и той же морфеме разных словоформ слова (*книга* – *книги* – *книгам* и т.д.). В одних категориях слов русского языка оно неподвижно во всех формах слова, в других – подвижно. А вот, например, в английском языке ударение неподвижное: место ударения в слове не меняется, какие бы аффиксы ни добавлялись к основе.

Разноместность словесного ударения в некоторых языках является важным фонологическим средством: оно различает звуковые оболочки слов (*атлас* – *атлас*) и их форм (*окна* – *окна*), разграничивает слова, относящиеся к разным частям речи, например: в англ. *export* – вывоз, *export* – вывозить.

В процессе исторического развития место ударения в слове может меняться, например: *музыка* – *музыка*. В XVIII веке в слове *язык* ударение было неподвижно во всех падежах единственного и множественного числа (*язык*, *языка*, *языку*, *языки*). Поскольку ударение изменяется постепенно, в языках мира наблюдается колебание ударения в некоторых словах (*творог* – *творог*, *мышление* – *мышление*).

Кроме словесного (фонетического) ударения, выделяют фразовое, или синтагматическое, ударение, которое играет важную роль в интонации.

Интонация и её роль

Интонация (от лат. *intonare* – громко произносить) – это ритмико-мелодический строй речи, основанный на повышении и понижении тона, а также таких свойствах, как интенсивность, длительность, темп и тембр произнесения. Некоторые исследователи включают в состав компонентов интонации паузы и ударение (*синтагматическое* – членящее фразу на смысловые отрезки – синтагмы и *логическое* – выделение при помощи интонационных средств наиболее важных компонентов фразы). Интонация – существенная составная часть языка, выполняющая в нем разнообразные и чрезвычайно важные функции.

По роли в речи различают 2 типа интонации – интеллектуальную и эмоциональную. *Интеллектуальная* интонация может быть повествовательной, вопросительной и побудительной; она может передавать резкий переход от одной мысли к другой, неожиданный результат, ожидание и т.п. *Эмоциональная* интонация служит для выражения удивления, восхищения, сочувствия, сожаления и других чувств.

В некоторых языках интонация выполняет смыслоразличительную функцию (изменяет значение слова). Такая интонация свойственна японскому, корейскому, китайскому и другим языкам. Например, в китайском языке слово *biao* в зависимости от интонации может иметь значение «часы» или «таблица», в японском слово *su* может иметь значение «гнездо» и «укус» и т.д.

В индоевропейских языках интонация является одним из существенных признаков предложения. Выявляются определённые типы интонации, используемые для выражения той или иной коммуникативной задачи. Их называют *интонемами*, или интонационными конструкциями (ИК). Количество интоном в языке ограничено. Так, французский фонетист П. Делатр выделил 10 основных типов интонаций. В русском языке Е.А. Брызгунова выделила и описала 7 интонационных конструкций посредством которых передаются разнообразные коммуникативные смыслы сообщений.

Тема 7 ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ

Лексикология как наука

Совокупность всех слов языка образует его словарный состав, или лексику. Раздел языкознания, в котором изучается словарный состав, называется *лексикологией* (от греч. *lexis* – слово, *logos* – учение).

Лексикология как наука включает в свой состав несколько специальных разделов.

Семасиология (греч. *sēmasia* – значение) изучает особенности семантики слова, типы лексических значений, различные смысловые связи слов и значений в лексической системе языка.

Ономасиология (греч. *onoma* – имя) исследует закономерности обозначения словами предметов и явлений.

Этимология (греч. *etymon* – истина) раскрывает происхождение слов.

Фразеология (греч. *phrasis* – выражение) рассматривает устойчивые сочетания слов.

Лексикография (греч. *lexicon* – словарь, *graphō* – пишу) занимается теорией и практикой составления словарей.

Различают лексикологию общую, частную, сопоставительную, контрастивную, историческую, описательную.

Общая лексикология – наука о словарном составе вообще, в ней вскрывается специфика лексического уровня, свойственная всем языкам

мира. *Частная лексикология* – наука о словарном составе того или иного конкретного языка. В *сопоставительной* производится сопоставление подсистем лексики неродственных языков; *контрастивная лексикология* изучает типы лексических и фразеологических соответствий в двух языках (обычно родном и иностранном), выявляя национальную специфику семантики. В *исторической (диахронической)* лексикологии изучается история развития словарного состава, в *описательной (синхронной)* словарный состав характеризуется в статике.

Слово как основная единица системы языка

Несмотря на то, что большинством учёных слово трактуется как основная единица языка, оно до сих пор не получило чёткого и общепризнанного лингвистического определения. Вероятно, в числе прочих причин такое положение дел объясняется сложностью и многоаспектностью, многомерностью данной единицы, разнообразием существующих в языке её структурно-семантических разновидностей (ср.: *дом, читать, он, уже, для, прыг* и т.п.). Слово – это такая единица языка, которая представляет собой и фонетическое, и морфологическое, и лексико-семантическое целое, а следовательно, может быть охарактеризована на основе учёта различных признаков, что и обусловило отличия в его определении.

С точки зрения фонетики слово рассматривается как определенный звуковой комплекс, оформленный по законам звукового строя национального языка. Например, звуковые комплексы: *ргйугсчу* (по-тибетски – поток), *йэкрорд* (по-армянски – второй) включают недопустимые для русского языка сочетания звуков, которые нарушают слоговую структуру русского слова.

С точки зрения структурных характеристик слово представляет собой целостную самостоятельную единицу языка. Даже если слово состоит из одной морфемы, оно отличается от неё тем, что оформлено по законам грамматики данного языка и способно самостоятельно употребляться в речи. Например, слово *шум* – это существительное мужского рода единственного числа, которое целиком воспроизводится в речи, а морфема *–шум–* употребляется только в составе слов и может быть корнем глагола *шуметь*, прилагательного *шумный*, наречия *шумно* и т.п.

При сопоставлении слова со словосочетанием выявляется еще одно свойство его структуры – непроницаемость, которая проявляется в том, что слово не допускает вставок, перестановок, усечения элементов.

Однако абсолютной силы данный признак не имеет. В разных языках есть факты расчленения слова. Например, в русском языке это отрицательные местоимения, ср.: *никто – ни у кого*; в немецком языке существуют отделяемые приставки, ср.: *anfangen* – начать и *ich fange an* – начинаю; в арабском языке используются трансфиксы (гласные, вставляющиеся в неизменяемую основу слова), например, корень – k·t·b· с гласной схемой

kataba передаёт значение «он написал», со схемой kitab – книга, со схемой katib – писатель.

С точки зрения синтаксиса слово характеризуется воспроизводимостью, позиционной самостоятельностью, т.е. возможностью отделить его от «соседей», переместить. Части слова – морфемы - такой самостоятельностью не обладают. В качестве важного признака слова исследователи отмечают также способность иметь синтаксическую функцию, возможность выступать в качестве отдельного односложного предложения, например: «Пожар!», участвовать в построении предложения.

Однако главным свойством слова следует признать то, что оно является кратчайшей единицей языка, самостоятельной не только по *форме*, но и, как справедливо указывает В.М. Жирмунский, по *значению*. Слово - это двусторонняя сущность, представляющая собой единство формальной, внешней стороны (графической или звуковой оболочки) и внутренней, содержательной стороны (лексического значения). Комплекс звуков только тогда осознаётся как слово, если его можно соотнести с каким-либо предметом, явлением реальной действительности или сферы человеческой мысли, для названия которых он употребляется. Так, каждый носитель русского языка определит, что *собака* - это слово, потому что данный звуковой комплекс ассоциируется с мысленным образом соответствующего животного, а *акабос* - словом не является, потому что не имеет предметной отнесённости. Для обозначения внешней, формальной (звуковой или графической) стороны слова используется термин *лексема*, а отдельное значение слова называют *семемой*. Вместе с тем в лингвистической литературе можно встретить и более широкое понимание лексемы как двусторонней единицы, объединяющей все формы и значения слова (Д.Н. Шмелев, В.Н. Кодухов, А.А. Уфимцева).

Таким образом, слово как единица языка характеризуется следующими признаками:

- 1) фонетическая оформленность,
- 2) грамматическая оформленность,
- 3) непроницаемость,
- 4) двусторонность (единство звучания и значения),
- 5) свободная воспроизводимость в речи.

Общим обязательным условием для выделения слова, является семантическое единство, которое опирается на формальное тождество лексической единицы. На основе анализа свойств данной единицы языка можно утверждать, что из множества существующих определений слова наиболее простое и ёмкое принадлежит отечественному учёному В.Г. Гаку: «Слово – это основная структурно-семантическая единица языка, служащая для наименования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфических для каждого языка».

Слово и предмет

Как уже указывалось, слово называет предмет (в широком понимании) и выражает значение, то есть ассоциируется с мысленным образом названного им объекта действительности. В философии и лингвистике такой объект действительности называется *денотатом* (лат. *denotatum* – обозначенное). В качестве денотата могут выступать как конкретные предметы, так и абстрактные понятия, свойства, действия и т.п.

В зависимости от характера соотношения слова с его денотатом различают общую и частную предметную отнесенность. Общая предметная отнесенность (денотация) – это отнесенность слова к целому классу однородных предметов (денотатов). Например, слово *дом* обозначает в русском языке любой дом независимо от того, как он сделан и как выглядит, то есть дом вообще.

Частная предметная отнесенность – это отнесенность слова к конкретному предмету, свойству, действию и т.п. Например: *На холме стоял белый двухэтажный особняк со стрельчатыми окнами*. Это – референция, а называемый дом – референт.

В большинстве языков слова в зависимости от наличия или отсутствия предметной отнесенности делятся на знаменательные и служебные. Знаменательные слова обладают номинативной функцией (лат. *nominare* – называть). К ним относят имена существительные, прилагательные, числительные, глаголы, наречия. У местоимений способность называть предметы ситуативна, т.к. они могут заменять наименования разных объектов и явлений действительности.

Служебные слова (предлоги, союзы, частицы, артикли, послелоги и т.п.) предметной отнесенностью не обладают, они лишены номинативной функции и используются для выражения различных отношений между словами, предложениями и т.д.

Понятие о внутренней форме слова

Ещё в Древней Греции философы размышляли над тем, связано ли название предмета с его сущностью, его природой или оно случайно, условно? При рассмотрении этого вопроса выясняется, что возможны оба варианта. В большинстве случаев (особенно на современном этапе развития языка) тот факт, что данный звуковой комплекс закрепился за данным денотатом, представляется случайным, не имеющим каких-либо оснований. Доказательством может служить, во-первых, использование *разных* названий для *одинаковых* предметов в разных языках (ср.: русское *город*, английское *town*, французское *ville*, польское *miasto*), во-вторых, так называемые ложные друзья переводчика, когда *одинаковые* слова в разных языках называют *разные* предметы (ср.: рус. *шип* – англ. *ship* (корабль)).

Вместе с тем существуют слова, называющие предмет по какому-либо признаку этого предмета. Например, ягоды *черника* и *голубика* получили

название по признаку «цвет». В подобных случаях в основе названия лежит какой-либо характерный, заметный признак предмета, который и выступает в качестве его своеобразного представителя. Разные народы, давая названия предмету, могут выделить различные его признаки. Выбор зависит от условий жизни народа, его занятий, фантазии и других факторов. Выбор может быть и случайным.

Например, в русском языке *медведь* получил название по признаку «ведает мёд», а в немецком – по цвету шкуры: *Baer* (бурый).

Признак, который был положен в основу наименования предмета, называют мотивирующим значением или *внутренней формой слова*. Мотивированность – это своеобразное «обоснование» звукового облика слова, осознаваемое носителями языка как наглядный «образ».

Необходимо различать значение и внутреннюю форму слова. Внутренняя форма – это отдельный признак значения, значение же – это совокупность отражаемых словом признаков предмета.

Например, *буревестник*: внутренняя форма – «предвещающий бурю», значение – «крупная морская птица, родственная альбатросу».

Мотивирующие признаки могут быть различными, например, звукоподражательными (*кукушка*, *мурлыкать*) или описательными («*подснежник*» – цветок, появляющийся весной раньше других растений, когда еще не сошел снег – «из-под снега»). У одних слов признак, положенный в основу наименования, вполне ясен, как, например, у слов *подушка*, *маслёнок*, *светёлка* и т.д. У других он оказывается забытым, утраченным, например, в таких словах, как *весна*, *камень*, *птица*, *мысль*, *земля* и др. Слова, сохраняющие мотивирующее значение или внутреннюю форму, называют *мотивированными*, а слова, утратившие ее, – *немотивированными*.

Восстановлением внутренней формы немотивированных лексических единиц, исследованием происхождения слов занимается раздел лексикологии, называемый этимологией (греч. *etymologia*: *etymon* – *истинное значение* и *logos* – *наука*).

О внутренней форме говорят применительно к двум классам слов:

1) производным, сохраняющим в своей словообразовательной структуре указание на соотнесенность с другими словами или морфемами, от которых они образованы (*переулок*, *намордник*, *писатель*);

2) словам, употребленным в переносном значении (например, *размазня* о слабохарактерном человеке, *бревно* – о тупом, бесчувственном человеке).

Слово и концепт

До появления учения о концептах все мысленные образы сводились к представлениям и понятиям. В настоящее время установлено, что мысленных образов, вызываемых словами, гораздо больше. Это могут быть и представления – *мыслительные картинки*, то есть наглядные образы конкретных предметов (*берёза*, *облако*, *ласточка*). Это могут быть и некие

геометрические очертания, так называемые *схемы* (дерево, дорога). Это могут быть рамочные, многокомпонентные образы – *фреймы* (например, библиотека, магазин, базар). Это могут быть движущиеся образы – *сценарии* (демонстрация, свадьба, борьба). Есть и *понятия* – абстрактные концепты, за которыми нет конкретных объектов, чаще всего это разные термины, создаваемые учёными (*категория, проблема, бесконечность*). Все эти мыслительные образы – это *концепты* (единицы мышления).

В состав значения конкретного слова входит лишь некоторое количество признаков представляемого им концепта. Но весь концепт может быть выражен только совокупностью разных языковых средств, начиная от слова и кончая текстом. Существуют индивидуально-авторские концепты, которые обнаруживаются в художественных произведениях, в индивидуальной речи, но могут и не иметь языкового выражения.

Из чего же складывается значение слова?

Значение слова и его компоненты

Содержательная сторона слова представляет собой сложное образование, включающее информацию: а) о его предметной отнесённости, которая выражается в лексическом значении; б) о грамматических параметрах (частеречная принадлежность и грамматические формы) и в) об особенностях функционирования в речи (например, *разговорное, книжное, жаргонное* и т.д.).

В соответствии с этим в современной лингвистике значение рассматривается как сложная структура, включающая мега-, макро- и микрокомпоненты.

Мегакомпоненты – лексический и структурно-языковой – самые крупные составляющие значения слова, каждый из них в свою очередь включает *макрокомпоненты*. Лексический мегакомпонент состоит из денотативного и коннотативного макрокомпонентов, структурно-языковой мегакомпонент включает грамматический и функциональный макрокомпоненты. Каждый из названных макрокомпонентов состоит из микрокомпонентов. Рассмотрим это подробнее.

Денотативный макрокомпонент значения является основным, так как несет информацию о наиболее общих и существенных признаках предмета номинации, составляет предметно-логическое содержание семантики слова, то есть отражает мысленный образ предмета. Денотативный компонент – основа любого прямого значения слова, его обязательная часть. Например, денотативное значение слова «книжечка» – произведение печати в виде переплетенных листов с текстом.

Коннотативный макрокомпонент несет дополнительную информацию о предмете. Данный компонент отражает *оценку* называемого предмета и *эмоциональное отношение* к нему. Например, в слове «книжечка» (в отличие от *книга*) есть коннотативный смысл – уменьшительно-ласкательное обозначение.

В составе макрокомпонентов выделяются микрокомпоненты – семы (термин чешского лингвиста В. Скалички). *Сема* – минимальный компонент значения, отражающий отличительный признак обозначаемого предмета. Сема понимается как отражение в сознании человека отдельного признака, какой-то детали того объекта, который целиком представлен в семеме (отдельном значении данной лексемы). К примеру, основные семы, выделяющиеся в денотативном компоненте значения слова *женщина* – лицо, женский пол, взрослое; *мальчик* – лицо, мужской пол, юное. Членение значения слова на семы составляет суть компонентного анализа.

Членение семемы на семы бесконечно, предел ставится лишь мерой познания свойств и качеств денотата. Компонентный анализ значения показывает, что число сем, существенных для общения, в семеме вполне исчислимо, не очень велико. Оно выясняется из сопоставлений и противопоставлений разных семем друг с другом. Сема, которая в одном контексте представляется далее неделимой, в другом контексте проявляет свою сложность и возможности дальнейшего деления. Например, в семеме слова *перемена* (в школе) есть семы «время, отдых, конец урока, звонок, школа». При необходимости могут быть раскрыты семы «школа, урок, звонок»: среднее учебное заведение, время занятий в 45 минут, звуковой сигнал начала и конца урока и т.д.

Семасиологи различают следующие основные типы сем. *Архисемы* – признаки, объединяющие группы слов внутри части речи, например одушевленность /неодушевленность, мужской пол / женский пол, взрослый / молодой, действие /состояние и т.п. *Дифференциальные семы* – это признаки, по которым противопоставляются слова, сгруппированные по одной архисеме, и по которым можно отличить одну семему от другой. Например, для слов *равнина, плоскогорье, плато, низменность, низина* архисемой будет «участок земного рельефа с ровной или слабо волнистой поверхностью». Дифференциальные семы, разграничивающие значения этих слов, следующие:

- выше 200 м над уровнем моря (плоскогорье, плато),
- ниже уровня моря на 200 м (низменность, низина),
- обширный, без видимых границ (равнина, плоскогорье, низменность),
- небольшой, с видимыми границами (плато, низина).

Отечественный семасиолог Владимир Григорьевич Гак делит дифференциальные семы на *описательные* и *относительные*. Описательные семы отражают собственные свойства предмета (размер, устройство, форму, внешний вид, способ совершения действия и т.п.), относительные – связи объекта с другими объектами в разных отношениях (пространственные, временные, функциональные и др.).

Например, для глаголов перемещения описательные семы характеризуют способ действия: *идти* – с помощью ног, *плыть* – по воде, *лететь* – по воздуху, *ехать* – транспортом. Относительные семы указывают направление перемещения: *удаляться* – от исходного пункта, *приближаться* – к конечному пункту.

Архисемы и дифференциальные семы достаточны для характеристики семемы, по ним содержание семемы определяется вполне удовлетворительно. Однако помимо этих основных сем каждая семема может содержать неограниченное число разнообразных сем, детализирующих всякие частности в соответствии с реальной неисчерпаемостью признаков всякого объекта. Среди этих сем – вероятностные, потенциальные, скрытые семы.

Например, в значении слова *начальник* путем эксперимента выявлены скрытые, вероятностные семы «толстый, злой, нервный». В семеме лексемы *профессор* обнаружены семы «в очках, старый, строгий, умный»; в семеме *студент* – «веселый, общительный».

Вероятностные семы чаще всего обнаруживаются в семемах существительных, поскольку именно в предметах человек открывает все новые и новые свойства. О наличии в значении вероятностной семы сигнализирует использование в словарной дефиниции словобычно, как правило, в основном, преимущественно и под.

Лагерь – временная стоянка, как правило под открытым небом, в палатках.

Серьга – кольцо, обычно с драгоценным камнем, продеваемое в мочку уха для украшения.

Семы в составе денотативного компонента значения иерархически организованы и находятся в структурных отношениях. Семема представляет собой микроструктуру сем.

Коннотативное значение выражает эмоциональное и оценочное отношение говорящего к денотату слова.

Оценка бывает одобрительной и неодобрительной; неоценочность слова – тоже вид оценочности.

Эмоция и оценка в составе коннотативного макрокомпонента тесно связаны, но являются разными семантическими компонентами. Возможна оценочность слова при отсутствии эмоциональности и наоборот:

Доброкачественный – «хорошего качества» – одобр., неэм.,

Непогода – «плохая погода» – неод., неэм.,

Деликатес – «изысканное кушанье» – одобр., неэм.,

Благоверный – «муж, супруг» – неоц., шутол.,

Отпрыск – «потомок» – неоц., ирон.-пренебр.,

Безденежный – «лишенный средств к существованию» – неоц., сочувств.

В большинстве случаев, однако, оценка функционирует в составе коннотации в согласовании с эмоцией:

Восхитительный – «очень хороший, красивый» – одобр., восх.;

Ломиться – «с силой пытаться войти» – неод., отриц.-эмоц.;

Продаться – «перейти на сторону противника за материальные выгоды» – неоц., презр.;

Нахал – «грубый, бесцеремонный человек» – неод., возмущ. и т.д.

Эмоция может выступать в значении и в самом общем виде – просто как отрицательная или положительная эмоция:

Полож.-эмоц. – добряк, молодчина, компанейский, дотошный, благодать;

Отриц.-эмоц. – разбитной, гадкий, мерзкий, умудриться, толстуха, приткий.

В других случаях эмоция конкретизируется. Можно выделить следующие эмоциональные компоненты значений:

Презрит. – голодранец, бредни, фискал, доносчик, угодливый, делец, проныра;

Пренебр. – старикашка, развалюха, работничек, задрипанный, деляга, закоулок;

Уничижит. – ничтожество, сопляк, быдло, ворюга, мальчишка, выкормыш, бандюга;

Ирон. – отпрыск, видик (о внешнем виде), зазноба;

Бран. – сволочь, мерзавец, подлец, негодяй;

Ласкат. – дружок, бабуся, солнышко, миленький, бережок, ручонка;

Сочувств. – бедненький, скончаться, бедняга, горемыка, бедолага;

Шутл. – благоверная, новоиспеченный, бутуз, полуночник, любезничать, егоза;

Восх. – пленительный, обворожительный, потрясающий, поразительный;

Возмущ. – безобразный, похабный, возмутительный;

Фамильярн. – тряпки, шмотки, барахло, пузо, дружбан, подружак.

Эмоциональные и оценочные компоненты значения также являются лексическими семами.

Как уже указывалось, кроме лексического (денотация + коннотация), выделяют еще структурно-языковой мегакомпонент значения слова, включающий функциональный и грамматический макрокомпоненты, в рамках которых тоже есть микрокомпоненты – семы.

Функциональный макрокомпонент – информация об особенностях функционирования единицы в речи. Данный макрокомпонент включает функционально-стилистические семы (книжн., межстилевое, сниженное и др.), функционально-территориальные (общераспр., диал., регион., обл., южн., северн. и т.д.), функционально-социальные (общенар., термин., спец., жарг.), функционально-темпоральные (соврем., нов., устар.) и функционально-частотные (употр., малоупотр., редк., неупотр.).

Грамматический компонент включает информацию о грамматических признаках слова (род, число, падеж, время, вид, наклонение, лицо и т.д.).

Функциональный и грамматический макрокомпоненты являются основными в структурно-языковом значении слова.

Смысловая структура слова. Однозначность и многозначность слов.

Понятие о лексико-семантическом варианте слова.

Слово может иметь одно или несколько лексических значений. Слова с одним значением (семемой) называются *однозначными*, или *моносемемными*. Это, в основном, термины различных наук, названия отдельных разновидностей деревьев, кустарников, ягод, грибов; наименования месяцев, дней недели и некоторые другие группы слов,

которые характеризуются четко выраженной предметной отнесенностью. Например: *понедельник, февраль, фонема*.

Однако большинство употребляющихся в языке слов имеют не одно, а несколько значений. Возможность соотнесения одной и той же звуковой оболочки (лексемы) с разными значениями (семемами) является универсальной особенностью устройства человеческого языка.

Способность слова иметь несколько связанных между собой значений называется *многозначностью*, или *полисемией* (греч. polis – много, sema – знак).

Сочетание лексемы с одной семемой образует лексико-семантический вариант (ЛСВ) слова (термин профессора А.И. Смирницкого). Как пишет известный лексиколог Э.В. Кузнецова, многозначное слово представляет собой как бы пучок нескольких семантических вариантов, значений, соотнесенных с одной лексемой. Рассмотрим пример. Лексема «голова» называет следующие семемы:

1. Верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животного, содержащая мозг. *Понури́ть голову.*
2. Единица счета (скота). *Стадо в триста голов.*
3. Ум, сознание, рассудок. *Ясная голова.*
4. О человеке большого ума.
5. О человеке как носителе каких-либо качеств. *Ветреная голова.*
6. Руководитель, начальник, глава в каком-либо деле. *Голова всему делу.*
7. Первые ряды, передняя часть (движущейся группы). *Голова демонстрации.*
8. Пищевой продукт в виде шара, конуса. *Голова сыру.*

Между семемами данной лексемы существует семантическая связь. Второе значение связано с первым по семе «животное», третье – по семе «мозг», четвертое связано с основным через третье, пятое – через четвертое; шестое – по семе «верхний», седьмое – по семе «передняя часть», восьмое – по потенциальной семе «круглый».

Таким образом, значения многозначного слова связаны друг с другом теми или иными общими семемами и в то же время отличаются неповторимостью. Семантическая связь между семемами дает основание говорить о восьми лексико-семантических вариантах слова «голова», а не о разных словах.

В языке многозначные слова представлены в совокупности всех своих ЛСВ, в речи же они выступают в одном конкретном значении. У каждого ЛСВ есть свой типовой контекст, который обуславливает его употребление и понимание.

Совокупность всех ЛСВ одной лексемы образует *семантему–смысловую структуру слова*.

Многозначность (полисемичность) слов является одной из важнейших особенностей существования языка, которая возникает в процессе его исторического развития. Причины появления полисемантических слов нужно искать в изменении отражаемой языком действительности, в развитии мышления и сознания человека, наконец, в действии универсального закона экономии речевых усилий. Если бы все новое получало и новое название, то

словарный состав приобрел бы такие размеры, что его единицы невозможно было бы запомнить и употреблять.

Типы лексических значений слов

Наличие у слов нескольких значений поставило перед учеными задачу их систематизации. Было выявлено, что семемы в составе полисемантического слова неравнозначны по характеру соотношения с действительностью (прямые – переносные), по возможностям сочетаемости (свободные – несвободные), по семантической мотивированности (непроизводные – производные).

В отечественной лингвистической литературе основополагающей является типология значений академика В.В. Виноградова. Он предложил различать прямое номинативное, производно-номинативное, а также фразеологически связанное и функционально или синтаксически ограниченное (обусловленное) значения слова.

Прямое номинативное значение – это основное значение слова, непосредственно отражающее мысленный образ предмета-денотата. Это первичное, обычно стилистически нейтральное значение. Именно оно сразу же возникает в сознании говорящего при произнесении слова, взятого изолированно, вне контекста.

Производные значения слова являются вторичными, они возникают в результате переноса наименования с одного предмета на другой, например, *язык* – металлический стержень в колоколе, здесь *стержень* назван *языком*. В подобных значениях предмет отражается опосредованно, косвенно, через образ другой реалии. Одни ученые для наименования таких значений используют термины «производные» и «переносные» как синонимы. Другие исследователи вкладывают в данные понятия разный смысл.

Производное значение в узком понимании – это значение, которое возникает на базе сопоставления с прямым, но утрачивает двуплановость, образность. В этом случае слово с производным значением оказывается единственным наименованием предмета, поэтому его и называют еще номинативно-производным. Например, *мост* – часть шасси автомобиля, в которой расположена передача (названная этим словом деталь очень отдаленно внешне и функционально напоминает мост как сооружение для переправы, но образ моста при употреблении слова в данном значении у нас уже не возникает).

Собственно *переносным* значением является то, которое обладает явной образностью, сохраняет мотивированную связь с «производящим», например, *кольцо* дорог, *голова* колонны, *лес* рук, *железная* воля, *серые* будни, *сердце поет* и т.п.

Прямые значения являются, как правило, свободными, так как могут сочетаться с разными словами. Вторичные значения (производные, переносные) ограничены в возможностях употребления, ср.: *высокий дом*, *забор*, *человек*, *потолок* и т.д. – *высокий голос* (т.е. тонкий и звонкий)

говорится только о звуке. Если значение слова реализуется лишь в определенных устойчивых сочетаниях, то его называют *фразеологически связанным*, например, *крошечный ад*, *трескучий мороз*, *закадычный друг*.

Синтаксически обусловленным называют такое переносное значение, которое появляется у слова при выполнении необычной для него функции в предложении, как правило, функции сказуемого, например: *Вот так петух!* (т.е. задира).

Разновидностью синтаксически обусловленных значений являются *конструктивно ограниченные*. Данные значения проявляются лишь в определенных конструкциях, в сочетании со словами, стоящими в определенной форме. Заметим, что конструктивно ограниченными могут быть как прямые, так и переносные значения, ср.: глагол *играть* в сочетании с существительными в предложном падеже с предлогом «на» имеет значение «исполнять музыкальное произведение» (играть на скрипке), а этот же глагол в сочетании с существительными в винительном падеже с предлогом «в» (играть в футбол) имеет значение «проводить время в игре».

В Воронежской теоретико-лингвистической школе типология В.В. Виноградова была детализирована: все семемы многозначного слова сведены в пять типов: две семемы денотативные и три коннотативные. Для того, чтобы их обозначать и кратко описывать, введена символика.

Денотативная первая семема (Д1) отражает предмет непосредственно и является первичным значением лексемы, например, «*мост*» – сооружение для перехода, переезда через реки, овраги и т.д.

Денотативная вторая семема (Д2) отражает предмет через посредство сопоставления его с семемой Д1. Существующее наименование переносится на иной объект на основе некоторого сходства (иногда довольно отдаленного), уловленного говорящими. Например, *мост* – Д2, часть шасси автомобиля, в которой расположена передача; *мост* – Д2 (обл.) – холодные сени между передней и задней избой.

Коннотативная первая семема (К1) обозначает некий денотат путем ссылки на образ другого денотата, например, *воздушный мост* – сообщение по воздуху между пунктами, не имеющими других средств связи (как и наземный мост, воздушный выполняет функцию соединения). Семема К1 выражается только в словосочетаниях (ср. другие примеры К1 - *море слез*, *куриная память*, *стена огня*).

Коннотативная вторая семема (К2) не имеет мотивированной связи с денотативной семемой. Образ, легший в основу переноса, забылся, утрачен, стерт. Семеме К2 лексемы несут во фразеологизмах, например, *остаться с носом* (*нос* в значении *подношение*), *лить пули*, *втирать очки*.

Коннотативная третья семема (К3) выражается лексемами, которые не имеют в современном языке никаких денотативных семем и встречаются только во фразеологизмах: *тихой сапой*, *очертя голову*.

Способы развития значения слов

Различается несколько способов развития значения слова.

Метафора (греч. *metaphora* – перенос) – это перенос наименования по сходству признаков. В основании метафоры может лежать, например, сходство формы, размера, места (*рукав* руки, *дно* жизни, фр. *punaise* – *клоп* и *кнопка*; англ. *eye* – *глаз* и *отверстие в иголке*); сходство цвета (по-арабски *сорт черного винограда* – *галка*, греческое *iris* – *радуга* превратилось в название цветка с характерным переходом красок) и т.д.

Разновидностью метафорического переноса является перенос по сходству функций, например, *дворник* – человек, убирающий двор и устройство для механической очистки стекол; англ. *bodyguard* – телохранитель и устройство с сигнализацией (для персональной безопасности).

Другая разновидность метафорического переноса – это перенос по сходству ощущений (синестезия): *тёплый взгляд*, *горькая усмешка*.

Метонимия (греч. *metonymia* – переименование) – перенос по смежности, на основе связи предметов в пространстве или во времени. Виды метонимических переносов разнообразны:

- сосуд и содержимое: налить в стакан воды – выпить стакан
- материал и изделие: коллекция старинного стекла (изделий из стекла)
- действие и результат: украшение городов – ёлочные украшения
- орудие и действие: нем. *Hand* – рука и почерк
- помещение и люди, находящиеся в нем: светлая аудитория (помещение) – внимательная аудитория (слушатели)
- часть и целое, целое и часть: англ. *sail* – парус и парусное судно, нем. *schwarzrock* – черный сюртук и поп, борода – волосы на лице и подбородке и человек с бородой (эй, борода) и т.д. Этот вид переноса называется также синекдоха (греч. соподражание).

Процессы переноса лежат в основе явлений, называемых расширением и сужением значений слова.

Под *расширением* значения понимают приобретение словом способности отражать более широкий круг предметов, выражать более широкое содержание, чем прежде. Так, словом *город* русские люди называли в древности *ограду*, *забор*. В настоящее время *город* – крупный населенный пункт. Древние римляне *каникулами* называли перерыв в занятиях с 22 июля по 23 августа, когда было особенно жарко. В то время солнце находилось в созвездии Большого Пса, самая яркая звезда которого называется по латыни *Canicula* (собачка). В результате расширения значения слово стало обозначать всякий перерыв в занятиях: летом и зимой.

Под *сужением* значения понимают обратный процесс – приобретение словом способности отражать более узкий круг предметов, выражать более узкое понятие, чем раньше. Например, во французском языке слово *poison* раньше обозначало «напиток», теперь – «яд»; в чешском *píse* первоначально «пища», в настоящее время – «фураж, корм».

В процессе развития значения могут измениться до своей прямой противоположности. Это явление получило название *энантиосемии*. Например:

<i>честить:</i>	1) оказывать почет, 2) отчитывать, ругать;
<i>задуть:</i>	1) потушить огонь (задуть свечу); 2) развести огонь (задуть домну).
Англ. <i>blessed</i>	1) благословенный, 2) проклятый;
Франц. <i>hôte</i>	1) хозяин, 2) гость

Новое значение, которое образуется у слов в результате переноса, закрепляется речевой практикой и называется *общеязыковым*. Слова в переносном значении, как и в прямом, продолжают выполнять номинативную функцию. От общеязыковых метафор, метонимии, синекдохи следует отличать *индивидуально-авторские* метафоры. Они возникают в определенном контексте с целью придать речи большую образность, выразительность и называются *тропами*, т.е. изобразительно-выразительными средствами языка.

Развитие значений является одним из основных путей обогащения лексического запаса языка.

Понятие об омонимии

Многозначности слова противостоит такое языковое явление, как омонимия. *Омонимами* (греч. *homos* – одинаковый и *опута* – имя) называются слова, одинаковые по звучанию и по написанию, но совершенно не связанные по значению (в отличие от многозначного слова). Например, *мир* – «вселенная» и «отсутствие войны», *мина* – «снаряд» и «выражение лица», *ключ* – «инструмент» и «родник». Различают разные виды омонимии.

Лексические омонимы – это различные по значению слова одной части речи, которые совпадают по звучанию и написанию во всех формах, например, *коса* – «вид прически», «длинная песчаная отмель», «орудие косьбы», нем. *Seite* – струна и сторона, англ. *spring* – весна и пружина. Если слова совпадают только в части своих форм, их называют неполными лексическими омонимами, например, слова *очки* (для глаз) и *очки* (единица счета) совпадают только в форме множественного числа.

От лексической омонимии принято отличать фонетическую, грамматическую и графическую омонимию, которую называют относительной.

Фонетические омонимы, или *омофоны* – это слова и формы, имеющие одинаковое звучание, но различное написание: *пруд* и *прут*, *пядь* (сущ.) и *пять* (числ.), англ. *night*(ночь) и *knight*(рыцарь), фр. *lechamp*(поле) – *lechant*(пение) и т.п.

Грамматические омонимы, или *омоформы* – это различные слова, совпадающие по звучанию и написанию лишь в отдельных формах, например: *три* (числ.) и *три* (повелительное наклонение глагола «тереть»), *стекло* (сущ.) и *стекло* (прошедшее время, ср.р. глагола стечь), англ. *cap* (мочь) и *cap* (бидон).

Графические омонимы, или *омографы* – это слова, имеющие одинаковое написание, но различное произношение, например: *вести* (сущ.) – *вести* (глагол.), *дорога* (сущ.) – *дорога* (кр. прилаг.)

Явление омонимии присуще практически всем языкам. В каждом из них ее возникновение объясняется особенностями конкретно-исторического развития системы языка, но можно назвать и универсальные причины появления омонимов:

- Звуковые совпадения, возникшие в языке в результате изменений в фонетической системе. Так в словах «*жать*» (из *жънти* – жну рожь) и «*жать*» (из *жъмти* – жму руку) на месте [ън], [ъм] в закрытых слогах был носовой гласный [ѣ], который изменился после шипящих в чистый гласный [а].
- Распад полисемии, т.е. утрата смысловых связей между значениями многозначного слова: *липа* – лиственное дерево и фальшивка, *ладья* – лодка и шахматная фигура, *тьма* – отсутствие света и бесчисленное множество.
- Совпадения в результате словообразовательного процесса и формообразования, например: *полка* (от положить) и *полка* (от полоть).
- Заимствование слов, например, *брак* – замужество (от глагола *брати*) и *брак* – вещь с изъяном из немецкого (*brecken* – разбивать), *скат* – пологий спуск и *скат* – хищная морская рыба (сканд. *skata*).

Омонимию необходимо отличать от полисемии. Проблема разграничения этих явлений сложна, о чем свидетельствует прежде всего лексикографическая практика: нередко одни и те же слова в одном словаре подаются как омонимы, а в другом как многозначные лексемы. Наиболее признанными и эффективными являются следующие приемы разграничения явлений полисемии и омонимии:

- подбор синонимов, например, *лавка* – скамья и *лавка* – магазинчик;
- подбор однокоренных слов и сопоставление словоформ, ср.: *мир* – мирный, мирить и *мир* – мировой; *коса* – косичка и *коса* – косить, покос;
- учет лексической и синтаксической сочетаемости: *вал* (волна) – высокий, девятый, накатывается; *вал* (насыпь) – крепостной, городской, укрепить; спросить (кого) – спросить (с кого) и т.п.; уход (с работы, из дома) – уход (за ребенком);
- учет этимологии слов, например: рус. *клуб* (дыма) и англ. *клуб* (*club*), *рейд* (набег) из английского – *рейд* (водное пространство у причала) из голландского и другие.

Расслоение лексического состава языка

Разграничение лексики по признаку «книжное / разговорное»

По функционально-стилистическому компоненту значения выделяется межстилевая (стилистически нейтральная) и стилистически окрашенная лексика. Стилистически нейтральная (межстилевая) лексика употребляется во всех стилях и всех разновидностях как письменной, так и устной речи и включает в себя приблизительно 85% всех слов литературного языка, то есть более чем в четыре раза превышает в количественном отношении все стилистически окрашенные слова вместе взятые.

В рамках стилистически окрашенной лексики прежде всего можно выделить слова книжные и разговорные. Такое разделение определяется существованием двух форм общенародного языка – письменной и устной – и отражено в толковых словарях использованием помет «высокое», «книжное» или «разговорное», «просторечное». Данные пометы указывают на то, что употребление соответствующих лексических единиц обусловлено ситуацией общения и сферой деятельности.

Слова, употреблявшиеся преимущественно в книжной речи, закрепились в ней и получили соответствующую окраску. Например, помету «книжное» имеют в словарях такие слова, как *гонение, горнило, дальновидный, индифферентный, изобиловать, инсинуация, исчислить, недуг, немощный*. Книжных слов в языке около 2%, высоких и того меньше. Помета «высокое» сопровождает слова *ввергнуть, вдохновить, грядущий, доблесть, достояние, кара, многотрудный, неисчерпаемый*. Таким образом, на фоне нейтральной лексики данные слова возвышают стиль изложения, придают ему книжную и даже высокую окраску.

Помета «разговорное» указывает на стилистическую сниженность слова, на ограниченность его применения за пределами литературной речи. Это, например: *бедокурить, безалаберный, вызволить, галиматья, журить, лебезить, морочить*. Ещё более сниженный характер имеют слова, выделенные как «просторечные»: *барахло, бесстыжий, блажить, втемяшиться, галдеть, дурень, елозить, зариться, колошматить*. Стилистически сниженный лексический слой является самым большим по объёму после межстилевого и составляет около 10%.

Книжные слова несут на себе отпечаток того или иного функционального стиля. Это обусловлено тем, что, употребляясь преимущественно в том или ином стиле, лексические единицы могут приобретать свойственную ему функционально-стилистическую окраску. Так, функционально-стилистической окраской научного стиля обладают узкоспециальные термины, то есть слова, служащие обозначением логически сформулированных понятий той или иной научной отрасли. Например, *предикат, морфема, фонема, лексема* – в языкознании; *генотип, геном, клонировать* – в генетике и так далее. Следует отметить, что в каждой узкой отрасли науки и техники количество специальных терминов составляет 10-15 % ее лексического состава, а для отдельных узких специальностей не

превышает 150-200 единиц. Поэтому другим важным компонентом лексики научного стиля являются общенаучные слова: *классификация, функция, система, элемент, процесс, явление, свойство, монография* и так далее.

Функционально-стилистическая окраска официально-делового стиля свойственна узкоспециальным юридическим терминам (*истец, ответчик, взыскать, вменить*) и так называемым канцеляризмам – лексике, используемой в официальных документах (*нижеподписавшийся, удостоверить, надлежит, начёт, ведомство, протокол, инструкция, справка, акт, распоряжение, приказ*).

Принадлежностью публицистического стиля является общественно-политическая лексика (*общество, отечество, партия, избирательная кампания, договор, террорист, демократия, диктатура, конституция, депутат*) и некоторые эмоционально окрашенные лексические единицы (*пособник, главарь, зачинщик, подвижник, оболванивание*).

В языке художественной литературы выделяются две основные стилистические разновидности: лексика прозаическая и лексика поэтическая. Язык художественных произведений (особенно лексика прозаическая) включает в себя элементы разных стилистических групп общелитературного языка, все они привлекаются писателем с определённой целью – как средство более точного воссоздания реальной действительности и как средство эстетического воздействия. В лексике произведений поэтов XIX – начала XX веков широко использовались народно-поэтические (фольклорные) элементы: *лебёдушка, буйный, родимый, пригожий, кручина* и так далее.

Функционально-стилистическую окраску художественного стиля имеют *поэтизмы* – небольшая группа слов, традиционно употребляющихся в художественных произведениях, преимущественно в классической поэзии (*дева, очи, лазурный, лелеять, взор, чары, трепетный, жажда*).

Лексика, обладающая функционально-стилистической окраской книжных стилей, противостоит лексике разговорной, которая включает в себя две группы единиц: 1) слова, которые принято называть бытовизмами, потому что они обозначают бытовые предметы и понятия (*щи, кастрюля, ползунки, пижама, выспаться*; 2) экспрессивно окрашенные слова, имеющие синонимы нейтрального характера (*шлёпнуться* – упасть, *простыть* – простудиться, *получка* – зарплата, *напрочь* – совсем, *бездарь* – неспособный).

Следует отметить, что лексика функциональных стилей, как книжных, так и разговорного, является принадлежностью литературной формы общенародного языка. Просторечная и грубо-просторечная лексика находится за его пределами. Просторечная лексика обычно отличается от разговорной большей степенью эмоциональности, оценочности. Многие просторечные слова имеют оттенок грубости и поэтому употребление их характерно лишь для определённых видов речевого общения – для фамильярной речи, разного рода словесных перебранок, ссор и так далее. Это, например, такие слова, как *баба, гляделки, валандаться, жрать* и подобные.

Разграничение лексики по признаку «нейтральное / экспрессивное»

Известный отечественный лингвист Г.О. Винокур называл экспрессивной речь, имеющую знаки психического состояния говорящего. Экспрессивная окраска связана со способностью речи воздействовать на чувства, вызывать или передавать те или иные эмоции, выражать оценку. Экспрессивная окраска отчётливо обнаруживается при сопоставлении экспрессивных слов с нейтральными единицами, обозначающими тот же объект реальной действительности. Например: *кляча* и *лошадь*, *крохотный* и *маленький*, *огласка* и *известность*, *рассадник* и *источник* и так далее. Таким образом, экспрессия слова основана на выражении им эмоции, оценки и усиления признака.

Эмоция и оценка в составе коннотативного макрокомпонента тесно связаны и иногда их трудно разграничить. В словарях оба микрокомпонента фиксируются обычно одними и теми же пометами – бран. (бранное), неодобр. (неодобрительное), презр. (презрительное), шутл. (шутливое), ирон. (ироническое), фам. (фамильярное), груб. (грубое), пренебрежит. (пренебрежительное), ласкат. (ласкательное) и другие.

Эмоционально-экспрессивная лексика современного русского языка включает три группы слов.

1) Единицы с постоянной эмоционально-экспрессивной окраской, заключенной в семантике слова. Например, *разгильдяй* – беспорядочный, неаккуратный в делах человек (слово имеет отрицательную эмоционально-экспрессивную окраску), *отчизна* – родина («высокое, торжественное», положительная оценка).

2) Слова, в которых стилистическая окрашенность выражается посредством суффиксов субъективной оценки. Например: *солнышко* – слово с ласкательной окраской, *ручища* – с неодобрительной. Суффиксальным способом выражается оценка и в следующих случаях: *старушка* – *старушенция*, *глупыш* – *глупец*.

3) Многозначные слова, нейтральные в своём прямом значении и эмоционально-экспрессивно окрашенные в переносном. Например: *осёл* – о глупом человеке (презрительная эмоциональная окраска), *орёл* – о сильном, талантливом, выдающемся человеке (одобрительная оценка).

Важно отметить, что оценочность может быть выражена и в денотативном компоненте значения, то есть оценочным может быть значение в целом. Например, слово «негодяй» называет плохого человека, и неодобрительный признак будет входить в денотативный компонент, так как денотатом данного знака является именно плохой человек, а не человек + его отрицательная оценка, выраженная дополнительно. Разграничение денотативных и коннотативных оценок часто вызывает трудности. И.А.Стернин предлагает прием трансформации словарного определения значения слова в условную фразу, завершающуюся словосочетанием «и это

хорошо/плохо. Если значение данного слова можно сформулировать так, чтобы в него не входили оценочные слова, и при этом оно допускает завершение условной фразой «и это хорошо/плохо», то такая оценка будет коннотативной, дополнительной, а денотативный компонент будет содержать объективную характеристику денотата. Например, *голословный* – не основанный на фактах (и это плохо) – оценка коннотативна, так как в данном случае можно дать определение значению, не используя оценочные слова, и добавить компонент «и это плохо».

Если же объективное толкование значения оказывается невозможным, то оценка входит в денотативный компонент значения и оценочной является вся номинация в целом. Например, *верхогляд* – человек, отличающийся *неглубоким, поверхностным* взглядом на что-либо. В данном случае оценка денотативна. В некоторых случаях денотативная и коннотативная оценка в слове совмещаются.

Экспрессивны, как правило, и слова, в значение которых входит признак «усилительность» – *колоссальный, гигантский, кошмарный, потрясающий, безбрежный, малюсенький, ничтожный* и подобные, хотя обычно усилительность сопровождается также выражением эмоции и оценки.

Разграничение лексики по признаку «общеупотребительное / социально или территориально ограниченное»

Кроме перечисленных параметров, лексические единицы могут также различаться по употребительности в той или иной общественной группе. В этом случае выделяется лексика *общеупотребительная*, которую используют все носители языка, независимо от их места жительства, социального положения, профессии, возраста, пола, и лексика *ограниченного употребления*.

К лексике ограниченного употребления относятся *диалектизмы*, то есть слова, которые используются жителями определённой территории. Вот несколько слов, употребляемых жителями северных территорий, и соответствующие им единицы, используемые на юге России:

северное наречие	южное наречие
изба	хата
ухват	рогач
сковородник	чапельник
косуля	соха
гадюка	козюля
утка	качка
сарафан	понёва

Другим пластом лексики, ограниченной в употреблении, являются специальные слова, или *профессионализмы*. Это лексика, используемая в

среде людей, занимающихся определённым видом трудовой деятельности (врачей, ремесленников, моряков, геологов и так далее). Профессионализмы отличаются от слов общелитературного языка сравнительно большей дифференциацией в обозначении орудий и средств производства, в названии конкретных предметов, действий и так далее. Так, в охотничьем языке очень много названий лисы (по масти и породе), например: *простая, рыжая*, или *сиводушка, лесная, огнёвка, полёвка* и другие. Узко технические термины, употребляемые преимущественно в производственно-технической литературе, называют *техницизмами*. Например: *блюминг, компрессор, конденсация* и другие.

Жаргонизмы (от французского *jargon* – букв. *испорченный язык*) – экспрессивные слова, используемые преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по общности профессии (жаргон программистов), положения в обществе (жаргон русского дворянства в 19-м веке), интересов (жаргон филателистов) или возрасту (молодёжный жаргон). Лексика жаргона строится на основе литературного языка путём переосмысления, метафоризации, звукового искажения и так далее, а также на базе заимствованных слов. Современные жаргоны широко используют искажённые или «русифицированные» английские слова. Вот несколько примеров: *дисплуй* – дисплей, *юзить* – работать на компьютере, *гринь* – деньги, *аскать* – просить, попрошайничать (из молодёжного жаргона).

Следует отметить, что употребление жаргона не связано со стремлением его носителей отгородиться от других членов языкового коллектива, от «непосвящённых», а лишь отражает специфический характер занятий, увлечений, желание выделиться яркой, необычной речью. В открытых группах жаргон – это, выражаясь словами датского лингвиста О.Есперсена, коллективная игра. В замкнутых группах использование жаргона также является сигналом, отличающим «своего» от «чужого», а иногда – средством конспирации.

Лексика ограниченной сферы употребления может быть использована в художественной литературе для создания необходимого социального колорита. При использовании в обычном языковом общении она характеризуется экспрессивностью сниженного характера. Однако лексические единицы из рассмотренных групп могут проникать в литературный язык, обогащая его и становясь общеупотребительными. Так, из диалектов в литературный язык вошли слова: *отава, филин, хилый, мямлить*; из профессионализмов – *накал, спайка, крен, задел, отдача* и другие.

Разграничение лексики по признаку «активность / пассивность употребления»

Словарный состав языка включает *активную* лексику – слова, которые употребляет в своей речи основная часть той или иной языковой общности, и *пассивную*, то есть слова, которыми либо перестают, либо только начинают

пользоваться. Поэтому пассивная лексика делится на две группы: устаревшие слова и новые слова. Важно иметь в виду, что деление словаря на активную и пассивную лексику оправданно только в строго определённый исторический период, то есть каждому этапу развития языка свойственна своя активная и своя пассивная лексика.

Устаревшие слова делят на два разряда: *историзмы* и *архаизмы*.

К *историзмам* относят лексические единицы, вышедшие из употребления в результате исчезновения из общественной практики предметов и явлений, которые они обозначали. Это, например, такие слова, как *дьяк*, *боярин*, *стрелец*, *опричник*, *бурмистр*, *кафтан*, *армяк* и так далее. Историзмы не имеют синонимов в современном языке.

Архаизмы – слова, называющие существующие реалии, но по какой-либо причине вытесненные из активного употребления синонимичными лексическими единицами, то есть другими наименованиями того же денотата. Это, например: *брадобрей* – парикмахер, *сей* – этот, *ланы* – щёки, *уста* – рот, *одр* – постель, *наущать* – подстрекать и другие.

Архаизмы используются как элементы высокого, поэтического стиля или как средство иронии.

Неологизм (от греч. *neos* – новый и *logos* – слово) – слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия. Пополнение словарного запаса происходит непрерывно, и новые слова, став общеупотребительными, закрепившись в языке, перестают быть неологизмами. Различают неологизмы *лексические*, то есть вновь образованные или заимствованные слова (*прилуниться*, *маркетинг*, *рэкетир*), и *семантические* – новые значения ранее известных слов, например: *спутник* – космический аппарат, *морж* – любитель зимнего купания, *челнок* – торговец товаром, привозимым из другого города или другой страны.

Кроме общеязыковых неологизмов, существуют индивидуально-авторские, которые создаются художниками слова в определённых стилистических целях, для усиления выразительности и эстетического воздействия на читателя. Например, неологизмы И. Северянина (*фонтан ракетится*, стих *королеет*, пора *безжизния*, *изнервленные принцессы*).

Таким образом, лексика языка неоднородна и различается по ряду параметров, совмещающихся и накладывающихся друг на друга.

Системные отношения в лексике

Слова в языке существуют не изолированно, а в тесной связи друг с другом, объединяясь тем или иным образом. Известный русский семасиолог М.М. Покровский, одним из первых осознавший системный характер лексики, писал во второй половине XIX века: «Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются (в нашей душе) независимо от нашего сознания в различные группы, и основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению».

В современном языкознании системность лексики не оспаривается. Общеизвестно, что в основе системной организации слов лежит их семантика. Это получило подтверждение и в ходе нейрофизиологических исследований. Так, в опытах О.С. Виноградова и Н.Э. Эйслер было показано, что выработка у испытуемых условной болевой сосудистой реакции на два слова какого-либо класса (например, «репа» и «свекла») ведет к тому, что болевая реакция начинает прочно вызываться всеми остальными словами класса (в данном случае – «овощи»).

С точки зрения современной науки отношения между словами устанавливаются не по семанте в целом, а по отдельным семемам. Поэтому многие лексикологи считают основной единицей лексической подсистемы языка лексико-семантический вариант слова (лексема + семема). Семема предстает как упорядоченная совокупность сем.

Лексико-семантическая подсистема формируется оппозициями семем, возникающими благодаря их сходствам и различиям по составу сем.

Типы оппозиций слов по семемам и лексемам

Наличие у слова двух сторон – лексемы и семемы (тем более нескольких семем) позволяет одному слову входить в большое число разнообразных оппозиций. Возьмем для простоты такой случай, когда лексема имеет одну семему. Тогда она, как определил Олег Михайлович Соколов, может вступать в следующие девять типов отношений:

1. У двух слов тождественны лексема и семема. Это одно и то же слово (снег – снег).

2. У двух слов тождественны лексемы, но есть небольшие различия в семемах, хотя общность части семемы сохраняется. Это – явление многозначности слова (снег – атмосферные осадки и снег – седины).

3. У двух слов тождественны лексемы, но не имеют общих сем семемы. Возникает явление омонимии: *ключ* – приспособление для открывания замка, *ключ* – источник воды, бьющий из-под земли.

4. Лексемы имеют общую часть (пересекаются), семемы тождественны. Такие слова представляют собой морфологические или фонетические варианты слова (лиса и лисица, ноль и нуль).

5. Лексемы имеют общую часть и семемы имеют общую часть. Такой случай трактуется как однокорневая синонимия (верить – веровать, заходить – захаживать).

6. Лексемы имеют общую часть, семемы различны. Такие слова называются паронимами: *кампания*, *аспирант* и *компания*, *аспират*.

7. Две разные лексемы имеют тождественные семемы (*языкознание* – *лингвистика*, *флексия* – *окончание*). Такие слова называются омосемемами.

8. Две различные лексемы несут семемы, имеющие общую часть: *делить* – *расчленять*. Явление называется разнокорневой синонимией.

9. Две разные лексемы выражают две разные семемы. Это любые разные слова, например *трактор* – *рассвет*.

Следует иметь в виду, что во все указанные отношения слово может входить по каждой из своих семем.

Структурные отношения между семемами

Семемы образуют друг с другом оппозиции по семам. В оппозициях находятся как семемы одной лексемы, так и семемы разных лексем. Оппозиции между семемами одной лексемы хорошо видны на следующем примере, разработанном В.Г. Гаком:

Семемы глагола прийти	Архисемы	Дифференциальные семы	Потенциальные семы
Мальчик пришел из школы	Движение	Самостоятельное приближение пешком	Появление
Поезд пришел на станцию	Движение	Самостоятельное приближение	Появление
Пришло письмо	Движение	Несамостоятельное	Появление
Пришла беда	Появление	Несамостоятельное	—

Среди рассмотренных оппозиций наблюдаем оппозицию по антонимическим семам (самостоятельное – несамостоятельное), оппозиции привативные по наличию /отсутствию какого-то признака (пешком – нет, приближение – нет). Наблюдается изменение места и статуса сем в составе семемы.

Наиболее близкими являются семемы, различающиеся по одной-двум семам при наличии нескольких одинаковых. В таких оппозициях находятся антонимы и синонимы, слова одной узкой тематической группы. На таких оппозициях строятся группировки слов.

Соотношения семем по семам прослеживаются и в линейной последовательности, в синтагматике. Именно от семного состава семем зависит возможность или невозможность осмысленного сочетания слов друг с другом.

В.Г. Гак выделяет три вида отношений семем по семам в синтагматическом ряду.

1. Семантическое согласование, когда в семемах сочетающихся слов имеются одинаковые семы. *Змея ползет* – в семеме *змея* есть сема «без ног» и в семеме *ползти* есть сема «без помощи ног».

2. Семантическое несогласование, когда в семемах сочетающихся слов нет совпадающих, но нет и противоречащих друг другу сем (змея перемещается).

3. Семантическое рассогласование при наличии в денотативных семемах сочетающихся слов противоречащих друг другу сем. В этом случае либо сочетание лексем становится бессмысленным (дождь ползет), либо в нем происходит изменение состава одной из семем, которая становится коннотативной (время ползет; здесь *ползет* теряет сему «без ног», сохраняя сему «медленно движется»). На основе семантического рассогласования строятся иронические выражения с общим значением «нелепость,

невозможное, ложное»: *сапоги всмятку, профессор кислых щей, отставной козы барабанищик, нашему забору двоюродный племень*.

Изучение соотношений семем по семам в парадигматике и в синтагматике позволяет подойти к рассмотрению устройства лексической подсистемы языка.

Лексико-семантические группировки слов в лексической подсистеме языка

Слова, связанные между собой описанными выше типами оппозиций, составляют лексико-семантические группировки разного объема и структуры. Выявить все системные связи в лексике какого-либо языка – чрезвычайно трудоемкая задача. По подсчетам Петра Никитича Денисова, индивидуальный запас личности в среднем составляет примерно 30 000 слов, общеупотребительная лексика в рамках литературного языка достигает 300 000 единиц. Если учесть специальные термины разных сфер человеческой деятельности, то число единиц окажется больше миллиона.

Внимательно рассмотреть все оппозиции между миллионом элементов – задача на многие годы. Исследователи идут к ее решению с разных сторон: как от глобальных классификаций, рассчитанных на охват всего лексикона языка, так и от микрогрупп – синонимических, родо-видовых и т.п.

Отечественный лингвист-теоретик Юрий Николаевич Караулов приводит одну из возможных классификаций по классам понятий. В ней различаются такие крупные группировки лексики:

вселенная: небо и небесные тела, земля, растения, животные;

человек: человек как живое существо, душа и разум, человек как общественное существо, социальная организация и институты;

человек и вселенная: бытие и разрушение, качества и состояния, пространство, время, движение, изменение, наука и техника.

Наиболее богата словами и хорошо структурирована область *человек*, за ней область *вселенная*. Третья область наименее разработана, некоторые ее отделы представлены немногими словами, не образующими друг с другом оппозиций по семам. Тезаурус, по мнению Караулова, дает приближение к целостному представлению лексической подсистемы языка, хотя и является ее усредненной моделью.

Противоположный путь начинается от самых мелких группировок слов, ближайших друг к другу по смыслу, которые образуют синонимы, антонимы, родовидовые группировки, лексико-семантические группы и разряды, наконец, лексико-семантические поля. Поскольку слово по разным семемам входит в разные лексико-семантические группировки и в то же время единая лексема связывает все свои семемы в одну микроструктуру, отношения внутри лексико-семантических разрядов и полей оказываются пересекающимися и разнонаправленными. В лексиконе человека группы слов и слова переплетаются как причудливо запутанные нити, и потому выделить из их переплетений отдельные участки можно только условно в целях их исследования.

Обычно выделяют такие лексические группировки как синонимические ряды, лексико-семантические группы и поля, лексико-фразеологические поля, тематические группы, ассоциативные группировки. Не всегда между разными типами группировок можно провести четкую грань.

Синонимический ряд–(греч. *synōnymos*– одноименный) – это различные по звучанию, но близкие по значению слова одной части речи, которые, обозначая одно и то же понятие, различаются компонентами денотативного значения, сферой употребления, стилистической или эмоциональной окраской, оценочностью и др. Иногда выделяют так называемые *абсолютные синонимы* (бегемот – гиппопотам, орфография – правописание), т.е. совершенно тождественные по значению слова, которые весьма немногочисленны в языке и обычно тоже различаются в употреблении – например, одно более частотно, а второе менее и т.д.

Идеографическими называют синонимы, различающиеся оттенками значения. Например: *шаблон, штамп, стандарт, стереотип; плакать, рыдать, реветь* (разная степень проявления признака).

Стилистическими называют синонимы, обладающие различной стилистической окраской и сферой использования, например, *безуспешно (нейтр.), зря (разг.), бесполезно (кн.), по-пустому (прост.)*.

Слова – синонимы образуют *синонимический ряд*, в который может входить от двух до десяти и более лексических единиц. Одно из слов в таком ряду, семантически наиболее общее, наиболее употребительное и обычно стилистически нейтральное, является стержневым и называется *доминантой* синонимического ряда. С доминантой соотносятся все остальные члены синонимического ряда. Так, синонимы *учтивый, корректный, любезный, обходительный* соотносятся со словом *вежливый*, которое наиболее полно выражает общее значение («внимательное, чуткое отношение к другому человеку») и является наиболее употребительным.

Синонимия тесно связана с многозначностью. Каждое из значений многозначного слова может иметь свои синонимы, тем самым оказываясь членом разных синонимических рядов, ср.: *свежий – прохладный ветер, свежий – мягкий хлеб, свежая – сегодняшняя газета, свежая – оригинальная мысль* и т.д.

Антонимы (греч. *anti* – против и *онума*– имя) – это слова одной части речи, имеющие противоположные, но соотносительные друг с другом значения: *добро – зло, хороший – плохой, любить – ненавидеть* и т.д. Способность слов вступать в противоположные отношения, обозначать противоположные понятия в их соотношении друг с другом называется *антонимией*.

По структуре антонимы могут быть разнокорневыми (*богатство – нищета, говорить – молчать*) и однокорневыми, т.е. различающимися префиксальными морфемами (*открывать – закрывать, возможный – невозможный, прогресс – регресс*).

Если слова регулярно противопоставляются в лексической системе, то они образуют *антонимическую пару*. В основу противопоставления в такой паре

положен один и тот же общий и существенный признак, например, *время*: ранний – поздний, *пространство*: близкий – далекий, *возраст*: молодой – старый и т.п.

Не все слова в языке могут противопоставляться. Антонимические пары имеют главным образом лексические единицы, которые обладают качественным (*горячий – холодный, слабый – крепкий, легкий – тяжелый*), количественным (*много – мало, все – никто*), временным (*утро – вечер, рано – поздно*), пространственным (*верх – низ, далеко – близко*) значением.

Если антонимические связи слов устойчиво закреплены в сознании носителя языка, то антонимы являются общеязыковыми. Когда какие-либо понятия противопоставляются только в одном контексте, то говорят о контекстуальной антонимии, например, у Пушкина: *«Они сошлись: волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой...»*.

Антонимы представлены в системе языка *антонимическими парами*.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) – большая группа слов одной части речи, объединенных одним словом – идентификатором или устойчивым словосочетанием, значение которого полностью входит в значение остальных слов группы и которое может заменять остальные слова в некоторых контекстах. Например: *молоток, лопата, грабли, клещи, пила, плоскогубцы, отвертка* – «инструменты»; *врач, медсестра, фельдшер, ординатор, акушерка, главврач и др.* – «медицинские работники»;

Лексико-семантическое поле (ЛСП) – совокупность большого числа слов одной или нескольких частей речи, объединяемых общей архисемой. Именем поля является, как правило, словосочетание искусственного характера (то есть не устойчивое), называющее понятие, объединяющее слова в поле. Например: *машина, троллейбус, велосипед, пароход, корабль, такси, трамвай, поезд* и др. – «средства транспорта»; *год, час, минута, секунда, месяц, неделя, миг, лето, зима, век* и др. – «наименования периодов времени».

Лексико-семантические группы и поля имеют свое ядро и периферию. Разные лексико-семантические поля отличаются и по числу своих компонентов и по количеству и качеству оппозиций между ними. Важнее всего для человека он сам и его ближайшее окружение, поэтому наиболее детально разработаны лексико-семантические поля родственных отношений, профессий, занятий, пищи, бытовых действий и т.п. Менее важные и менее знакомые сферы, не составляющие предмета широкого повседневного обсуждения (вселенная, микромир и т.п.), не имеют больших и хорошо структурированных лексико-семантических полей.

Слова, входящие в одно лексико-семантическое поле, переживают общие семантические процессы: денотативные семемы развивают однотипные коннотации, переживают тождественные метонимические и метафорические сдвиги. Например, названия наук обычно используются и как названия учебников по данной науке (*купи «Физику», куда завалилась моя «Грамматика»?*). Названия растений используются и как названия плодов этого растения (ср. *груша, вишня, слива, рябина* и некоторые другие);

название части тела употребляется и для обозначения заболевания этой части тела (*дайте таблетки от головы, мучается от живота, температура от горла* и т.п.); название животного обозначает и мясо этого животного (*ешьте курицу, суп из кролика* и т.д.).

В лексико-фразеологических полях объединяются лексика и фразеосочетания, близкие по семантике.

В современной лингвистике существуют разные точки зрения на соотношение фразеологии и других уровней языковой системы.

Многие современные ученые, в том числе представители Воронежской лингвистической школы, убеждены в существовании в языке *единой лексико-фразеологической системы*, которая строится по принципу поля. Например, ЛФП (лексико-фразеологическое поле) «жизнь – смерть», ЛФП времени и другие.

Ядром такого поля являются лексемы, в его ближней периферии вместе с лексемами представлены и фразеосочетания (обычно от Д1Д2 до Д2К3), а в дальнюю могут входить идиомы с семемами К2 и К3 (опять же вместе с лексемами).

Существуют еще *тематические* и *ассоциативные* группы или поля.

Тематическая группа (поле) – совокупность большого числа слов, устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, единиц разных частей речи, относящихся к одной сфере действительности. Например, тематические группы (поля) – *спорт, сельское хозяйство, промышленность, быт, искусство* и др.

Ассоциативная группа (поле) – совокупность слов, связанных в сознании человека с каким-либо словом-стимулом. В ассоциативную группу могут входить слова разных частей речи. Например:

пустыня – песок, жара, верблюд, колючки, пить, желтая, барханы;

молоко – белое, корова, доярка, доить, сено, пастись, пакет, бутылка;

цветок – ромашка, роза, букет, тюльпан, запах, красивые.

Ассоциативные группы не входят в иерархическую организацию лексических группировок (тематическая группа – ЛСП – ЛСГ – синонимический ряд), они пронизывают во всех направлениях всю лексическую систему языка. Ассоциации играют большую роль в запоминании лексики, в организации её упорядоченного хранения в памяти, а также в художественном тексте, где во многом обуславливают подтекст произведения.

Выделяются также *тематическая группа (ТГ)* – совокупность единиц разных частей речи, объединяемых одной сферой деятельности, одной ситуацией, темой, например, спорт, медицина, сельское хозяйство и т.п. ТГ основана на внеязыковых связях предметов и явлений. Между единицами ТГ отношения разнотипны или вовсе отсутствуют. Пример ТГ «Городской транспорт»: *автобус, троллейбус, маршрутка, метро, линия метро, остановка, стоянка, подземный переход, правила движения, пересадка, взять такси, попасть в пробку, часы «пик»* и т.п.

По современным научным данным, лексическая система в целом и отдельные ее участки имеют полевую организацию, полевую структуру, т.е. характеризуются наличием ядра и периферийных зон.

Ядро включает наиболее частотную и информативную лексику, специализированную для выполнения функций поля. Четкой границы между ядром и периферией нет. Единицы, входящие в ядро одного поля, могут оказаться на периферии другого. Поля, накладываясь друг на друга, организуют всю лексику в единое, взаимосвязанное целое).

Фразеология

Фразеология (от греч. phrases – р.п. phraseōs – выражение и logos – слово, учение) – раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии. Этим же термином называют совокупность фразеологизмов данного языка.

Фразеологизм – общее название семантически связанных сочетаний слов, которые в отличие от сходных с ними по форме свободных синтаксических структур воспроизводятся в речи в готовом виде. Например: рус. водить за нос – обманывать, англ. toraincatsanddogs – букв. дождь идет кошками и собаками, т.е. идет очень сильный дождь, бел. біць бібікі – бездельничать и подобные.

Исследователи отмечали, что фразеологизм, как и слово, обозначает предмет или явление, участвует в построении высказывания, но в отличие от слова по своей структуре он сходен со словосочетанием. Однако, в отличие от свободных сочетаний слов в нем, во-первых, нельзя свободно заменять слова по своему желанию; во-вторых, слова теряют в составе фразеологизма свою смысловую самостоятельность и, наконец, фразеологизмы не создаются в речи, а воспроизводятся в готовом виде, требуют запоминания.

В свободных словосочетаниях слова могут соединяться по выбору говорящего: бить сына, врага, сильно и т.д. Общее их значение складывается из значений составляющих их слов. Во фразеологизмах наблюдается единство, целостность значения: *бить баклуши* – бездельничать. Значение фразеологизма не делится на части, соответствующие элементам его внешней формы и не вытекает из сложения значений отдельных слов. Этот важный признак фразеологических единиц ученые называют *идиоматичностью*.

Классификация фразеологизмов

По степени семантической слитности компонентов В.В. Виноградов разделил все фразеологизмы на 3 группы: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

Фразеологические сращения – абсолютно неделимые, неразложимые словосочетания, «значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов». Примерами

фразеологических сращений являются выражения *собаку съел, точить лясы, как ни в чём не бывало*. Фразеологические сращения часто называют идиомами.

Фразеологические единства тоже семантически нечленимы. Но они имеют и прямое значение и мотивированное им переносное: *мелко плавать, как с гуся вода, на всех парах*.

Во *фразеологических сочетаниях* лексические значения слов могут проявляться лишь в сочетании со строго ограниченным набором слов, причем для такого ограничения как будто нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий или явлений. Например, слово «брать» в значении «овладевать» применительно к чувствам, настроениям не сочетается свободно со всеми обозначениями эмоций и настроений. Можно сказать: *страх, тоска, досада, смех, злость берет*, но нельзя – *радость, удовольствие берет*.

Воронежская лингвистическая школа в состав фразеологии включает все типы сочетаний лексем (фразеосочетаний) во всех возможных сочетаниях семем, которые несут эти лексемы. Эти сочетания исчислены и могут быть представлены в следующей матрице.

Д1Д1
Д1Д2 Д2Д2
Д1К1 Д2К1 К1К1
Д1К2 Д2К2 К1К2 К2К2
Д1К3 Д2К3 К1К3 К2К3 К3К3

Фразеосочетания Д1Д1 являются свободными (расцвели ромашки, умный человек, начинается день).

Сочетания Д1Д2 и Д2Д2 обычно называют устойчивыми или связанными. Среди них много терминов (научный аппарат, грудная клетка, новости дня, сестра милосердия, живая газета, авторский лист).

Фразеосочетания Д1К1 (чувство локтя, делать карьеру, осыпать поцелуями) Д2К1 (стоять над душой, отлегло от сердца, выдержать характер) и особенно К1К1 (забросить удочку, убить бобра, круглый стол, бросить перчатку) почти всеми исследователями признаются фразеологизмами.

Фразеосочетания с семемами К2 и К3, включающие немотивированные и изолированные семемы, именуются идиомами (пороть горячку, лезть на рожон, до морковкина заговенья, точить лясы, ничтоже сумняшеся).

Этот подход позволяет выявить разную степень семантической спаянности фразеосочетаний, проанализировать сочетаемость лексемы во всем ее объеме, увидеть не только крайние точки, но и переходные явления.

Существуют и иные подходы к описанию фразеологизмов: их рассматривают с точки зрения их грамматической структуры, стилистической отнесенности и т.д.

Национальное своеобразие фразеологизмов

Фразеологизмы – явление универсальное. Они присутствуют во всех языках. Но каждый язык имеет свою фразеологию, обусловленную особенностями культуры его носителей. Исследователи говорят о *национальном своеобразии фразеологии*.

Действительно, если русский человек о сильном дожде скажет «льет как из ведра», то соответствующее ему английское выражение можно перевести буквально как «дождь идет кошками и собаками», а немецкое – «дождь льет, как на дохлую собаку».

О чем-то ненужном, лишнем русские скажут: «Нужен как собаке пятая нога», а китайцы используют иной образ: «Нарисовать змею и добавить к ней ноги».

О безбилетном пассажире русские скажут *едет зайцем*, а словаки – *едет по-черному*.

Русскому фразеологизму «с глазу на глаз» соответствует французское *tête-à-tête* – буквально голова к голове, английское *facetoface* – лицом к лицу, немецкое *unter vier Augen* – между четырех глаз.

Русский скажет, что он придет *после дождика в четверг*, т.е. никогда, а француз, если хочет выразить тот же самый смысл, скажет: «Подожди меня под вязом». Китаец же использует иной образ: «когда через радугу пройдешь», «когда соль вырастет», англичанин – «когда свиньи полетят».

Китайское выражение «один кусочек кости испортит весь суп» по значению сходно с русским – *ложка дегтя в бочке меда*.

Естественно, при переводе с одного языка на другой возникают определенные трудности. Переводчику необходимо учитывать *межъязыковую идиоматичность*, заключающуюся в невозможности буквального перевода фразеологизмов с одного языка на другой.

Постепенно пополняясь новыми единицами, фразеология языка отражает культурно-исторический опыт народа, а также особенности развития данного языка.

Тема 8 ПРЕДМЕТ И ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ГРАММАТИКИ. МОРФОЛОГИЯ

Предмет грамматики. Грамматическое значение и его типы

Без слов язык невозможен. И всё-таки сами по себе, взятые по отдельности, они не создают языка как средства общения и выражения мысли. Ведь наша речь – это не механический набор слов. Чтобы сообщить какую-нибудь мысль, слова необходимо определенным образом связать между собой, поставив их в нужную форму, то есть установить между ними отношения, называемые грамматическими.

Например, слова студент, учиться, университет, не связанные между собой грамматически, еще не выражают мысли, не передают сообщения. Участвовать в выполнении основной функции языка (коммуникативной) они могут только после того, как станут частью грамматической единицы – предложения, то есть будут поставлены в определённую форму и расположены в определённом порядке по отношению друг к другу. Поэтому грамматика включает морфологию (учение о формах слова) и синтаксис (учение о связи слов в предложении). Каждый язык обладает своими средствами оформления слов и соединения их в предложения.

Если лексикология изучает лексическое слово – лемму, то грамматика изучает грамматическое слово – словоформу. Неизменяемые слова употребляются всегда в одной словоформе, изменяемые – имеют несколько словоформ. Например, лемма дом может иметь следующие словоформы: дом, дома, дому, домом, о доме, домами и т.д., которые выражают грамматические значения разных падежей, но обозначают один и тот же предмет. Это значит, что разные словоформы одной леммы, совпадая по лексическому значению, имеют отличия в грамматических значениях. На соотношении лексического и грамматического значения следует остановиться подробнее.

Носитель языка воспринимает слово прежде всего как лексическую единицу. Когда говорят «значение слова», имеют в виду его лексическое значение. Лексическое значение соотносит языковую единицу с внеязыковой действительностью, отражая предметы и явления объективного мира. Формальными показателями лексического значения являются корень и словообразовательные аффиксы, то есть основа слова. В корне заключено вещественное значение, в аффиксах – словообразовательное. Например: стекло – стеклянный.

Грамматическое значение в отличие от лексического не имеет предметной отнесённости. Оно является внутриязыковым, так как содержит информацию об отношениях языковых единиц, их связях между собой, независимо от наличия этих отношений во внеязыковой действительности. В отличие от лексического, которое является индивидуальным, присущим только одному слову, грамматическое значение повторяется во множестве слов. Так, слова сосна, вода, дверь, толпа, совершенно различные в лексическом плане, обладают одинаковыми грамматическими значениями, поскольку являются существительными одного и того же рода (женского), числа (единственного), падежа (именительного). Следовательно, грамматическое значение противостоит лексическому как общее индивидуальному.

Осмысливая это противопоставление, языковеды пришли к выводу об обязательности грамматического значения. Слова, образующие предложение, не могут быть грамматически не оформленными, поэтому, создавая высказывание, человек вынужден использовать те или иные грамматические значения из набора значений, существующих в языке. Например, употребляя любой русский глагол, говорящий обязан выбрать одно из двух видовых значений: совершенный или несовершенный вид, соотнеся тем самым

действие с его завершённостью, пределом или, наоборот, повторяемостью, протяжённостью во времени. Подчиняясь принципу обязательности грамматических значений, говорящий на русском языке выражает данную особенность действия независимо от того, входит ли это в его намерения или нет. Постоянное повторение одних и тех же грамматических значений в лексически разных словах – закономерность, обусловленная системой языка, результат оформления слова по принципу обязательности, потому что без грамматических значений слово не может стать элементом связной речи.

Грамматическое значение чаще всего выражается в языке посредством особых показателей: при помощи окончаний, словоизменительных суффиксов, чередования, использования разных корней в одном грамматическом ряду и т.д. Например: мама – мамы – маме. В данном случае грамматическое значение падежа выражается при помощи окончания. Важно иметь в виду, что любое грамматическое значение обязательно должно иметь в языке материальное выражение, то есть грамматическую форму. Грамматическая форма тесно связана с понятием парадигмы.

Грамматическая парадигма – это совокупность грамматических форм слова или группы слов, расположенных в определенной последовательности, объединенных отношениями взаимосвязи, противопоставления и обусловленности. Например:

парадигма числа: дом, дома;

парадигма падежа: дом, дома, дому, домом, о доме.

Грамматические парадигмы могут быть полными и неполными. Полной является такая парадигма, в которой все члены представлены словоформами: стол, стола, столу, стол, столом, о столе. Неполной является такая парадигма, в которой отсутствует потенциально возможная словоформа (словоформы). К неполной парадигме в русском языке, например, относится парадигма спряжения глагола победить (невозможно образовать форму первого лица единственного числа), парадигма лица глагола светать, поскольку это безличный глагол.

Грамматическая форма слова как средство выражения грамматического значения и грамматической категории

Термин «грамматическая форма» может употребляться в двух значениях. Во-первых, как синоним термина «словоформа», то есть служить для обозначения грамматического видоизменения одной лексемы: стол, стола, столу, столы и т.д. Одна словоформа способна выражать несколько грамматических значений. Так, словоформа зима выражает грамматические значения женского рода, единственного числа и именительного падежа, словоформа бежал – грамматические значения несовершенного вида, прошедшего времени, единственного числа, мужского рода.

Во-вторых, термин «грамматическая форма» может иметь обобщённый характер, употребляясь по отношению к ряду, классу конкретных словоформ, объединённых общим грамматическим значением. Например:

форма множественного числа (дома, столы, люди, братья, тополя, ученики и т.д.), форма первого лица (читаю, гуляю, разговариваю, сидим, пишем, любим), форма сравнительной степени (красивее, тоньше, лучше, длиннее, слаще, хуже и т.д.). Следует иметь в виду, что полного совпадения в выражении грамматического значения у словоформ, представляющих одну и ту же грамматическую форму, может и не быть. Так, грамматическое значение множественного числа существительных в именительном падеже может выражаться разными окончаниями, например: столы, мосты (окончанием -ы) и города, дома (окончанием -а).

Вместо термина «грамматическая форма» некоторые учёные используют термин *граммема*, трактуемый как одно элементарное грамматическое значение в единстве со всеми средствами своего выражения.

Так, граммемой будет единство грамматического значения именительного падежа со следующими средствами его выражения:

им.пад. : □ (-ы); -я (-и); -е (-я); -о (-а); □ (-и); -а (-ы). Например: стол – столы, земля – земли, поле – поля, село – сёла, корабль – корабли, гора – горы.

Таким образом, грамматическая форма представляет собой единство грамматического значения и внешних средств его выражения в данном языке.

Важным свойством грамматических значений является то, что они не существуют изолированно, сами по себе. Каждое из них входит в ряд связанных с ним и противопоставленных ему значений. Например, если в языке есть множественное число, значит, есть и противопоставленное ему единственное, если есть мужской род, значит, есть и противопоставленный ему женский. Такое объединение грамматических значений представляет собой грамматическую категорию. А так как значения не существуют вне формы, то, говоря другими словами, грамматическая категория представляет собой определённую совокупность, определённый ряд словоформ с общими соотносимыми грамматическими значениями, противопоставленными внутри этой категории. Например, грамматическую категорию времени образуют противопоставленные грамматические значения, выраженные противопоставленными грамматическими формами настоящего, прошедшего и будущего времени.

Можно трактовать грамматическую категорию и как систему граммем. При таком подходе граммема понимается как компонент грамматической категории, представляющий собой видовое понятие по отношению к родовому. Таковы, например, граммемы единственного и множественного числа, первого, второго и третьего лица, граммемы совершенного и несовершенного вида.

Таким образом, грамматическая категория – это *единство грамматического значения и всех средств его материального выражения (формальных показателей) в данном языке*; это система граммем, объединённых общим грамматическим значением, но противопоставленных по формальным показателям.

Если данный язык не располагает грамматическим способом выражения какого-либо значения, то в нем отсутствует и соответствующая грамматическая категория.

Например, в русском языке можно, конечно, выразить различие между действием, совершающимся в первый раз, и действием, происходящим повторно, однако специальных грамматических средств, а значит, и форм для этого не имеется, потому и нет ни такого грамматического значения, ни такой грамматической категории. А вот в одном из языков американских индейцев эти средства есть – соответственно существует и глагольная категория повторного и неповторного действия.

Виды грамматических категорий и способы их выражения в языках мира

Грамматические категории подразделяются на две большие группы: морфологические и синтаксические.

1. Морфологические грамматические категории используют морфологические средства выражения грамматического значения. К ним относятся, например, категории времени, лица, числа, рода, падежа в русском языке. Среди морфологических категорий различают:

а) словоизменительные – это грамматические категории, члены которых могут быть представлены формами одного и того же слова в рамках его парадигмы. Например, падеж и число существительных; род, число, падеж прилагательных в русском языке;

б) классификационные – это категории, которые делят слова на классы. Например, категория рода и категория одушевлённости существительных в русском языке.

2. Синтаксические грамматические категории включают синтаксические средства выражения грамматического значения. Это, например, категория целевой направленности высказывания (повествовательные и вопросительные предложения), грамматические категории словесных позиций (сказуемое, подлежащее, дополнение, обстоятельства) и др.

Как уже указывалось, грамматическая категория включает два или более противопоставленных грамматических значения. Грамматическое значение обязательно должно иметь грамматическую форму, которая может быть выражена различными способами. Существует три способа выражения грамматического значения – синтетический, аналитический и смешанный.

При синтетическом способе лексическое и грамматическое значения совмещены, то есть выражаются одной словоформой. Например, в слове рука лексическое значение выражено основой рук-, а грамматические значения именительного падежа, единственного числа, женского рода – окончанием – а. Вот еще ряд подобных примеров:

рус. летчица, домище, напишу;

англ. warmer, studies;

нем. fahren, kalten.

К синтетическим способам выражения грамматического значения относятся следующие.

Аффиксация. Является главным средством выражения грамматических значений во многих языках мира, но наиболее продуктивна в индоевропейских и тюркских языках. Способ аффиксации заключается в присоединении к корням или основам слов различных аффиксов. Например:

рус. делать – сделать (при помощи приставки выражается значение совершенного вида); ходить – ходил (посредством суффикса выражается значение прошедшего времени); стол – стола (окончание служит грамматическим средством выражения значения родительного падежа); ср. также: нем. die Lampe – die Lampen (значение множественного числа); англ. book – books.

Очень важным средством выражения грамматического значения во многих языках является флексия. Например, при помощи флексии выражаются грамматические значения глагола в английском, немецком, французском, испанском и многих других языках. Но грамматическое значение в слове может быть выражено и отсутствием флексии, то есть нулевым аффиксом. Например, в русских словах дом, город, сад, ученик нулевая флексия выражает значения именительного падежа, единственного числа, мужского рода.

Грамматическое значение может выражаться посредством чередования звуков в корне слова, которое иногда называют внутренней флексией. Особенность подобных чередований в том, что они не обусловлены фонетической позицией звуков. Например:

рус. избегал – избежал;
нем. liegen – lag – gelegen;
англ. sing – sang – sung.

Следует, однако, отметить, что не всякое чередование звуков в корне, не обусловленное их фонетической позицией, является грамматически значимым. В русском языке чередование звуков в качестве грамматически значимого способа также используется, но редко, например, при выражении видового значения глагола: заморозить – замораживать, упросить – упрашивать, выкормить – выкармливать, назвать – называть и т.д.

Гораздо заметнее роль звуковых чередований в передаче грамматических значений в таких языках, как английский, немецкий, арабский, в некоторых африканских языках, в языках североамериканских индейцев. Например, в немецком языке перегласовка гласного в корне (умлаут) используется для образования формы множественного числа многих существительных: das Buch – die Bücher (книга – книги).

3. Повтор, или редупликация (от латинского *reduplicatio* – удвоение), состоит в полном или частичном повторении корня, основы или целого слова для выражения грамматического значения. Например:

рус. белый – белый-белый;
англ. rooh-rooh (фыркать).

Повтор может осуществляться без изменения звукового состава слова или с частичным его изменением. В ряде языков, например китайском, корейском, малайском, армянском и др., повтор применяется для выражения множественного числа: китайское *жень* – человек, *жень-жень* – люди, *син* – звезда, *син-син* – звёзды; малайское *orang* – человек, *orang-orang* – люди; корейское *saram* – человек, *saram-saram* – каждый из людей; армянское *gund* – полк, *gund-gund* – много полков.

Повторение может быть неполным, когда удваивается только первый или конечный слог корня. Например, в полинезийских языках имеются такие формы образования множественного числа: *tele* – дерево, *tetele* – деревья; *lahi* – кит, *lahahi* – киты; *pa'i* – рыба, *pa'apai* – рыбы.

Во многих языках повторение основ используется для выражения превосходной степени. Например: в гавайском языке *līi* – маленький, *līi-līi* – очень маленький; в китайском языке *сяо* – маленький, *сяо-сяо-ды* – очень маленький, *хао* – хороший, *хао-хао-ды* – очень хороший.

В русском языке повторы употребляются как средство усиления интенсивности действия или признака, а также для указания на длительность, многократность действия: *да-да*, *нет-нет*, *еле-еле*, *чуть-чуть*, *добрый-добрый*, *думал-думал*.

4. Одним из способов выражения грамматических значений является словесное ударение – акустическое выделение определенных слогов. В русском языке такой способ используется при выражении грамматического значения совершенного и несовершенного вида глаголов: *ср`езать* – *срез`ать*, *ссы`пать* – *ссып`ать*, *нар`езать* – *нарез`ать* и т.д. В болгарском языке перемещение ударения служит средством разграничения форм времени глагола, причём в некоторых случаях это является единственным грамматическим показателем. Так, 3-е лицо настоящего времени имеет ударение на основе, а в форме аориста – на окончании, например: *гл`еда* – смотрит, *но глед`а* – посмотрел, *х`оди* – идёт, *но ход`и* – пришёл.

В русском языке ударение часто используется как способ различения форм падежа и числа в некоторых именах существительных, например: *рук`и* – *ру`ки*, *земл`и* – *з`емли*, *стен`ы* – *ст`ены*, *труб`ы* – *тр`убы*, *д`ома* – *дом`а*, *г`орода* – *город`а* и т.д. В английском языке глагол и существительное могут различаться только местом ударения в слове, например: *progr`ess* – прогрессировать, *pr`ogress* – прогресс, *imp`ort* – импортировать, *`import* – импорт.

В разных языках этот способ выражения грамматического значения играет различную роль, что обусловлено видом и типом ударения в данном языке. В языках с фиксированным одноместным ударением невозможны противопоставления, подобные приведённым выше, в языках же с музыкальным ударением оно всегда может служить средством выражения грамматического значения.

5. Супплетивизм. В ряде случаев для выражения грамматических значений используются формы слов, образованные от других корней, например: рус. человек – люди; нем. *ich* – *mir*.

Такой способ выражения грамматического значения получил название супплетивизм (от лат. *suppleo, suppletum* – пополнять, дополнять), а сами формы носят название супплетивных. Супплетивные формы встречаются сравнительно редко. В индоевропейских языках супплетивизм играет некоторую роль при образовании форм сравнительной степени и форм личных местоимений. Так, в латинском языке можно указать такие формы степени от прилагательного *bonus* (хороший): сравнительная – *melior* (лучше), превосходная – *optimus*. Вот ещё несколько примеров образования супплетивных форм сравнительной степени в разных языках: лат. *major* (больше, от *magnus* – большой), *minor* (меньше, от *parvus* – малый), *plus* (более, от *multus* – многочисленный); ср. также: русск. хорошо – лучше, фр. *bien* – *mieux*, нем. *gut* – *besser*, англ. *good* – *better*, русск. много – больше, фр. *beaucoup* – *plus*, англ. *many* – *more*, нем. *viel* – *mehr*.

В русском языке супплетивным способом выражается также грамматическое значение косвенных падежей личных местоимений (я – меня, ты – тебе, он – им, мы – нас), значение множественного числа существительных (ребёнок – дети), грамматическое значение совершенного вида ряда глаголов (брать – взять, говорить – сказать, искать – найти).

Супплетивизм часто рассматривают как явление исключительное и архаичное, так как выражение грамматических значений с помощью отдельного корня слишком усложняет систему языка.

Таким образом, синтетическими способами выражения грамматического значения являются аффиксация, чередование звуков в корне слова (внутренняя флексия), повтор (редупликация), ударение и супплетивизм.

Помимо синтетических, в языках мира используются и аналитические способы выражения грамматических значений. В этом случае лексическое и грамматическое значения получают раздельное выражение. Лексическое значение выражается словом, а функции выражения грамматических значений берут на себя вспомогательные языковые средства – служебные слова: вспомогательные глаголы, предлоги, союзы, частицы, артикли, слова степеней сравнения и другие. Например, в русском языке значение будущего времени у глаголов несовершенного вида выражается аналитически: лексическое значение глаголов – формой инфинитива, а грамматические значения числа, лица и времени – спрягаемой формой глагола *быть*: *буду писать*. Вот ещё несколько примеров аналитических форм: рус. женщина-летчик, самый чистый;

англ. *a table – the table, had been known, an apple*;

нем. *das Fenster, der Lehrer – die Lehrer, werden arbeiten*.

В ряду служебных слов функцию выражения грамматических значений в индоевропейских языках часто выполняет артикль. Так, в английском языке артикль *the* является показателем имени существительного, отличая его от глагола и других частей речи, например: *the act* – дело, *to act* – действовать, *the copy* – копия, *to copy* – копировать и т.д.

К аналитическим способам выражения грамматического значения относится и такой способ, как порядок слов. Например:

русск. Матьлюбитдочь.

англ. The mother loves the daughter.

нем. Die Mutter liebt die Tochter.

В языках, в которых нет форм словоизменения (или они используются редко) и слово обычно сохраняет одну и ту же форму, порядок слов является очень важным способом выражения грамматических значений. Например, в английском языке предложение имеет очень чёткий порядок слов, при котором на первом месте стоит подлежащее, на втором – сказуемое, на третьем – дополнение, на четвёртом – обстоятельство, то есть место, на котором стоит слово в высказывании, служит фактором, выражающим его грамматическое значение. Предложения the man killed a tiger – человек убил тигра и the tiger killed the man – тигр убил человека при перемене мест подлежащего и дополнения получают противоположный смысл. Важную грамматическую роль порядок слов играет также в таких языках, как китайский, французский, болгарский.

Русский язык отличается от других языков относительно свободным порядком слов. Но и в нём в ряде случаев порядок слов становится единственным средством различения грамматических значений. Так, в предложениях День сменяет ночь и Ночь сменяет день значение именительного падежа создаётся постановкой существительного на первое место, а позиция в конце предложения указывает на форму винительного падежа.

В качестве средства выражения грамматического значения в языках мира может использоваться интонация. В некоторых языках, например китайском, вьетнамском, интонация служит для различения как лексических значений слова, так и грамматических. В русском языке в отдельных случаях интонация также является одним из средств выражения грамматических значений в слове. Например, глагол в форме инфинитива, произнесённый с интонацией приказа, побуждения к действию, выражает грамматическое значение повелительного наклонения: встать! сесть! молчать! и т.д.

Как средство выражения грамматических значений интонация широко используется в русском предложении. Типом интонации отличаются друг от друга повествовательные, вопросительные и побудительные предложения, с помощью пауз внутри предложения говорящий показывает группировку его членов, выделяет вводные слова, различает простые и сложные предложения (Казнить нельзя помиловать) и т.д. Следовательно, интонация может выступать и как синтетический способ выражения грамматического значения (в слове), и как аналитический (в предложении).

Помимо синтетического и аналитического способов, существует также смешанный, или гибридный, тип выражения грамматического значения, который объединяет признаки синтетического и аналитического типов. Так, в русском языке грамматическое значение предложного падежа выражается двояко: синтетически (падежной флексией) и аналитически (предлогом), например: на машине, в доме, в лесу, об аварии и т.д.

Многие языки используют оба типа выражения грамматических значений – синтетический и аналитический, но при этом один из типов всегда оказывается преобладающим. К языкам преимущественно синтетического строя относятся латинский, санскрит, русский, литовский, немецкий и другие. В языках преимущественно аналитического строя – английском, французском, испанском, датском, новогреческом, болгарском – преобладает аналитический тип выражения грамматических значений, основным средством которого являются служебные слова.

В каждом языке и на каждом этапе его развития количество используемых грамматических способов и их регулярность различны: одни являются преобладающими, другие могут вообще отсутствовать.

Таким образом, языки мира различаются по своему грамматическому строю. Разнообразие единиц и категорий языков, различное использование грамматических средств обусловило деление грамматики как науки о грамматическом строе языка на разделы. Как уже указывалось, основными разделами грамматики являются морфология и синтаксис. Из морфологии выделяют как самостоятельные разделы словообразование (дериватологию) и учение о частях речи, а синтаксис делят на синтаксис словосочетания, синтаксис предложения и синтаксис текста.

Морфология как раздел грамматики

Морфология (от греч. *morphe* – «форма» и *logos* – «учение») - раздел грамматики, который изучает грамматические свойства слов, их структуру и формы. Основной единицей морфологии является морфема.

Морфемика и словообразование

Морфема – минимальная значимая часть слова. В отличие от слова и предложения, которые способны к самостоятельному употреблению, морфема выступает лишь как составная часть лексемы. Например, в слове переделывать могут быть выделены следующие значимые минимальные части, каждая из которых выражает определенное значение: пере – повторяемость действия (ср.: переделывать, перечитывать, перекрашивать); дел – действие (делать); ыва – незавершенность этого действия безотносительно ко времени и лицу.

Доказательством правильности выделения морфемы в слове является возможность выделения этой же морфемы в других словах. Русский учёный А.М.Пешковский писал: «Огромное большинство слов распадается в нашем уме на части, которые возникают при сравнении с другими словами, и эти части имеют значение». Действительно, для того чтобы выделить ту или иную морфему, мы должны обнаружить её в разных словах. Например, в словах чита-тель, учи-тель, строи-тель, исполни-тель и проч. обнаруживается морфема –тель-, выражающая значение действующего лица.

Следует иметь в виду, что одна и та же морфема, выступая в разных словах и словоформах, может видоизменяться, варьироваться по своему фонемному составу. Такие варианты, видоизменения морфемы называются алломорфами, или морфами. Например, корневая морфема слова мороз выступает в словоформах морозы, морозом в виде мороз-, в словоформах на морозе, морозить – в мягком варианте мороз’-, в словоформах морожу, мороженный – в виде морож-, а в словоформах замораживать, примораживать – в виде –мораж-. Основанием для отнесения указанных вариантов (морфов) к одной морфеме является: 1) тождество значения; 2) частичное тождество фонемного состава. Таким образом, морф – это линейная единица, которая может быть непосредственно вычленена в потоке речи, а морфема – обобщённая единица, конкретными представителями которой являются морфы. Наряду с морфемами, представленными несколькими морфами, существуют и морфемы, представленные единственным морфом, например префиксы при-, у- (приходить, уходить), постфикс –те (идите).

Морфемы делятся на два основных типа: корни и аффиксы, которые противопоставляются друг другу по характеру выражаемого значения, а также по месту и функции в составе слова. Корень – это центральная морфема, обязательно присутствующая в каждом слове и заключающая в себе основной элемент его лексического значения. Слова одного корня являются родственными потому, что обладают общностью набора сем, составляющих ядро их семантической структуры. Например: вода – водица – водяной – наводнение – паводок – подводный – подводник и т.д. Аффиксы (от лат. *affixus* – прикреплённый) – это морфемы с грамматическим значением, которые уточняют, конкретизируют значения корневых морфем.

Аффиксы присутствуют не в каждом слове (словоформе) и в свою очередь делятся на словообразовательные и словоизменятельные. Словообразовательные аффиксы служат для образования новых слов, то есть такие аффиксы имеют деривационное значение (от лат. *derivatus* – производный). Например, деривационными, то есть выражающими словообразовательное значение, являются суффикс –ец в словах куп-ец, творец, пев-ец, бор-ец, храбр-ец; суффикс –ник в словах худож-ник, сапож-ник, школь-ник; суффикс -ость в словах ясна-ость, бодр-ость, красив-ость.

Словоизменятельные аффиксы выражают отношения между словами. Они имеют реляционное значение (от лат. *relatio* – отношение). Например: (дом) отц-а, (пишу) отц-у, (пишу) пер-ом.

По положению относительно корня аффиксы разделяют на префиксы (от лат. *præfixum* – прикреплённое перед), или приставки, – стоящие перед корнем, и постфиксы (от лат. *postfixum* – прикреплённое после), стоящие после корня. Есть языки, не использующие префиксов (тюркские, финно-угорские) и выражающие грамматические значения только постфиксами. В этих языках все слова начинаются корнем, за которым может следовать цепочка постфиксов, например, киргизское кол-дор-ум-го – моим рукам состоит из корня кол – рука, постфикса множественного числа –дор, постфикса принадлежности первому лицу –ум, постфикса дательного падежа

–го. Некоторые языки (например, суахили – язык Центральной Африки) предпочитают префиксацию и не употребляют постфиксов. Например, глагольная форма в суахили *wa-ta-si-ro-ku-ja* – если они не придут при морфемном членении распадается на корень *ja* [джа], соответствующий русскому *ид-* (идти), префикс 3-го лица множественного числа *wa-*, префикс будущего времени *-ta*, префикс отрицания *-si*, словообразовательный глагольный префикс *-ku*.

Индоевропейские языки, в том числе и русский, используют и префиксы, и постфиксы. Например: *с-тереть*, *со-гнать*, *пере-лом*; *учи-тель*, *плен-ник*, *пиан-ист*; *средн-ий*, *стен-ой*, *бел-ую*;

По положению относительно друг друга постфиксы делятся на суффиксы и флексии, последние в русской грамматике чаще называют окончаниями. Суффикс (от лат. *suffixus* – подставленный) чаще всего следует сразу за корнем перед флексией. Окончание, или внешняя флексия (от лат. *flexio* – сгибание, переход), как правило, занимает последнее место в морфологической структуре лексической единицы, замыкая словоформу. Но так бывает далеко не всегда. Суффикс может быть и после флексии, например русский суффикс *–ся* в возвратных глаголах и образованных от них причастиях (*надеются*, *надеемся*, *надеющийся*, *надеющаяся* и т.п.) или немецкий уменьшительный суффикс *–chen*, который может стоять после окончания. Например, в слове *Kinderchen* – детки окончание множественного числа *–er* (*Kinder*) стоит перед суффиксом. Следует отметить, что в русской грамматике термин постфикс обычно употребляют в более узком значении: применительно к возвратной морфеме *–ся*, *–сь*, морфемам *–те* (*пойдёмте*), *–то* (*какой-то*), *–либо* (*какой-либо*), *–нибудь* (*кто-нибудь*), *–таки* (*всё-таки*), *–ка* (*взгляни-ка*).

Деление постфиксов на суффиксы и флексии связано не только с их местом в структуре слова, но и с функцией. Поэтому суффиксы и флексии различают также по типу выражаемого ими значения. Обычно суффиксы выражают словообразовательное (деривационное), а флексии – грамматическое (реляционное) значение. Однако между данными аффиксами не всегда можно провести чёткую границу. Существуют формообразующие суффиксы, например глагольные суффиксы неопределённой формы (*–ть*, *–ти*) и прошедшего времени (*–л*), суффиксы сравнительной степени (*–ее*) и др. С другой стороны, окончания в некоторых словах русского языка, кроме словоизменительной, могут выполнять и словообразовательную функцию, например, *супруг* – *супруга*, *кум* – *кума*, *лис* – *лиса*, где флексия *–а* наряду с выражением грамматического значения женского рода и именительного падежа, обозначает и особь женского пола, то есть выражает словообразовательное значение.

Префиксы в русском языке, как и в других славянских и индоевропейских языках, выражают прежде всего словообразовательное значение. Особенно широка сфера их применения при внутриглагольном словообразовании, например: *ходить*, *входить*, *исходить*, *походить*, *уходить* и т.д. Вместе с тем префиксы используются и как показатели грамматического значения, то есть

как формообразующие аффиксы. Однако в индоевропейских языках префиксация при формообразовании встречается очень редко. Например, в современном болгарском языке при помощи префиксов по- и най- образуются формы сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий: по-хубав – более красивый, най-бяла – самая белая, по-хубаво – лучше, най-хубаво – лучше всего.

Кроме префиксов, суффиксов и флексий, выделяют и другие аффиксы. К ним относят конфиксы, интерфиксы, инфиксы и трансфиксы.

Конфикс (от лат. *confixum* – совместно взятое) – аффикс, состоящий из двух частей, охватывающих корень с двух сторон, т.е. это префикс и суффикс, употребляемые вместе и вносящие в слово одно значение. Например, в немецком языке для образования форм причастия используется конфикс *ge- ... -t*: *kaufen* (купить) – *ge-kauf-t* (купленный); *machen* (делать) – *ge-mach-t* (сделанный); в русском: раз-ъехать-ся, под-окон-ник, под-снеж-ник.

Интерфиксы (от лат. *inter* – между) – это аффиксы, используемые для связи морфем в слове, стоящие между двумя корнями или между корнем и суффиксом, не имеющие собственного значения и выполняющие соединительную, то есть формально-структурную функцию. В русском языке это соединительные гласные *о, е* (лесовод, пулемёт, стихосложение, бурелом), согласный *[j]* (шоссе – шоссейный), сочетание гласного и согласного (читинский, ялтинский) и др. В немецком языке в качестве соединительных используются *s, e*, например: *Zeitungsartikel* – газетная статья, *Geburtstag* – день рождения; *Tagebuch* – дневник.

В некоторых языках имеется инфикс (от лат. *infixum* – прикреплённое внутри) – аффикс, стоящий внутри корня. Например, в латинском языке формы настоящего времени *vinco* – побеждаю и *findo* – колю образованы инфиксом *-n* (ср. формы прошедшего времени *vici* – победил и *fidi* – колол). Инфиксы характерны для латинского, греческого языка, а также для некоторых языков Азии и Малайского архипелага.

В семитских языках используются трансфиксы. Трансфикс (лат. *trans* – через, сквозь) – это аффикс, разрывающий корень и сам при этом разрывающийся, он состоит из гласных, служащих прослойкой между согласными корня. Например, в арабском языке состоящий из трёх согласных корень *kbr* выражает идею большого, а различные гласные трансфиксы, занимая место между согласными корня, образуют слова: *kabir* – большой, *kibar* – большие, *‘akbar* – самый большой, *kabura* – быть большим и т.д.

Во многих языках существуют нулевые аффиксы, о чём уже говорилось. Нулевым называется аффикс, который выражает грамматическое значение своим отсутствием. Например, в ряду словоформ *дом, дома, дому, домом* словоформа *дом* обнаруживает нулевую флексию. Нулевая флексия в русском языке встречается при образовании ряда форм. Она может выражать значение грамматического рода: *дом* (ср. *вода, село*), *ходил* (ср. *ходила, ходило*), *добр* (ср. *добра, добро*); значение числа: *дом* (ср. *дома*), *кость* (ср.

кости), ходил (ср. ходили), добр (ср. добры); значение падежа: дом (ср. дому, домом).

Различие корневых и аффиксальных морфем не является абсолютным. В некоторых случаях корневые морфемы могут подвергаться формализации, сближаясь с аффиксами.

Основа слова

Сложное по своему морфемному составу слово представляет собой не простую сумму слагаемых. Входящие в его состав морфемы группируются в определённом иерархическом порядке и определённым образом взаимодействуют друг с другом. Учитывая эту иерархию, в слове выделяют основу и окончание. Основа – это совокупность корня и словообразовательных суффиксов. Как уже указывалось, основа выражает лексическое значение слова, а окончание – синтаксические свойства лексемы в связной речи. Чтобы выделить основу, нужно отбросить от словоформы окончание или формообразующий суффикс. Например: бег-ут, бега-ть. При отсутствии окончания основа совпадает со словоформой: вдруг, бац, дважды и т.д.

Основа, состоящая только из одного корня, то есть не имеющая аффиксов, называется непроеизводной (нечленимой), например: бег, вод-а, добр-ый, знать. Основа, состоящая из корня и аффиксов, называется производной, например: бега-ть, безводн-ый, задобри-ть, знай-ут (знают). Основа слова, содержащая один корневой морф (с аффиксами или без), называется простой. Основа, имеющая в своём составе два и более корней, называется сложной, например: лесоруб, вездеход, мясехладокомбинат и т.д.

Любая производная основа предполагает существование непроеизводной, от которой она образована и с которой состоит в семантико-грамматических отношениях. Например, производная основа домик, состоящая из корня и суффикса, образована от непроеизводной основы дом, состоящей только из корня. Производная основа речн-ой образована от непроеизводной рек-а. Значение непроеизводной основы как бы заложено в ней самой, является немотивированным. Значение производной основы складывается из значений составляющих её морфем и является мотивированным, потому что его можно объяснить с помощью исходной непроеизводной основы. Так, домик – это маленький дом, речной – имеющий отношение к реке. Следует отметить, что производная основа теряет способность члениться на морфемы и становится непроеизводной, если соответствующая ей непроеизводная основа утрачивается в языке или перестаёт с ней соотноситься. Например, основы слов палка, миска в современном русском языке утратили членимость на отдельные морфемы, стали непроеизводными, потому что соотносившиеся с ними в древнерусском языке непроеизводные основы (пала, миса) вышли из употребления.

Для характеристики отношений между взаимосвязанными основами родственных слов используется термин производящая основа. Производящей

называется основа (как непр производная, так и производная), непосредственно от которой при помощи того или иного словообразовательного приёма образовано более сложное по своему морфемному составу слово. Так, в приведённых выше примерах основа дом является производящей для слова домик, основа рек- - производящей для слова речной.

В качестве производящей может выступать не только непр производная, но и производная основа. Сравним слова хворост, хворостина, хворостинка. У первой лексемы основа является непр производной и выступает в качестве производящей для слова хворостина, имеющего уже производную основу, потому что в ней, кроме корня, выделяется суффикс. Полученная производная основа хворостин- в свою очередь становится производящей для другой производной основы хворостинк-. Таким образом, производящей может быть и непр производная, и производная основа.

Образование слов от производящих основ может быть либо регулярным, либо нерегулярным. Регулярным считается такое образование, когда от данного класса производящих основ при помощи определённых словообразовательных элементов образуется не одна, а целый ряд лексических единиц, воспроизводящих одинаковые словообразовательные отношения. Так, в русском языке регулярным может считаться образование от цветowych прилагательных при помощи суффикса -е глаголов со значением становления признака. Например: красный – краснеть, белый – белеть, синий – синеть. Или образование от глаголов существительных со значением действующего лица при помощи суффикса -чик: летать – лётчик, грузить – грузчик, разносить – разносчик.

Образец, или схема, по которой регулярно образуются те или иные ряды слов с различным лексическим значением, но общими деривационными признаками, называется словообразовательным типом. Так, один словообразовательный тип представляют слова водитель, учитель, воспитатель, читатель и т.д., в которых суффикс -тель обозначает лицо по действию. Для словообразовательного типа характерно, во-первых, наличие одинаковых словообразовательных элементов, во-вторых, одинаковое отношение к производящей основе, в-третьих, принадлежность слов к одной части речи.

Наряду с понятиями регулярного и нерегулярного образования слов используется также понятие продуктивных и непр продуктивных словообразовательных типов. Продуктивные словообразовательные типы представляют собой открытый ряд образований, то есть в современном языке продолжается образование слов по данному образцу. Например, в русском языке продуктивен словообразовательный тип отглагольных существительных с суффиксом -ниj(e): чтение, объявление, финансирование и т.д. К непр продуктивным словообразовательным типам относятся такие, по образцу которых в современном языке слова не образуются или образуются очень редко. В современном русском языке к их числу можно отнести образование глагольных отвлечённых существительных с суффиксом -б(а): стрельба, похвальба, просьба, женитьба и др.

Исторические изменения морфемного состава слова

Морфологическая структура слова может с течением времени претерпевать изменения. Известны следующие типы таких исторических изменений.

Опрошение – это изменение морфологического состава слова, при котором происходит сокращение количества морфем, вызванное слиянием аффиксов с корнем. В результате этого процесса сложная морфологическая структура слова утрачивает способность члениться на морфемы и становится простой, то есть происходит превращение производной основы в непроеводную. Например, слово рубаха в современном русском языке членился как рубах-а, а в древнерусском оно было связано с глаголом рубить и членилось следующим образом: руб-ах-а. Слово портной в современном русском языке является непроеводным. Но так было не всегда. В древнерусском языке употреблялось существительное пърът, порът – кусок ткани, во мн.ч. форма пърты, порты имела значение платье, было также и производное прилагательное пъртный, портной – относящийся к платью и использовавшееся, например, в словосочетании портной мастер, то есть мастер, делающий платье. Позже слово пърът вышло из употребления, и тогда производное от него слово портной стало непроеводным.

Основными причинами опрошения являются семантические и фонетические изменения, а также устаревание родственных слов и уход их из употребления. Так, слово увечье было однокоренным со словом век, имевшим в древнерусском языке значение сила, крепость (отсюда увечье – лишение силы). В современном русском языке слово век утратило данное значение и уже не воспринимается как соотносительное со словом увечье. С фонетическими процессами связана утрата связи между лексемами весло и везти. Опрошение основ льгота, лепесток, нужный связано с тем, что в современном русском языке вышли из употребления соотносительные с ними производящие основы: льгота – лъзя (ср. нельзя), лепесток – лепест, нужный – нужа. Иногда причины, вызывающие опрошение, могут перекрещиваться, действуя одновременно.

Переразложение – перемещение границ между морфемами в слове, в результате чего изменяется вид морфемы, ее функция и появляется новая морфема, то есть это перераспределение морфем внутри слова, приводящее к тому, что его основа, по-прежнему оставаясь производной, выделяет в своём составе иные морфемы. Например, в словах рук-ами, рук-ах с точки зрения современного русского языка вычленяется корень рук-, а в древнерусском языке границы между морфемами были иными: рука-ми, рука-хъ. Применительно к русскому языку можно сказать, что переразложение – одна из разновидностей опрошения, которое в данном случае захватывает не корень, а аффиксальные морфемы. Таким путём чаще всего образуются новые суффиксы, например: основы слов горячность, живность с точки зрения современного русского языка выделяют суффикс –ность, а не –ость,

так как прилагательные, от которых образованы эти основы (горячий, живой) перестали употребляться. Гораздо реже посредством переразложения образуются новые приставки, например, в глаголе недосмотреть в современном русском языке выделяют не две приставки не- и до-, а одну – недо-.

Усложнение – противоположное опрощению и переразложению явление, в результате которого слово, имевшее более простой морфемный состав, становится более сложным по структуре, то есть происходит членение одной морфемы на две в результате утраты мотивированности и действия закона аналогии (обычно в заимствованных словах). Так, слово зонтик было заимствовано из голландского языка (zondek – защита от солнца). Сложное по своему составу в языке-источнике это слово было осмыслено в русском языке как суффиксальное, принадлежащее к классу слов с уменьшительно-ласкательным значением (ср. рот-ик, нос-ик), и впоследствии на его базе появилось существительное зонт. Французское по происхождению слово гравюра под влиянием однокоренных лексем гравировать и гравёр стало делиться на корень грав- и суффикс -юр. Таким образом, усложнение основы обычно наблюдается в заимствованных словах и является следствием их морфологического освоения.

Изменения в морфемном составе свойственны, в основном, языкам флективного строя (например, славянским) и в гораздо меньшей степени присущи агглютинативным языкам – тюркским, финно-угорским и др.

Проблема выделения частей речи

Слова, входящие в тот или иной язык, разделяются на основные классы, которые по традиции, идущей из Древней Греции, именуются частями речи. Факт существования таких классов очевиден, но научное определение частей речи оказалось достаточно трудным, поскольку разные признаки слов, совмещаясь и переплетаясь, не всегда позволяли с определённой отнеси данную единицу в тот или иной классификационный разряд.

Как же проходил процесс выделения частей речи в лингвистической науке? Поскольку части речи есть классы слов, а в словах главную роль играет значение, языковеды прежде всего обратили внимание на значение частей речи. Начиная с античности, лингвистическая наука относил слово к той или иной части речи, исходя из его лексического значения, иногда используя как вспомогательные характеристики некоторые самые общие морфологические свойства анализируемых единиц, например: склоняемость, спрягаемость, морфологическую неизменяемость. Так, утверждалось, что имена обозначают предметы, глаголы – действия (или состояния), наречия и служебные слова – отношения.

Но с этих позиций невозможно было объяснить, почему такие слова, как ход, бег, работа, радость, обозначающие действия и состояния, являются существительными, а не глаголами. Не находили объяснения и другие факты,

например, тот, что наречия обозначают не только отношения, но и признаки (хорошо, смело, быстро и т.д.).

К середине XIX века стало очевидным, что части речи имеют более сложную природу и раскрывать её надо иным путём. Было выдвинуто положение, что части речи имеют грамматический, а не вещественный (лексический) характер. Русский учёный Ф.Ф.Фортунатов утверждал, что части речи – это классы слов, различающиеся формальными, то есть морфологическими, свойствами, а не значениями. Однако его теория не получила широкого распространения, поскольку исключает существование частей речи в языках, не имеющих словоизменения. Следовательно, можно сказать, что при определении частей речи нельзя опираться только на формальные критерии, игнорируя семантические и синтаксические признаки.

Ошибочность многих подходов к данной проблеме заключается в стремлении привязать части речи по преимуществу к какому-то одному уровню языка, тогда как их надо рассматривать как лексико-грамматические разряды слов, которые характеризуются: 1) единством обобщённого значения, то есть значения, полученного посредством обобщения лексических значений всех слов данного класса (например, предметность у существительных; 2) общностью грамматических категорий и словоизменения; 3) тождественностью синтаксических функций.

Таким образом, класс слов, составляющих часть речи, – это совокупность лексем, объединённых общим грамматическим значением, общими морфологическими признаками, то есть системами словоизменения и словообразования, а также общими синтаксическими признаками, то есть их функциями в предложении. Данные разных языков показывают, что ведущими признаками являются семантический и синтаксический. Морфологические признаки служат только показателями синтаксических отношений. Морфологические свойства частей речи, обусловленные особенностями грамматического строя языка, бесконечно разнообразны в разных языках. Но во многих языках проявляются общие закономерности в составе частей речи, в их синтаксических функциях и значениях. Это связано с общностью процессов человеческого мышления: отношения между частями речи отражают отношения между понятиями в процессе мыслительной деятельности.

В качестве полярных классов слов, которые имеются во всех языках, выступают имя и глагол. Дети ещё до овладения грамматикой владеют логикой вещей и логикой действий. Значения и функции глагола и существительного служат самому главному феномену в коммуникации – осуществлению механизма предикации, благодаря которому первоначально происходит выделение подлежащего (имени), а затем приписывание ему признака – предиката (сказуемого), дальше эта структура заполняется другими именами.

Традиционно выделяют:

Знаменательные части речи, которые обладают грамматическим значением, связанным с определенными явлениями, предметами, признаками, действиями. Среди них

имена существительные, обладающие значением предметности, собственной системой словоизменения и словообразования, которые сочетаются, как правило, с глаголами и прилагательными и функционируют преимущественно в качестве подлежащего, дополнения и обстоятельства;

имена прилагательные, обладающие значением признака предметности, собственной системой словоизменения и словообразования, они сочетаются преимущественно с существительными и функционируют преимущественно в качестве определения и именной части сказуемого;

глаголы, обладающие значением процессуальности, собственной системой словоизменения и словообразования, сочетаются преимущественно с существительными и наречиями и функционируют преимущественно в качестве сказуемого;

наречия, обладающие значением признака процессуальности, собственной системой словообразования, сочетаются преимущественно с глаголами и функционируют в качестве обстоятельств;

2. Служебные части речи, обладающие грамматическим значением, связанным с выражением отношений между словами;

3. Междометно-модальные части речи, обладающие грамматическим значением, связанным с модальностью, т.е. отношением говорящего к какой-либо передаваемой им информации.

Между выделенными частями речи существуют взаимоотношения переходности. Например, в русском языке некоторые прилагательные (мороженое, мостовая) и причастия (учащиеся) перешли в класс существительных.

Части речи могут изменять свои синтаксические функции. Например: Далече грянуло ура. В данном случае междометие ура выступает в роли подлежащего. Подобные факты свидетельствуют о том, что отнесение слова к той или иной части речи в определённой степени условно.

В свете всего вышесказанного становится понятным, что не всегда представляется возможным и даже необходимым дать однозначное определение частей речи. Универсальным и постоянным является сам факт наличия таких лексико-грамматических разрядов. Что же касается состава частей речи, их признаков, то они исторически подвижны и различны не только в языках разных типов, но и в близкородственных.

Тема 9 СИНТАКСИС КАК РАЗДЕЛ ГРАММАТИКИ

Предмет синтаксиса. Понятие синтаксемы

Синтаксис – это грамматическое учение о строе предложения, о синтаксической сочетаемости и функциях форм слов в речи. Он начинается

там, где происходит соединение словоформ в конструкции. Сам термин «синтаксис» происходит от греческого слова, которое означает «строй», «построение», «порядок» или «устройство». Разделами традиционного синтаксиса являются:

- синтаксис словосочетания, изучающий сочетательные возможности слова;
- синтаксис простого предложения;
- синтаксис сложного предложения.

Основной синтаксической единицей является предложение, состоящее из двух или более компонентов, которые объединяются синтаксической связью, выражающей определенные структурно-семантические отношения.

Синтаксисты иногда выделяют такие единицы, как словосочетание и «синтаксема». Синтаксема – это синтаксическая форма слова, участвующая в выражении того или иного синтаксического значения. Так, в предложении *Он опоздал на работу из-за транспорта* компонент «из-за транспорта» выражает синтаксическое значение причины и может быть развернут в целое предложение: *Он опоздал, потому что не было транспорта.*

Словоформа «берегом», которая содержит три граммы (тв. пад., ед.ч. и м.род), может передавать синтаксические отношения места и объекта. Например: *идти берегом* – место (по берегу) и *любоваться берегом* – объект.

Тот факт, что из всех существующих единиц синтаксической подсистемы языка главной, центральной считается простое предложение, обусловлен следующими факторами: 1) простое предложение в отличие, например, от сложного существует во всех языках мира; 2) оно представляет собой элементарную единицу, предназначенную для общения, которая, с одной стороны, участвует в построении сложного предложения и текста, с другой – сама членится на более мелкие синтаксические единицы (словосочетания и синтаксемы). Поэтому именно предложение можно считать точкой отсчёта для исследования любой единицы синтаксиса: словосочетания, сложного предложения и текста.

Механизмы синтаксиса

Одной из задач лингвистической науки является выявление правил комбинирования языковых единиц при формировании высказывания. Учение о синтаксических связях слов – один из разделов синтаксиса. Связи слов определяются их валентностью, которая рассматривается в качестве основного механизма синтаксиса.

Валентность (от лат. *valentia* – сила) – это способность слова сочетаться с другими словами. Каждая лексическая единица по своему значению предполагает или «открывает» пустые места для своих «партнеров». Валентность, таким образом, есть свойство слова или формы слова предполагать рядом с собой в определенной ситуации определенного «партнера». Связь слов в словосочетании и предложении – это реализованная

потенциальная валентность, которой обладают лексические единицы в системе языка.

Валентность определяется с опорой на лексическое толкование слова. Так, семантика глагола «посвящать» обуславливает наличие трёх валентностей; употребляя его в речи, говорящий обязательно заполнит три места для его «партнеров»: кто? что? кому? – *Поэт посвящает стихи женщинам.*

Различают *обязательную* и *факультативную* (необязательную) валентность. Например, глагол «рубить» трехвалентен. При сочетании его с существительным в именительном падеже (человек рубит) реализуется одна из обязательных валентностей (кто) и соответственно устанавливается одна связь; в случае его употребления с другой синтаксемой – существительным в винительном падеже (рубит дерево) – реализуется вторая обязательная валентность и устанавливается вторая связь. А при сочетании с синтаксемой «существительное в творительном падеже» (рубит топором) реализуется третья (факультативная) валентность и устанавливается третья связь, то есть предложение «Человек рубит дерево топором» семантически завершено.

В предложении «Он взял книгу у соседа» глагол «взять» реализует обязательную валентность, связанную с его переходностью, (что? - *книгу*) и факультативную валентность – *у соседа*.

Количество валентностей у лексических единиц может быть различным. Есть слова *авалентные* (смеркается, морозит), *одновалентные* (спать, летать) и *много-*, то есть двух-, трех-, четырех-, пятивалентные.

Слова, которые заполняют валентности, называются в современном синтаксисе *актантами* (действующими лицами или предметами). Актанты соответствуют подлежащему и дополнению в традиционном синтаксисе. Зависимые слова, не заполняющие никакой валентности, получили название «*сирконстантов*», и в традиционном синтаксисе они соответствуют обстоятельству. Так, в предложении «Анна позвонила мне только вечером» актантами являются слова *Анна* и *мне*, сирконстантом – *вечером*.

Валентностью обладают и формы слов. Например, инфинитив *читать* имеет одну валентность: читать *что* (книгу). А форма прошедшего времени *читал* получает дополнительную валентность, ограничивающую время действия (когда), именно поэтому нельзя сказать «читал завтра».

К механизмам синтаксиса относится также закон семантического согласования. Сравним предложения.

(1) Он приехал к нам летом.

(2) Он приехал к нам за лето...

Ясно, что предложение (2) семантически не завершено. Синтаксема *за лето* должна быть согласована с единицами, указывающими на количество приездов: *Он приехал к нам за лето всего один раз*.

Или (1) Этим летом он работал всего один месяц.

(2) С каждым днем он работал...

Предложение (2) семантически не завершено. Синтаксема *с каждым днем* по своей семантике должна быть согласована с указанием на постепенность

становления признака: *С каждым днем он работал все лучше и лучше (всебольше и больше).*

Таким образом, способность лексических единиц объединяться в словосочетания и предложения обусловлена действием таких синтаксических механизмов, как валентность и семантическое согласование.

Синтаксис словосочетания

Теория словосочетания разработана главным образом в русском языкознании. Зарубежная лингвистика использует близкий, но имеющий более широкое значение термин *синтагма*. Словосочетание представляет собой смысловое и грамматическое единство не менее чем двух знаменательных слов. В зависимости от способа связи входящих в него компонентов выделяют сочинительные, подчинительные и предикативные словосочетания. При широком понимании к словосочетаниям относят все названные выше типы, при узком – только подчинительные.

К *сочинительным* словосочетаниям относятся те, которые связаны сочинительными союзами и перечислительной интонацией. Например: *вчера, сегодня, завтра; мать и дочь; не то дождь, не то снег; вооружен, но не опасен; институты или университеты*. При сочинительной связи компоненты словосочетания являются *равноправными*, независимыми друг от друга. Сочинительные словосочетания с точки зрения возможности их распространения являются незамкнутыми, открытыми. Количество входящих в них компонентов не ограничено. Например: *«О доблестях, о подвигах, о славе я забывал...»* (А.Блок).

В *подчинительных* словосочетаниях в связь вступают синтаксически *неравноправные* элементы. В отличие от сочинительных такие словосочетания являются замкнутыми, закрытыми. Количество входящих в них компонентов ограничено: основным структурным типом является двучленное словосочетание. В подчинительных словосочетаниях одно из знаменательных слов является главным, стержневым и определяет структуру словосочетания, а второе знаменательное слово выступает как компонент, зависимый от первого. Например: (1) читать книгу; (2) езда верхом; (3) полный злости; (4) светло от солнца.

Эти словосочетания характеризуются односторонней связью и являются подчинительными. В них четко выделяются главные и зависимые компоненты: в (1) главное слово – *читать*, во (2) главное слово – *езда*, в (3) главное слово – *полный*, в (4) главное слово – *светло*. Соответственно зависимыми будут: *книгу, верхом, злости и от солнца*.

Выделяют три типа подчинительной связи: согласование, управление и примыкание.

Согласование – это способ оформления подчинительной связи, при котором зависимое слово повторяет грамматические формы главного: *синее небо, синяя лента, синий флаг*. При согласовании изменение формы главного слова приводит к соответствующему изменению формы зависимого,

например: *бушующее море – бушующим морем, мой карандаш – моему карандашу, тёмный лес – тёмного леса*. Формы и типы согласования в разных языках различны. Этот вид связи характерен для языков с развитой системой словоизменения (например, для флективных языков). В современных индоевропейских языках наиболее полно представлено согласование существительного с прилагательным. Но в языках банту согласование охватывает всё предложение. Вот пример из языка суахили: *ra-hali ha-ra ra-dogo ra-zuri ra-ni-pendeza* – *это маленькое красивое место мне нравится*. Здесь показатель именного класса *ra-* прибавляется ко всем самостоятельным словам в предложении, и этим создаётся согласование.

Управление – это способ оформления подчинительной связи, при котором главный компонент требует постановки зависимого компонента в определенной грамматической форме, при этом изменение формы главного слова не вызывает изменения формы зависимого: *резать хлеб, слыть чудачком, подарок отцу*. В индоевропейских языках управление проявляется чаще всего в присоединении к стержневому компоненту существительного в косвенном падеже с предлогом или без предлога.

Примыкание – такой вид подчинительной связи, при котором зависимый компонент присоединяется к главному без изменения своей грамматической формы. Это смысловая связь компонентов, которая не имеет формального выражения: *вышивать красиво, ехать верхом, кофе по-турецки, ехать молча*. Примыкание наиболее характерно для сочетаний, где в качестве зависимого компонента выступает неизменяемое слово, поэтому такой вид связи широко распространён в аналитических языках, а из индоевропейских – в английском языке. Это, например, примыкание прилагательного-определения к существительному: *asweetsmell – сладкий запах, redroses – красные розы*. Термин «примыкание» употребляется прежде всего в русской грамматике, в то время как в ряде других грамматик, например английской и французской, он не используется.

Предикативные словосочетания – это особый вид сочетаний, которые состоят из главных членов двусоставного предложения (подлежащего и сказуемого), а связь между ними чаще всего называют координацией.

Все словосочетания служат строительным материалом для предложения и могут быть вычленены из него при синтаксическом анализе.

Существуют разнообразные классификации словосочетаний по различным признакам: морфологической принадлежности главного компонента, количеству компонентов, по выражаемому ими грамматическому значению и некоторым другим основаниям.

В правилах образования разных типов словосочетаний проявляется структурно-синтаксическое своеобразие языка, его национальная специфика.

Предложение и суждение

Как уже указывалось, синтаксема и словосочетание, оставаясь предметом синтаксиса, все-таки не являются основными его элементами. В процессе

общения люди используют для выражения своих мыслей и чувств не отдельные, разрозненные слова, а грамматически оформленные предложения. Ни один человеческий язык не обходится без простого предложения, которое является основной единицей коммуникации. Поэтому учение о предложении составляет ядро синтаксиса любого языка. Связь языка и мышления определяет связь между предложением как единицей языка и суждением как важнейшей формой человеческого мышления. Воспринимая предметы и явления окружающего мира, человек устанавливает между ними мысленные связи, оформляя их в виде суждений.

Суждение – это мыслительная единица, сочетающая в себе мысль о каком-нибудь предмете или явлении и мысль о его свойстве, признаке, действии. В суждении всегда что-то утверждается (*Волга впадает в Каспийское море*) или отрицается (*Дон не впадает в Каспийское море*). Структура типичного суждения состоит из субъекта, предиката и связки, которая не считается членом суждения. *Субъект* – это часть суждения, указывающая на то, о чём идёт речь, а предикатом является часть суждения, утверждающая нечто о субъекте (его признаках).

Являясь формой выражения и существования суждения, предложение, однако, не тождественно ему. Оно имеет свою специфику. Так, не всякое предложение может выражать суждение. В вопросительных и побудительных предложениях ничего не утверждается и не отрицается. В отличие от суждения предложение может выражать не только мысль, но и эмоции, и волевые побуждения. Кроме того, одно и то же суждение может быть выражено разными предложениями: *Весна в этом году ранняя. Весна в этом году наступила рано. Какая ранняя в этом году весна! Разве не рано наступила в этом году весна?* Предложение, таким образом, является не столько выражением суждения, сколько выражением его интерпретации говорящим. Структура суждения универсальна, а структура предложения обусловлена спецификой грамматического строя конкретного языка или группы языков.

Акт установления связи между мыслью о некотором факте действительности и мыслью о признаке, свойстве, оценке этого факта получил название «предикация». Отношение, которое устанавливается в предложении между словоформами, обозначающими субъект и предикат мысли, называется предикативным отношением, или *предикативностью*. Понятие *предикация* было введено в науку о языке еще в античности. Признак, приписываемый субъекту речи, называется предикативным, или предикатом (от позднелатинского *praedicatum* – «высказываемое», «сказанное»). Во многих языках этот термин был использован для обозначения члена предложения, для которого в русском языкознании принят термин «сказуемое».

Сочетание подлежащего и сказуемого представляет собой предикативный минимум предложения, его грамматическую основу, ядро. *Сребрит мороз увянувшее поле* (Пушкин). Бывают случаи, когда предикативной минимум представлен в тексте одним главным членом. *Ночь. Светает. Холодно.*

Объединение нескольких предикативных минимумов в структуре сложного предложения делает его полипредикативным, тогда как с одним ядром-минимумом оно монопредикативно. *Она пела, а я наслаждался ее пением* – полипредикативная структура; *Она пела* – монопредикативная.

Признаки предложения и аспекты его изучения

Как уже указывалось, предложение играет главную роль в процессе речевого общения и мышления. Что же такое предложение и чем оно отличается от других единиц синтаксиса?

Одним из основных признаков предложения считают его *коммуникативный* характер, то есть способность служить главным средством сообщения и выражения мысли. Отдельные слова и словосочетания не используются как коммуникативные единицы сами по себе, вне предложения, выполняя в языке лишь номинативную функцию. Коммуникативность определяется свойством предложения отражать некоторую внеязыковую ситуацию и иметь установку на утверждение или отрицание сообщаемого факта, на получение информации или побуждение к действию. Считается, что внешним выражением коммуникативности служит прежде всего *интонация*. В отличие от словосочетания предложение представляет собой интонационно завершённую единицу.

Синтаксической категорией, формирующей предложение, является *предикативность*. Предикативность относит содержание предложения к действительности и тем самым делает его единицей, предназначенной для сообщения. Ни одна другая единица синтаксиса не обладает предикативностью. Поэтому только предикативные словосочетания представляют собой ядро предложения. Ср.: (1) летящая птица; (2) полет птицы; (3) птица летит. И (1), и (2) словосочетания не передают сообщения, они только называют предмет. Словосочетание (3) обладает предикативностью и является предложением, передающим информацию о птице, приписывая ей глагольный признак и соотнося с действительной или вымышленной ситуацией, имеющей или имевшей место в определённый момент времени в определённой точке пространства. Словосочетания (1) и (2) тоже можно преобразовать в предложения, осуществив процесс предикации, то есть установив их отношения с действительностью. Например: *Смотри, вон летящая птица. Вот это полет птицы*. Следовательно, предикативность – это отношение содержания высказывания к действительности, устанавливаемое в момент речи. Именно предикативность создает единицу, способную участвовать в коммуникации, выражать сообщение. Таким образом, предикативность – это актуализация сообщаемого, это установление его связи с действительностью и ее интерпретация. Академик В.В. Виноградов установил, что предикативность проявляется и раскрывается в грамматических категориях модальности, времени и лица.

Категория времени в синтаксисе трактуется как соотнесённость содержания высказывания с моментом речи и выражается личными формами глагола (Птица – *летит, летела, полетит*), связкой (Успех – *есть, был, будет*) и отчасти формами наклонения (например, формы повелительного наклонения отчасти связаны с формами будущего времени). Данная категория выражает информацию о том, *когда* происходит ситуация, отражаемая в высказывании: в момент речи (настоящее время), раньше момента речи (прошедшее время) или позже (будущее время).

Категория лица передаёт информацию о том, *с кем* происходит событие, представленное в предложении: с самим говорящим (1-е лицо), с его собеседником (2-е лицо) или с кем-то не участвующим в речевом акте (3-е лицо). Например: *Я слушаю музыку. Ты слушаешь музыку. Он слушает музыку.* Эта категория обычно реализуется в формах местоимений и глагола, но иногда она отсутствует (например: *Смеркалось*), потому что является лишь потенциальным структурным элементом предложения.

В предложении выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней говорящего, то есть признаком предложения является также *модальность*. Модальность рассматривают как категорию, выражающую отношение говорящего к содержанию высказывания. Говорящий может что-то утверждать или отрицать, желать или требовать, предполагать, побуждать и т.д. Различают объективную и субъективную модальность.

Объективная модальность выражается главным образом в глагольных формах наклонения. В русском языке в формах изъявительного наклонения закреплено модальное значение реальности, выражающее соответствие высказывания действительности. Так, сообщение «Птица летит» интерпретируется как реально осуществляющееся в настоящем времени. Это реальная модальность, и она утвердительна. В предложении «Птица не полетит» выражается отрицательная модальность. В формах повелительного и сослагательного наклонения выражается модальное значение ирреальности, то есть несоответствие содержания высказывания действительности. *Эх, полетела бы птица!* – ирреальная модальность, желательное наклонение. *Птица, лети!* – побудительное наклонение. Отражаемая ситуация в таких высказываниях предстаёт как возможная, желаемая или требуемая.

Кроме указанных видов объективной модальности, в предложении может быть представлена *субъективная* модальность, выражающая оценку говорящим содержания высказывания с точки зрения его достоверности или недостоверности. Например: *Вероятно, птица полетит. Птица, конечно, полетит.*

Таким образом, сущность модальности как синтаксической категории заключается в отношении говорящего к своему сообщению, в утверждении или отрицании сообщаемых фактов и событий действительности, в указании на их необходимость, желательность, достоверность. Помимо форм наклонения (действительное, условное, побудительное), модальность

выражается модальными словами и частицами, а также при помощи интонации.

Интонационная законченность мысли, которая выражается в устной речи интонацией, а на письме знаками препинания, также является признаком предложения.

Итак, предложение как ядерная единица синтаксиса характеризуется такими основными признаками, как модальность, время, лицо, вытекающими из главного признака – предикативности, а также интонационной завершенностью. Наличие этих признаков способно преобразовать слово из словарной единицы в предложение. Например: *Пожар!* Чтобы это слово стало предложением, необходимо связать его с реальной действительностью, в которой происходит, или происходил, или будет происходить (например, при выражении предупреждения) пожар, и произнести с соответствующей интонацией.

Предложение – многоаспектная единица языка. При его анализе, помимо логического, необходимо учитывать структурный, семантический и коммуникативный аспекты.

Структурный аспект изучения предложения

Одним из направлений синтаксической науки является изучение предложения с точки зрения его формальной организации, то есть в структурном аспекте. Важной задачей конструктивного синтаксиса стало выявление типичных моделей построения предложения. Модель, или схема, – это образец построения предложения, его структура. При анализе структуры предложения и определении его модели мы отвлекаемся от конкретного лексического наполнения, интонации, порядка слов и даже от контекста, в котором оно употреблено. При таком подходе анализ осуществляется только на уровне членов предложения и отношений между ними в грамматической структуре. Члены предложения, которые определяют структуру и формируют грамматическую основу (предикативный минимум) предложения, являются главными. Зависимые от них члены называются второстепенными.

На основе обобщения способов выражения главных членов выявляются структурные схемы предложения. Структурную схему простого предложения образуют два его члена, которые обозначают субъект и предикат мысли, то есть выражают предикативное отношение. Чаще всего структурная схема состоит из словоформ, обозначающих главные члены предложения. Например: *Налетел ураган*. В данном предложении субъект мысли выражен существительным в именительном падеже, а предикат – спрягаемой формой глагола. Однако в некоторых случаях субъект мысли может быть выражен не подлежащим, а дополнением: *Ураганом сорвало крышу*. В данном примере субъект мысли выражен существительным в творительном падеже, а предикат – спрягаемой формой глагола.

При записи структурной схемы предложения используются следующие символы: N_1 – именительный падеж существительного (цифры при символе N означают конкретную падежную форму); V_f – спрягаемая форма глагола; Inf – инфинитив; Adj – прилагательное; Adv – наречие; $Proп$ – местоимение; Neg – отрицание (негация).

Например: Мальчик читает - $N_1 + V_f$

Жизнь прожить – не поле перейти – $N_4 Inf + NegN_4 Inf$

Ночь тиха – $N_1 + Adj$;

Москва – столица России – $N_1 + N_1$

Если к структурной схеме добавить словоформы, выражающие остальные члены данного предложения, то получим *позиционную схему*. Под позиционной схемой понимают последовательность *всех* словоформ предложения, то есть она включает не только главные, но и второстепенные члены. Структурная схема входит в позиционную как её составная часть.

При всем разнообразии лексического наполнения предложения, способов оформления подлежащего и сказуемого, различии временных и модальных характеристик сказуемых разные предложения могут иметь одну и ту же структурную схему. Например: *Светило солнце. Сдал бы Саша экзамен. С этим докладом выступит известный ученый.* Все эти предложения построены по одной структурной схеме - $N_1 + V_f$ (субъект мысли выражен существительным в именительном падеже, а предикат - спрягаемым глаголом), но имеют различия в позиционных схемах.

По структурному признаку в различных языках выделяются предложения *простые*, имеющие только одно предикативное ядро, то есть отражающие одну ситуацию, и *сложные*, которые имеют несколько предикативных ядер (центров), а значит, включают в себя несколько простых предложений.

Простые предложения могут быть *распространенными* и *нераспространенными*. Распространённые включают в свой состав не только предикативное ядро, но и другие компоненты позиционной структуры. Например: *Отговорила роща золотая березовым, веселым языком* (С. Есенин). Нераспространённые включают только предикативное ядро, выраженное структурной схемой. Например: *Дождь прошел.*

В зависимости от того, какие *средства связи* используются при объединении простых предложений в составе сложного, различают *союзные* (где основными средствами связи являются союзы, союзные слова и интонация), *бессоюзные* (где таким средством служит прежде всего интонация) и *комбинированные* предложения. Среди союзных предложений выделяют *сложносочиненные*, в которых простые предложения соединены сочинительной связью и формально независимы друг от друга, например: *Вот дождь пошел, и гром готов уж грянуть* (Н. Некрасов); и *сложноподчиненные*, состоящие из формально зависимых и тесно связанных компонентов – главной и придаточной части, соединённых подчинительными союзами и союзными словами. Например: *И сердце вновь горит и любит оттого, что не любить оно не может* (А. Пушкин).

Однако следует иметь в виду, что полностью отвлечься от учета значения лексического наполнения при анализе структуры предложения нельзя. Изучением содержания синтаксических единиц занимается семантический синтаксис.

Семантический аспект изучения предложения

В семантическом аспекте предложение рассматривается как обозначение и интерпретация определенной ситуации. У предложения, как и у слова, есть свой денотат. Оно, как и слово, выполняет номинативную функцию, называя определенное «положение дел» в мире и оценивая его. Как уже указывалось при описании модальности, в предложении информация об объективной действительности сочетается с субъективной информацией, то есть информацией, связанной с позицией говорящего и моментом общения. Поэтому в семантическом синтаксисе различают собственно объективные и субъективные моменты смысла. Первые обозначаются термином «диктум», вторые – термином «модус».

Так, в предложении *«Кажется, кто-то пришел»* вводное модальное слово *кажется* выражает сомнение говорящего в достоверности сообщаемого. Это модус высказывания, тогда как остальная часть представляет собой диктум.

Между формальными и семантическими характеристиками предложения нет однозначного соответствия. Например, на уровне синтаксической структуры, то есть с формальной точки зрения, предложения могут быть одинаковыми: (1) *Он делал это из дерева.* (2) *Он делал это из жалости.* Однако их семантические структуры, то есть ситуации, которые они отражают, различаются: в (1) – *из дерева* – объект, во (2) – *из жалости* – причина.

И, наоборот, бывают случаи, когда одна синтаксическая структура содержит две (или более) семантические структуры, передающие две ситуации, два положения дел, два события, то есть два денотата. Например: *Приезд отца обрадовал мальчика.* Данное предложение называет два события, или две ситуации, два положения дел: (1) факт приезда отца, (2) радость, которую испытывал субъект. Грамматическая структура представленной синтаксической единицы является простой, а семантическая – сложной, так как данное предложение полисобытийно.

Предложение, передающее одно событие, называется предложением с элементарной, монособытийной семантической структурой. Так, синтаксические единицы *«Отец приехал»*, *«Мальчик обрадовался»* имеют элементарную семантическую структуру.

Типовое событие, названное предложением и содержащееся в его семантической структуре, называется *пропозицией*. Например, пропозиция «действие (субъект) и его действие» может быть выражена такими предложениями: *Отец приехал. Поезд опоздал. Он пилит. Девочка играет.*

Пропозиция состоит из мысленных образов внешнего мира обобщённых до уровня понятийных классов: деятель, действие, время, место, причина, способ действия и т.д.

Очевидно, однако, что анализ предложения не может ограничиться выявлением грамматической и семантической структуры, так как оно не существует в качестве модели, оторванной от контекста, от ситуации общения. Для описания предложения как коммуникативной единицы данного членения явно недостаточно, поскольку в конкретной коммуникативной ситуации смысловая нагрузка может распределяться между его компонентами по-разному, в соответствии с целями общения.

Коммуникативный аспект изучения предложения

В коммуникативном синтаксисе предложение изучается с точки зрения его функционирования и называется высказыванием. Именно высказывание передает актуальную для говорящих информацию. Членение высказывания в соответствии с целью коммуникации получило название *актуального членения*. Как оно осуществляется? Сопоставим следующие русские предложения: (1) *Завтра я отправлю маме письмо.* (2) *Письмо маме я отправлю завтра.* (3) *Завтра я отправлю письмо маме.* (4) *Завтра письмо маме отправлю я.* (5) *Завтра письмо я маме отправлю.* Во всех пяти примерах говорится об одном и том же факте действительности, то есть все пять предложений передают *одну и ту же* вещественную информацию, поскольку его грамматическая структура и её лексическое наполнение остаются без изменений. Во всех вариантах *отправлю* является сказуемым, *я* – подлежащим, *письмо* – прямым дополнением, *маме* – косвенным дополнением, *завтра* – обстоятельством времени. Однако любой носитель русского языка отчётливо ощущает, что каждое из этих пяти предложений отличается по смыслу от четырёх других. Почему так происходит?

Дело в том, что в каждом из этих предложений подчёркиваются, выходят на первый план, то есть *актуализируются*, разные аспекты одной и той же внеязыковой ситуации. Предложения различаются по тому, какую часть содержащейся в них информации говорящий, исходя из своей целевой установки, считает в данной ситуации наиболее важной, первостепенной, то есть *актуальной*. В варианте (1) целью говорящего является сообщение о факте в целом, без подчёркивания отдельных моментов, однако, если он интонационно выделит последнее слово, то тем самым подчеркнёт, что отправит именно письмо (а не бандероль или посылку), в варианте (2) – что письмо будет отправлено завтра (а не в другой день), в варианте (3) – маме (а не сестре или брату), в (4) – что отправит именно говорящий (а не кто-то другой), в (5) – подчёркивается, что действие действительно состоится (например, в случае, если собеседник высказал сомнение).

С точки зрения актуального членения высказывание делится на две взаимно соотнесённые части. Выделенная, актуализированная часть

называется *ремой* (от др.-греч. *rhema* – высказываемое, сказанное), остальная часть – *темой*. Тема – это то, что служит отправной точкой, своего рода «трамплином» для развёртывания актуальной информации и что обычно в какой-то мере известно адресату сообщения или самоочевидно для него. Рема – это то, что сообщается о теме, что составляет «ядро» и основное содержание высказывания.

Другими словами, тема содержит исходную информацию, которая в данной речевой ситуации является известной, а рема – информацию, которая в данной речевой ситуации является новой, а значит, наиболее важной, существенной, актуальной. Ради этой актуальной информации и делается сообщение, осуществляется его коммуникативное назначение. Рема – это ответ на действительный или подразумеваемый вопрос о теме высказывания. Актуальное членение предложения осуществляется при помощи порядка слов, разбиения на синтагмы, ударения, интонации, усилительно-выделительных частиц и др.

Идея актуального членения предложения принадлежит чешскому ученому В. Матезиусу, который выявил средства выражения такого членения, связав его с порядком слов и интонацией. При нейтральном порядке слов рема обычно следует за темой, например: *Днепр чуден при тихой погоде*. Если же рема предшествует теме, возникает инверсия, эмотивный порядок слов: *Чуден Днепр при тихой погоде*. Или: *Весна наступила. Наступила весна!*

В предложении «*Пожар!*» представлена рема, она называет то, что имеет место в действительности и наблюдается говорящим. В диалоге актуальное членение высказывания часто осуществляется при помощи интонации: *Кто прочитал мою книгу?* *Аня прочитала мою книгу.* *Чью книгу прочитала Аня?* *Аня прочитала мою книгу.* *Что прочитала Аня?* *Аня прочитала мою книгу.*

Актуальному членению подвергаются все виды и типы предложений, в составе которых больше одного слова. Чем больше слов в предложении, чем сложнее его синтаксическая структура, тем больше возможностей различной актуализации в нём заложено.

Применительно к коммуникативному аспекту изучения предложения следует также отметить, что в зависимости от целей коммуникации принято выделять повествовательные, побудительные и вопросительные высказывания.

Повествовательные высказывания содержат какое-либо сообщение с целью передать информацию. Например: *Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина* (М. Булгаков).

Побудительные высказывания содержат побуждение, какую-либо директиву с целью призвать слушающего к выполнению того или иного действия. Например: *Помоги мне. Уходи!*

Вопросительные высказывания содержат вопрос, на который ожидается ответ. Цель таких собственно вопросительных высказываний состоит в запросе какой-либо информации. Например: *Куда вы идете?*

Однако вопрос может быть риторическим, не предполагающим никакого ответа. Цель риторических вопросов состоит в эмоциональном воздействии на слушающего. Например: *Сколько можно терпеть?*

Вопросительное высказывание может содержать побуждение в форме вопроса. Цель таких вопросительно-побудительных высказываний состоит в побуждении слушающего к какому-либо действию не прямо, а косвенно. Например: *Не сходишь ли ты в магазин?*

Таковы особенности коммуникативного подхода к изучению предложения. Следует отметить, что особенно наглядно свойства предложения как коммуникативной единицы проявляются в тексте.

Текст как объект лингвистики

Текст стал объектом активного внимания и изучения сравнительно недавно – в последние два-три десятилетия. Безусловно, понятие текста существовало и раньше, но воспринималось лингвистами иначе – как материал для наблюдений над формой и употреблением различных языковых единиц. Теперь же к тексту подходят как к самостоятельному целостному объекту изучения, и задачей исследования становится выявление общих закономерностей его построения. Область языкознания, исследующая содержательную и структурную стороны текста, получила название лингвистики текста. В современной науке текст рассматривается как коммуникативная единица высшего ранга, большая, чем одно предложение, то есть текст представляет собой группу предложений, объединённых общим смыслом и структурой. Текст несёт в себе информацию и служит для достижения коммуникативной цели (сообщить, убедить, попросить, напугать и т.д.). Поскольку текст представляет собой сложное образование, в современной лингвистике сформировалось три основных направления, три аспекта его изучения: *синтаксис* текста, *семантика* текста и *прагматика* текста.

Синтаксис текста изучает структурные средства языка, создающие целостность текста, то есть формальные проявления связности. Основу связности составляет коммуникативная преемственность предложений, состоящая в том, что каждое последующее предложение строится на базе предыдущего, вбирая в себя ту или иную его часть. Большую роль в создании связности текста играет актуальное членение предложения на тему и рему. В теме повторяется часть информации из предыдущего предложения, и этот повтор играет роль связующего звена. В реме содержится новая информация, которая развивает, обогащает смысл высказывания, движет мысль вперёд. Это проявляется в порядке слов. В тексте образуются тема-рематические цепочки, которые могут быть представлены двумя основными моделями.

Наиболее распространённой является модель, в которой используется *последовательный*, или цепной, способ связи предложений. В этом случае рема первого предложения становится темой второго предложения, рема второго – темой третьего и так далее. Например: *Вокруг города раскинулись*

леса. В лесах росли могучие сосны. Они все время тихонько шумели. Схематически это можно представить следующим образом: (Т1) – (Р1). > (Т2 = Р1) – (Р2). > (Т3 = Р2) – (Р3).

Вторая модель представляет собой цепочку предложений, в которых тема во всех предложениях является одной и той же, а ремы различаются. Мальчик шёл по улице. Вдруг он увидел дым в окне дома. Но ребёнок растерялся. В этих предложениях тема является сквозной, а способ связи называется *параллельным*, что схематически можно представить так:

Т1 – Р1.

Т1 – Р2.

Т1 – Р3.

Таким образом, основу структурной организации текста составляют отношения коммуникативной преемственности между предложениями. Чтобы обеспечить связность при построении текста, нужно расставить предложения в такой последовательности, которая отражает логику развития мысли, а порядок слов в предложении подчинить коммуникативной задаче высказывания. Формальными средствами, внешними скрепами, передающими связность составляющих текст предложений, являются повторы слов, синонимы, антонимы, личные и указательные местоимения, однокоренные слова, союзы, частицы и др.

В нормальном тексте структурная и смысловая связность совмещаются. Однако бывают высказывания, где при наличии структурной связности смысловая связность отсутствует. Например: *Я пошёл в кино. Кинотеатр на нашей улице. Она самая старая в Москве. Москва – центр всех железнодорожных путей страны. Железные дороги – артерии народного хозяйства.* В представленной группе предложений отсутствует единство смыслового ядра - общей темы. Поэтому их нельзя считать текстом. Если не обеспечить тематического единства, общей мысли, объединяющей предложения, текста не получится. Смысловые аспекты изучает *семантика* текста.

Прагматика изучает текст в аспекте его воздействия на того, кому он предназначен, то есть в сферу лингвистической прагматики включаются вопросы, связанные с взаимодействием субъекта и адресата в процессе коммуникации. Прагмалингвистика рассматривает текст как средство выражения намерения автора передать слушателю или читателю сообщение и наиболее эффективно воздействовать на него в соответствии со своей целевой установкой (вызвать определённые чувства, побудить к действию и т.д.). Для обозначения текста, изучаемого в коммуникативно-деятельностном плане, с учётом всех компонентов речевой коммуникации, выделенных Р.О.Якобсоном (автор, текст, адресат, язык /код/, канал связи, действительность), в последнее время стали использовать термин «дискурс». Этот термин может применяться и к совокупности текстов, обладающих общими прагматическими свойствами, например: рекламный дискурс, политический дискурс.

Таковы основные направления изучения текста в современной лингвистической науке.

ТЕМА 10 ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

На протяжении своей жизни каждый человек говорит, как ему кажется, на одном и том же языке. Каких-либо серьёзных изменений в системе языка на протяжении одной человеческой жизни заметить невозможно. И наука о языке до XIX века об изменениях в языке ничего не говорила.

Только познакомившись с многообразием языков мира и с письменными текстами прошлых веков, лингвисты поняли, что система языка с течением времени существенно изменяется.

Прежде всего были замечены изменения в фонетическом облике лексем, затем заметили, что многие лексемы, употребляемые в текстах прошлых веков, в современном языке отсутствуют. Увидели также разнообразные перестройки в морфологических парадигмах и в способах сочетания простых предложений и синтаксических оборотов, в сложных синтаксических построениях, образующих тексты.

Приведем отдельные примеры, иллюстрирующие изменения в разных подсистемах языка.

Изменения в подсистеме фонем

Изменения в произношении звуков идут в языке непрерывно. Они обусловлены естественной вариантностью произношения разных людей, к тому же поддерживаемой разнообразными дефектами речи, такими, например, как шепелявость, гнусавость, картавость и многими другими.

В условиях развитого литературного языка с хорошо отработанными и закреплёнными нормами произношения (правилами орфоэпии) подобные отклонения оцениваются как ошибки. Их исправляют, иногда игнорируют, часто высмеивают. На общезыковой системе фонем такое варьирование произношения не отражается.

Иначе обстояло дело в дописьменный период, когда норма произношения складывалась стихийно и никак не закреплялась. Смены поколения было достаточно, чтобы то или иное отклонение в речи детей от речи родителей было принято как норма. Отклонение, осознанное как норма, порождало новый фонемный образ и вело к утрате старого фонемного образа. Изменение состава и структурных связей фонем в языковом сознании говорящих проявляется сразу во всех лексемах данного языка, имеющих тождественные позиции фонем. Всюду, где раньше слышали *к, г, х* перед гласными переднего ряда, начинают слышать *ч, ж, ш* или *з, ц, с*, как это было в славянских языках после первой и второй палатализации.

В звуковых изменениях часто реализуются смещения места артикуляции звуков, очень близких по положению языка или губ. Например, во многих языках отмечались мены *p/l*, *c/x*, *л/у* (неслоговое), *ч/ц* и т.п. Такие изменения находят параллели в расстройках произношения. Картавость *p* – широко распространенное отклонение от обычного переднеязычного *p*, но, например, во французском языке оно получило признание как произношение нормативное. Свистящее, то есть произносимое сквозь зубы *t*, возможно в любом языке, но, например, в английском оно закрепилось как самостоятельный фонемный образ, обозначаемый буквами *th*, и т.п.

Звуковые изменения могут быть однонаправленными и разнонаправленными. Древнеславянские дифтонги *он*, *ом*, *ен*, *ем*, став гласными *у*, *а*, уже не могут вернуться к исходному состоянию. Не возвращаются к исходному звучанию *дж* из *j*, *х* из *с*, *р* из *з* и ряд других.

Разнонаправленными являются изменения звонких в глухие и обратно (*n→б→п*, *с→з→с* и т.п.); обратимы изменения *с→ш→с*, *а→о→а*, *и→е→и* и ряд других.

Источник изменений звуков во всех языках мира один и тот же: естественная вариантность артикулирования. Одинаковы и тенденции изменений: смещение артикуляции близких по месту и способу образования звуков. Но какие именно звуковые изменения приведут к сдвигам фонемных образов, какие старые фонемы исчезнут, какие новые фонемы образуются в системе языка – это будет решаться для каждого языка отдельно.

Конкретный набор имевших место в истории данного языка перестроек системы фонем составляет его неповторимую фонологическую историю. Точное знание этой истории позволяет научно обоснованно определять родство языков, контакты языков, происхождение слов и словоформ языка и другие события в истории данного языка.

Изменения в лексической подсистеме языка

Изменения в лексической подсистеме языка обусловлены расширением мыслительного кругозора людей. Владимир Григорьевич Гак указывает четыре принципиальные возможности в изменении состава словесных знаков языка.

1. Использование старого знака для нового денотата.
2. Введение нового знака для старого, уже обозначенного денотата.
3. Введение нового знака для нового денотата.
4. Прекращение употребления знака.

Рассмотрим выделенные В.Г. Гаком тенденции на некоторых примерах.

1. В сфере семантического словообразования, т.е. *в сфере использования старого знака для нового денотата*, прослеживаются следующие важнейшие тенденции:

- 1) закон Шпербера,
- 2) антропоморфизм,
- 3) переход от конкретного к абстрактному,

4) синестезия (букв.соощущение).

Закон Шпербера состоит в том, что основным источником метафорических переносов в каждую эпоху служит комплекс идей, имеющих важное значение и вызывающих интерес членов данного общества. В средние века такой комплекс идей порождала охота, с появлением спортивных игр общий интерес вызывает футбол, а в США – бейсбол; в начале XX в. внимание приковали автомобили, во время первой и второй мировой войны – военные действия, в 60-ые годы – освоение космоса (ср. в русской фразеологии: *выйти на орбиту, вывести на орбиту, сойти с орбиты, мягкая посадка, состояние невесомости, стыковка* и т.п.).

Популярные в Англии петушиные бои оставили след в английской фразеологии: *thatcockwon'tfight* (букв.: этот петух не будет драться) – этот номер не пройдет; *tofeellikeafightingcock* (букв.: чувствовать себя как боевой петух) – быть в форме для борьбы и др.

В послевоенный период в России на протяжении нескольких десятилетий наблюдалась широкая экспансия военной лексики (*битва за урожай, штаб уборки, командиры производства, захватить плацдарм* и мн.др.).

В 90-ые годы XX века происходит постепенное ослабление употребления военной лексики и экспансия спортивной лексики (*играть в свою игру, фальстарт избирательной кампании, забег кандидатов на длинную дистанцию, играть на поле соперника, политические тяжеловесы, игра в одни ворота, установить правила игры, ключевой игрок* и мн.др.).

Принцип антропоморфизма заключается в том, что познание мира человек начинает с себя самого; в центре субъективного мира людей стоят они сами. Все окружающее осмысливается в зависимости от степени близости/удаленности от жизненных интересов людей. В частности, названия частей тела человека, одежды, домашней утвари, частей жилища и т.п. широко используются для номинации более удаленных от человека предметов. Ср., например, в названиях растений: *медвежьи ушки, львиный зев, кукушкины слезки*, или в названиях предметов: *ручка чайника, двери, кресла; голова сахару, головка луку, горлышко бутылки, кувшина; ребро доски, колено реки, язык колокола, борода ключа* и т. д.

Переход от конкретных понятий к абстрактным отражается в семантическом развитии многих слов. От лат. *pensare* (взвешивать) развивалось франц. *penser* (думать). От греч. *basis* (ступенька) ведет начало современное *базис* – основание, исходные постулаты теории, общественного устройства и т.п. Лат. *aevum* (шестивие) развило значение *время, возраст*. Глагол *волноваться* (вздыматься волнами, о море, водной глади) стал употребляться для обозначения беспокойного психологического состояния человека. От лат. *matrix* (корневой ствол дерева) образовано лат. *materia* (древесина, строительный материал), а затем и *материя* – самое абстрактное философское понятие.

Синестезия – способность человека одновременно воспринимать объекты внешнего мира несколькими органами чувств. Благодаря этому одно и то же

явление может быть названо словами, относящимися к разным сферам восприятий: обонятельных и вкусовых, зрительных и слуховых или тактильных, переживаемых как приятные или неприятные. Ср.: бархатный голос и режущий голос, яркий звук и матовый звук, светлый ум и темный человек, тяжелый труд и легкая работа, тяжелый человек и легкая улыбка, острый язык и медовые речи и т.п. На явлении синестезии основано использование наименований сильных эмоций (страх, ужас, сумасшествие и под.) для обозначения экспрессии, высокой степени признака. Ср.: рус. ужасно много, страшно доволен, франц. *terriblement bien* (ужасно замечательно), нем. *toll, verrückt* (букв.: бешеный, сумасшедший) в значении шикарный, великолепный. Подобные переносы значений, объясняемые синестезией, исследователи отмечают в самых разных языках: русском, венгерском, индонезийском, узбекском, греческом и др.

2. *Введение нового знака для старого, уже обозначенного денотата*, может быть проиллюстрировано таким языковым процессом, как эвфемизация. *Эвфемизация* – процесс создания эвфемизмов для табуированных (то есть запрещённых для употребления по религиозным, суеверным или этическим причинам) слов и выражений: если то или иное слово или понятие табуировано, то для его называния создается замещающая форма – эвфемизм.

Многие слова в разных языках являются по своему происхождению эвфемизмами. Так, в русском языке это слова *медведь* (варианты – *хозяин, сам, топтыгин*), *змея* (от *земля, земляная*), *блаженный* (в значении *сумасшедший*) и др.

В английском языке гробовщика называют *undertaker* – букв. предприниматель; говорят: *disease* (болезнь) – букв. неудобство, *imbecile* (сумасшедший) – от лат. *imbecillus* “слабый”, *silly* (глупый) – букв. *счастливый*. Греческое слово *idiot* этимологически означает “частное лицо, мирянин”, фр. *crétin* происходит от диалектной формы *chrétien* (христианин), фр. *benêt* (глупец) – от лат. *benédictus* “благословенный” и т.д.

В современном западном мире, особенно в США, кампания по так называемой политической корректности приводит к появлению многочисленных эвфемистических номинаций: *афроамериканец* вместо *негр*, *лицо с ограниченными физическими возможностями* – вместо *инвалид*, «*горизонтально отягощенный*» вместо *толстый* и под.

Эвфемизмы пополняют словарный состав языка, обогащают его.

3. *Введение нового знака для нового денотата* осуществляется путем словообразования и заимствования.

В средние века в России было слово *толмач* – переводчик (заимствование из немецкого языка), но это был только устный переводчик, а когда появилась потребность переводить и письменные тексты, государственные документы, было образовано современное слово *переводчик*, которое

означает «переводчик устных и письменных текстов». Новый денотат получил новое обозначение.

В первые годы советской власти возникло множество новых учреждений, организаций и должностей, которые должны были получить наименования. Возникли *совет народных комиссаров, народные комиссариаты, народные комиссары, партийный комитет, партийное бюро, профсоюзный комитет, профсоюзное бюро, партийный организатор, профсоюзный организатор, спортивный организатор, областной комитет, районный комитет, местный комитет, комитет бедноты* и т.д. Это были новые наименования, которые обладали в речи высокой частотностью, вследствие чего в силу действия закона экономии они были сокращены, что и привело к массовому возникновению аббревиатур – *совнарком, нарком, наркомат, профком, обком, райком, парторг, профорг, местком* и т.д.

Займствование – универсальная тенденция в развитии лексических систем языков мира. Наиболее развитые в функциональном отношении языки в своем основном словарном фонде насчитывают минимум 30-40% заимствованной лексики. В английском языке насчитывают до 60% заимствований из романских языков, в корейском языке – до 75% лексики китайского происхождения. В русском языке на букву А исконно русскими являются только слова *азбука, ага, агу, ау, авось, авоська, аляповатый*, остальные заимствованы; на букву Э – только *э, эй, эх, экий, эдак, этак*, остальные заимствованы, а на букву Ф в русском языке вообще нет ни одного исконного слова, все слова заимствованные.

Займствованные слова быстро адаптируются, осваиваются народом, приспосабливаются по произношению к национальным произносительным нормам, и большинство из них сознанием народа перестает восприниматься как заимствования – часто носители языка и не знают о заимствованном характере используемых ими слов (ср. рус. *матрос, катер, опера, ария, матч, чемпион, гол, символ, олимпиада, аптека, бульон, такси, крем, тротуар, портфель, альбом, штопор, слесарь, плуг, флаг, штраф, артель, базар, шалаш, чулок, сундук, булка, фляжка, адмирал* и мн. др.)

Займствование нельзя рассматривать как засорение языка – это объективный процесс, который регулируется самим обществом: заимствуются слова, обозначающие заимствованные народом предметы, явления и понятия. Язык регулирует пополнение своего состава заимствованиями – заимствованные слова могут конкурировать с близкими по значению «родными», и побеждает та единица, которая оказывается более удобной в языковом и смысловом отношении. К примеру, в 70-80-ые г.г. в русском языке конкурировали единицы *компьютер, электронно-вычислительная машина, ЭВМ*, и победу одержало заимствованное слово *компьютер*. Заимствованные слова либо осваиваются языком (или отдельным профессиональным диалектом – например, подязыком политики, подязыком финансов, музыкальным подязыком и др.) либо не допускаются в него, быстро выходя из употребления.

В современную эпоху число заимствований быстро растет во всех языках, что отражает процессы глобализации в мире. Заимствование ведет к обогащению словарного состава языка, его количественному и качественному росту.

4. Прекращение употребления знака.

Слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением из общественной практики называемого ими объекта (*историзмы*), уходят из активного словоупотребления, уходят из современной лексической системы, но остаются в письменных памятниках соответствующей эпохи.

Историзмами русской лексической системы являются такие единицы как *алтын, боярин, забрало, кольчуга, терем, соха, тысяцкий, вече, палица, сеча*; более поздний период – *стряпчий, полицейский, урядник, лакей, лавочник, купец, половой, царь, приказчик*; историзмы советской эпохи – *нэп, промфинплан, пятилетка, коминтерн, выдвигенец, лишенец, комбед, красногвардеец, белогвардеец, коллективизация, генсек, политбюро* и др.

Историзмами периода перестройки в России можно считать такие единицы как *перестройка, новое мышление, ускорение, гласность, общеевропейский дом, застой, административно-командная система, уравниловка, зона молчания, закрытая зона, торможение* и др.

Слова в языке могут выйти из употребления, и в условиях сохранения соответствующего объекта в общественной практике слово просто заменяется на более современное. Такие единицы, как известно, называются *архаизмами*, и они сохраняются в письменных источниках, как и историзмы.

Различают лексические архаизмы – слова, вытесненные словами другого корня (*шея* вместо *выя*, *рулевой* вместо *кормчий*, *пахарь* вместо *ратай*, *актер* вместо *лицедей*, *свидетель* вместо *послух*, *ученик* вместо *школяр*, *убийца* вместо *головник*), лексико-словообразовательные – вытесненные однокорневыми синонимами (*бедствие* вместо *бедство*, *воин* вместо *воитель*, *чувство* вместо *чувствие*, *фантазия* вместо *фантазм*, *различие* вместо *разнота*), лексико-фонетические – вытесненные вариантами, отличающимися отдельными звуками в составе слова (*героизм* вместо *ироизм*, *вокзал* вместо *воксал*).

Существуют также семантические архаизмы – устаревшие значения в семанте используемого сегодня слова. Так, в слове *художество* ранее присутствовало значение «искусство», *злокачественный* – «обладающий плохими, дурными качествами», *вертеп* – «пещера», *вор* – «бунтовщик», *сволочь* – «те, которых сволокли, собрали в одно место с разных сторон», *негодяй* – «негодный к военной службе», *истукан* – «статуя», *живот* – «жизнь», *прозябать* – «расти», *позор* – «зрелище», *общественник* – «член общины» и др.

Возможна в языке и *реактивация* лексики. Реактивация лексики представляет собой возвращение в активное употребление лексем, ранее употреблявшихся, но на какой-то исторический период ставших историзмами. Так, в русском языке в период перестройки были реактивированы

некоторые дореволюционные лексемы и устойчивые словосочетания, относящиеся к сфере политики и рыночных отношений: *Дума, думская фракция, думский комитет, суд присяжных, забастовка, пособие по безработице, голодовка, биржа, торги, акциз, вексель, предприниматель, банкрот, полиция, коммерческий банк, торговля недвижимостью*.

Появление новых лексем и развитие семантем у старых лексем, выход лексем и семем из активного употребления с неизбежностью ведут к перестройкам структурных отношений между словами и усложнению системы.

3. Изменения в синтаксической подсистеме языка

Изменения в синтаксической подсистеме языка протекают значительно медленнее, чем в лексической. Осознание изменений в отношениях предметов обычно происходит после того, как познаны предметы и осмыслено их место в той или иной ситуации. Накопление изменений в лексической подсистеме языка ведет к перестройкам синтаксических структур. Формируются новые структурные схемы и новые словоформы, появляются новые служебные слова и другие средства.

Познание начинается с отношений между деятелем и объектом действия, с пространственных отношений; позднее осмысляются более абстрактные отношения времени, причины, цели, условия и т.д. Развитие речи ребенка (онтогенез) во многом проходит те же ступени, которые прошло человечество в ходе создания языка (в филогенезе). Изучение группы детей – американских, финских, самоа и луо в возрасте от 18 до 31 месяца, выполненное зарубежными психолингвистами, показало, что дети овладевают структурными схемами в следующем порядке: деятель – действие, действие – объект действия, указатель – объект указания, владелец – объект владения.

Позднее появляются структурные схемы для выражения отношений определяемого и определяющего, действия и места действия. Еще позднее дети овладевают специальными вопросами и пассивными конструкциями. Освоение структурных схем сложных предложений происходит в школьном возрасте по мере того, как мышление подрастающего человека становится способным строить умозаключения, постигать связи событий.

Изучение истории синтаксических конструкций в разных языках мира показывает, что развитие синтаксической семантики идет именно по таким этапам. Простые синтаксические структуры, части которых располагаются в соответствии с порядком следования действия во времени, появляются раньше структур со сдвинутыми соотношениями, которые А.Р. Лурия называет дистантными предложениями. Например, последовательность: *Наступила зима, пошел снег, стало холодно* состоит из простых структур. А дистантной является структура *Не опоздай я на поезд, не встретил бы вас*. Такое высказывание требует мысленной перестройки, чтобы стало понятно, опоздал говорящий или нет, встретил он вас или не встретил. Дистантные

предложения отражают своеобразные мыслительные коды, которые возникли в последнем столетии, после становления и закрепления норм литературных языков.

Познание человека движется от отражения наблюдаемых в повседневной трудовой деятельности отношений к отражению отношений абстрактных, умозрительных; соответственно этому постепенно возникают синтаксические конструкции разных степеней сложности и абстрактности.

Изменения в составе морфологических типов и категорий

Формальные морфологические показатели, обслуживающие лексическую и синтаксическую подсистемы языка, перестраиваются, чтобы лучше соответствовать изменениям в семантике языка. По замечанию А.А. Потебни, язык легко расстается с формальными приметами, за которыми уже нет различий смысловых.

Все индоевропейские языки утратили формы двойственного числа, сохранив формы единственного и множественного. Произошли значительные перестройки типов склонения и спряжения. В большинстве славянских языков утрачены различия четырех форм прошедшего времени глаголов.

Появление новых лексических и синтаксических значений может стимулировать создание новых формально-морфологических показателей для их обозначения. Например, в славянских языках постоянно появляются новые префиксы и суффиксы для выражения видовых значений и способов действия в глаголах. Увеличивается число словообразовательных морфем для создания новых словообразовательных моделей. Новые служебные морфемы всегда создаются из лексических средств, которые утрачивают лексические и приобретают грамматические семемы. Например, русский аффикс *-ся* в прошлом был энклитической формой винительного падежа местоимения *себя*, а частица *бы* – одной из форм глагола *быть*. Франц. *homme* (человек) дало неопределенное местоимение *on*, из существительных *pas* (шаг), *point* (точка) получились отрицательные частицы *pas*, *point*. Формант наречий – *ment* восходит к слову *mens* (разум). Английское *man* (человек) входит в качестве морфемы в слова *seaman* (моряк), *airman* (летчик), *tankman* (танкист) и др.

Морфемы могут заимствоваться из других языков. Например, слова *спутник* и *лунник*, попав во французский язык, были осмыслены как слова с морфемой *-ик*. Когда запустили ракету в сторону Венеры и в сторону Марса, во французском языке появились *Venusik* и *Marsik*. Суффикс *-ik* стал формальным показателем для обозначения искусственных космических тел.

По мере развития языка формируются новые предлоги и союзы, помогающие выражать все более и более сложные синтаксические отношения причины, времени, уступки и др.

Утраты и приобретения в составе морфем с неизбежностью ведут к изменениям в словообразовательной подсистеме и морфологической

парадигматике языка. Эти изменения протекают очень медленно, в течение нескольких веков. Формы, утратившие семантику, сохраняются по традиции (например, формы грамматического рода у русских неодушевленных существительных). Способствуют перестройкам звуковые изменения, затрагивающие флексии и префиксы, а также действие закона аналогии.

Как «работает» аналогия в сфере, например, словообразования, показывают изобретения детей: *нарядник* и *нарядница* (дети, которые любят наряжаться), *король* и *королица* (по аналогии с царь и царица), *конькеист* (ср. хоккеист), *гребло* (ср. весло), *кинокль* (ср. бинокль) и мн. др.

Аналогия и создает парадигматические ряды, и разрушает их, и переводит речевые явления в систему языка, и выводит из нее. Изолированные формы всегда тяготеют к формам массовым. Аналогия сводит теоретически возможное бесконечное разнообразие словоизменения, формо- и словообразования к сравнительно немногим типам парадигм склонения, спряжения, словообразовательным моделям. Это позволяет лучше запоминать и удерживать в памяти необходимый для общения запас словоформ.

В языках без морфем изменения идут в сфере фонем и просодем, в сфере сочетаемости лексем и структурных синтаксических конструкций.

Накопление фактов вызвало потребность и желание осмыслить тенденции и закономерности развития системы языка. Стали создаваться теории, объясняющие причины и перспективы изменения языков мира.

Становление языковой системы в филогенезе

Можно реконструировать определенную последовательность, в которой возникали разные участки языковой системы.

Важный материал для подобного описания дают наблюдения над формированием речи у детей, поскольку известно, что человек в своем внутриутробном и младенческом развитии повторяет основные этапы филогенеза.

Сначала возникают эмоции-команды, сигналы благополучного или неблагополучного состояния. Так, у ребенка с 0 до 8 месяцев выделяются 5 типов сигналов: призыв к общению с матерью, сигнал дискомфорта, сигнал благополучного пребывания во сне, сигнал о нормальном кормлении, сигнал о благополучном пребывании на руках у матери.

Далее, с 9 месяцев до года и 8 мес., формируются слова-предложения, которые сопровождаются жестами. Два основных типа таких предложений: требование (*дац* – дай; *мака* – дай молока) и констатация наличия предмета (*му* – вот корова, *мама* – вот мама). В этот же период начинают формироваться двусловные грамматически неоформленные предложения (*ми бух* – мишка упал, *мама сёска* – мама щетка, то есть мама метет). Запас слов в этот период небольшой – 10-15 единиц.

С года и 9 мес. появляются высказывания из 3-4 слов и резко и быстро начинает расти словарный запас – 80, 100, 200 слов (лексический взрыв). Начинают появляться образования по аналогии.

Грамматическое оформление высказывания осваивается к 5, иногда – к 7 годам.

Формирование системы частей речи в языковом сознании ребенка выглядит следующим образом:

существительные – появляются раньше всех; после усвоения примерно 100 существительных ребенок начинает образовывать их по аналогии;

глаголы – появляются после предметного словаря, долгое время опускаются. После освоения 50 глаголов появляются первые глагольные категории;

прилагательные – появляются поздно, после существительных; долго ставятся после существительных – *козлик маленький*; после освоения примерно 30 прилагательных появляются их грамматические формы;

местоимения – появляются в числе первых и с самого начала употребляются правильно;

отдельные наречия – появляются рано, в числе первых слов (наречия места, времени и температуры);

служебные слова – появляются после всех знаменательных частей речи, первыми появляются предлоги.

Эти и другие данные, полученные индоевропеистами, историками языка, специалистами по лингвистическим универсалиям, исследователями детской речи и афазии, позволяют гипотетически представить и облик древнейшего языка человечества.

Сначала появляются согласные с вокалическим призвуком, фонема включает в себя целый слог, структурно неделимый. Позднее появляются гласные.

Все предложения первоначально были простыми, а связи между словами формально не выражались. Это наглядно прослеживается и на примерах из детской речи (*мама книжка читать*), и из речи больных афазией (*Саша пить молоко, я жить город*). Появление грамматически выраженных связей было более поздним событием в развитии языка. От простых предложений, сопологающихся друг с другом, к развитию специальных средств и структурных схем сложного предложения – это общечеловеческое движение в синтаксической подсистеме языка.

Развитие сложного предложения связано с появлением письменности и особенно книгопечатания. Младописьменные языки, как правило, не имеют развитого инвентаря сложных предложений.

Тенденции развития системы языка

Основной движущей силой развития языка является мышление народа, отражающее все новые и новые явления объективного мира, выявляющее и устанавливающее между ними все более и более глубокие и существенные связи. Через мышление на развитии языка сказываются многочисленные обстоятельства жизни человеческого общества, общественные процессы, экстралингвистические факторы. Но многие изменения в системе языка

имеют и собственно лингвистические причины, вызываются особенностями артикулирования и слухового восприятия звуков, закономерностями развития самого языка как объективно существующего общественного явления.

Тенденции изменений в языке под воздействием обстоятельств жизни человеческого общества называют внешними законами, а тенденции, обусловленные собственно лингвистическими причинами – внутренними законами развития языка. Действие внутренних законов обусловлено сущностью языка, его механизмом, специфическими особенностями его устройства; они панхроничны, то есть действуют всегда. Внешние же законы историчны, действуют в определенных конкретно-исторических общественных условиях. Внешние и внутренние законы приводят к изменениям, которые представляют собой либо эволюцию, либо развитие языка.

Эволюция – это изменения внутри языка, происходящие под влиянием его собственных внутренних законов.

Развитие языка – это изменения, связанные с воздействием на язык общества, приспособление языка к изменяющимся и усложняющимся условиям его функционирования.

Можно провести аналогию с человеком: человек стареет, изменяются его органы, увеличивается или уменьшается вес, появляются морщины – это эволюция его организма. При этом человек умнеет, становится образованным, все больше знает и умеет – это его развитие.

Эволюция и развитие в равной мере определяют изменения в языке.

Среди внутренних законов можно разграничить законы общие и частные. Общие законы присущи всем языкам и вытекают из свойств языка, выполняющего функцию средства общения людей. К таким законам относятся устойчивость системы языка и постепенность ее изменения, вариантность языковых средств, действие закона аналогии и другие.

Частные законы проявляются в конкретных изменениях, протекающих либо в одном языке, либо в группе родственных языков, и касаются конкретного звукового изменения, конкретных перестроек в системах склонения и спряжения, изменений в составе лексико-семантических групп и т.п.

Проблема развитости языка

Можно ли считать один язык развитым, а другой неразвитым? Может ли один язык быть более развитым, чем другой? Эти вопросы оказываются достаточно сложными для решения.

М.И. Исаев полагает, что у понятия «развитость языка» есть две стороны – внутрисконструктурная и функциональная.

Функциональная развитость отражает прежде всего многообразие общественных функций языка. Развитый язык есть у развитого общества,

находящегося на высоком уровне развития производства, имеющего развитую культуру, технику и общественно-политическую жизнь.

Развитость в этом смысле отражается:

- в богатстве лексики разных тематических пластов;
- в широте стилистической дифференциации языковых средств (у примитивных народов в языке выделяются только разговорный и фольклорно-сказочный стили);
- в многообразии функций языка (на данном языке есть художественная, научная литература, выходит периодика, ведется обучение, государственная, хозяйственная, правовая и общественно-политическая деятельность, осуществляется радио и ТВ вещание, ведется частная переписка и т.д.).

С этой точки зрения есть функционально развитые и функционально неразвитые языки. Важно помнить, что функциональная развитость языка – это производное от уровня развития общества, в котором он используется.

Внутриструктурная развитость не дает оснований различать развитые и неразвитые языки. Наличие или отсутствие грамматического рода, большого количества падежей, сложной системы времен не свидетельствуют о развитости или неразвитости языка – все это переменчиво и во многом обусловлено случайными факторами. Кроме того, как показывает практика, каждый язык как коммуникативное структурно-системное образование полностью обслуживает коммуникативные потребности того общества, в котором он в данный момент функционирует.

Таким образом, язык может быть *функционально* развитым или неразвитым, но не может быть *структурно* развитым или неразвитым.

С проблемой развитости языка связана и теоретическая проблема прогресса в языке. Неоднократно ученые пытались ответить на вопрос, является ли диахроническое изменение системы языка прогрессом, регрессом или оно нецеленаправленно.

Развитие языка – приспособление языка к условиям его функционирования, обогащение словаря, усложнение системы языка, расширение общественных функций языка, появление и совершенствование письменности и др. – несомненно, отражают прогресс в развитии языка, который обусловлен прогрессом общества – носителя этого языка.

Регресс языка состоит прежде всего в сужении и сокращении его функций, это тоже теснейшим образом связано с процессами развития общества.

Вместе с тем изменения, отражающие эволюцию языковой системы, нецеленаправленны, безразличны для прогресса: многие звуковые изменения, изменения в морфологических парадигмах и др. не влияют на качество выполнения им своей основной коммуникативной функции для соответствующего народа, который им пользуется.

ТЕМА 11. КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

На земле насчитывается (по разным данным) от 3 до 10 тысяч языков. Они отличаются друг от друга степенью распространенности, социальными функциями и структурными характеристиками.

В языкознании существует ряд классификаций языков. Наибольшее распространение получили две классификации – генеалогическая и типологическая. Со второй половины XX века признание получили также ареальная и функциональная классификации.

Генеалогическая классификация языков

Основы генеалогической классификации были разработаны в языкознании XIX века на материале индоевропейских языков.

Генеалогическая классификация связана с поиском родственных языков. *Родственные языки* называются так потому, что имеют общего предка, т.е. являются продолжением некоего *праязыка*, который когда-то разделился на несколько самостоятельных ветвей. Родственные языки могли соседствовать, а могли и обособиться друг от друга. Говорящие на них люди могли мигрировать в другие края и, контактируя с соседями, заимствовать новые звуки, слова и конструкции. В результате родственные языки, с одной стороны, характеризуются сходными, общими чертами, а с другой - имеют отличия. При этом на определённом этапе развития отличий между родственными по происхождению языками может быть больше, чем сходных черт.

Лингвисты с помощью сравнительно-исторического метода сравнивают слова разных языков, выявляют их родство и восстанавливают первоначальные формы древнего языка, которые называют *праформами*. Считается, что надежные результаты при установлении родства дают корни слов, относящиеся к древнейшим пластам лексики. Важно и совпадение флексий, т.к. они не заимствуются из языка в язык.

Например: древнеинд. яз. – bhárami, древненем. biru, греч. phero, лат. fero; ст.-слав.: беру (в слове звучал носовой звук, обозначаемый буквой «юс большой»), рус. беру. Близость этих корней говорит об их родстве. Родственные языки, имеющие общие черты, которые можно объяснить тем, что они восходят к общему языку-основе (праязыку), называют *языковой семьей*. Языки, принадлежащие к разным семьям, не обнаруживают исторического родства. Общими в них могут являться заимствования, проникающие в разные языки из одного источника.

Внутри семьи языки связаны между собой по-разному: одни более, другие менее тесно.

Ряд близких языков внутри семьи называют *ветвью*, или *группой*. Языки одной ветви ближе друг к другу, чем языки разных ветвей. Степень близости

языков внутри ветви тоже может быть различной, поэтому некоторые ветви подразделяются на подгруппы родственных языков.

Например, ветвь славянских языков относится к индоевропейской семье и подразделяется на три подгруппы: восточную, западную и южную. Языки могут оказаться и вне семей, если у них не обнаруживается родственных связей. Таковы, например, баскский и корейский языки.

Основные языковые семьи: индоевропейская, китайско-тибетская, нигеро-кордофанская, австронезийская, семито-хамитская, дравидская, алтайская, австроазиатская, тайская, индийская, нило-сахарская, уральская, кавказская и некоторые другие.

Самая крупная из языковых семей – *индоевропейская* ($\approx 44,3\%$ от всех говорящих). Она распадается на 12 ветвей:

- иранскую (фарси, пушту и др.),
- германскую (датский, шведский, норвежский – северная подгруппа; немецкий, английский – западногерманская подгруппа),
- индоарийскую (хинди, урду, цыганский и др.),
- романскую (итальянский, французский, испанский, португальский, румынский, молдавский и др.),
- балтийскую (латышский, литовский),
- кельтскую (ирландский, шотландский, бретонский и валлийский),
- славянскую (русский, польский, болгарский и др.)

Мертвые ветви индоевропейской семьи – анатолийская и тохарская. Не образуют ветвей греческий, албанский и армянский языки.

Славянская ветвь, или группа, делится на 3 подгруппы: *восточнославянскую* (русский, украинский и белорусский), *западную* (чешский, словацкий, кашубский, польский, лужицкий) и *южную* (болгарский, сербохорватский, македонский, словенский, а также мертвый старославянский язык).

Китайско-тибетская семья языков по числу говорящих занимает второе место в мире (23,4 %). По количеству же входящих в данную семью языков она немногочисленна. В неё входят китайский, бирманский, тибетский и некоторые другие языки.

Третьей по численности носителей является *нигеро-кордофанская* семья (5,9 % говорящих). Ее языки иногда называют языками центральной Африки. Наиболее известные языки этой семьи – банту, гвинейские языки, кордофанские языки.

Австронезийская семья (4,9 % говорящих) представлена более чем 150 языками. На языках этой семьи говорят народы, населяющие многочисленные острова и полуострова Юго-Восточной Азии. Это, например, полинезийский, таитянский, фиджи и другие языки.

Семито-хамитская, или афразийская, семья языков (4,8 % говорящих) включает арабский, иврит, берберский и некоторые другие языки. Многие языки этой семьи мертвые: ассиро-вавилонский, арамейский, финикийский, коптский, древнеегипетский и др.

Дравидская семья (3,9 % говорящих) – это языки народов, населявших Индию до прихода туда индоевропейцев.

Алтайская, или *тюркская*, семья (2,6 % говорящих) объединяет в своем составе более 30 языков: турецкий, казахский, узбекский, азербайджанский, татарский, киргизский, якутский и др.

Австроазиатская (1,8 % говорящих) семья включает языки народностей, проживающих в Юго-Восточной Азии, например вьетнамский и кхмерский языки.

В *тайскую* семью (1,5 % говорящих) входят тайский, лаосский и некоторые другие языки.

Индийская семья (0,9 % говорящих) – это языки коренных индейских племен, проживающих в Северной и Южной Америке (язык кечуа, майя, ирокезские, ацтекские и некоторые другие).

Нило-сахарская семья (0,7 % говорящих) включает в себя некоторые группы африканских языков (например, центрально-суданская, северная и юго-восточная группы).

Уральскую семью (0,6 % говорящих) иногда делят на две группы: *финно-угорскую* и *самодийскую*. К финно-угорским языкам относят венгерский, финский, эстонский, марийский и другие языки. В самодийские входят ненецкий, селькупский и другие.

Кавказская семья (0,3 % говорящих) включает абхазский, аварский, лакский, адыгейский и другие языки.

Хотя генеалогическая классификация – одна из наиболее разработанных, построение общей картины родства языков еще далеко не завершено.

Типологическая, или морфологическая, классификация языков

На протяжении XIX-XX веков разрабатывалась еще одна классификация языков, которую называют *типологической*, или *морфологической, классификацией*. Она состоит в выявлении языков одного строя, прежде всего одной морфологической структуры. Однако при типологической классификации может учитываться не только морфология, но и фонетические, и синтаксические особенности сравниваемых языков. В современной лингвистике существует несколько таких классификаций. Но наиболее разработанной является типологическая классификация, построенная на основе анализа морфологической структуры слова.

Первую типологию языков разработал немецкий лингвист Ф. Шлегель (1772-1829). Он разделил все языки на два типа: *флективные* и *нефлективные*, которые позднее называли *агглютинативными*. При этом, однако, оставалось неясным, куда отнести языки, где нет ни флексий, ни регулярных аффиксов (как, например, в китайском языке). Позднее такие языки называли *аморфными*. Ф. Шлегель также определил, что грамматический строй флективных языков может быть двух типов: аналитического и синтетического. В. фон Гумбольдт выделил четвертый тип языков – *инкорпорирующий*.

В дальнейшем эта классификация совершенствовалась, но и по сей день наиболее признанной остается типологическая классификация, выделяющая 4 морфологических типа языков: флективные, агглютинативные, аморфные и инкорпорирующие.

Для языков *флективного типа* устойчивым признаком их морфологической структуры является наличие флексий (окончаний), выражающих самые разные грамматические значения. При этом флексия обычно многозначна (например, в словоформе *улиц-у* - флексия выражает значение единственного числа, женского рода, винительного падежа, 1 склонения). Аффиксы во флективных языках могут занимать разное положение по отношению к корню: выступать в виде префиксов, суффиксов или инфиксов. Слово во флективных языках автономно, оно несет в себе показатели своего отношения к другим словам в словосочетании или предложении.

К флективным языкам относятся, например, многие индоевропейские языки. Флективные языки делятся на языки аналитического и синтетического строя. Языки *аналитического* строя широко используют для выражения грамматических значений порядок слов, служебные слова и некоторые фонетические средства. Таковы, например, английский, болгарский, французский и ряд других. Языки *синтетического* строя для выражения грамматических значений опираются главным образом на флексии, формообразующие суффиксы и префиксы. Это русский, польский, белорусский, литовский и другие.

К *агглютинативным* принадлежат тюркские, финно-угорские, японский, корейский и другие языки. Их слова строятся путем последовательного приклеивания (лат. *agglutinare* - приклеивать) к основе-корню аффиксов, каждый из которых выражает только одно грамматическое значение. Морфемы здесь четко отграничены друг от друга и неизменны: они не меняют своего значения в любых сочетаниях. Например, в татарском языке «ода» значит «комната», «лар» - суффикс множественного числа, «да» - суффикс местного падежа (где?). При соединении этих элементов получается *одаларда* - «в комнатах». Ср. также в башкирском:

И.п. ед.ч. баш (голова) – мн.ч. баш-лар (головы)

Р.п. ед.ч. баш-тын (головы) – мн.ч. баш-лар-тын (голов)

В.п. ед.ч. баш-ты (голову) – мн. ч. баш-лар-ты (головы)

Третий морфологический тип – *изолирующие*, или *аморфные* языки. Они характеризуются отсутствием словоизменения. Грамматические значения в таких языках выражаются с помощью служебных слов, порядка слов, музыкального ударения и интонации. У этого типа языков нет морфологической формы (отсюда название - аморфные). Слово в них равно корню. Так, в китайском языке слова *ча* – «чай», *во* – «я», *бу* – «не», *хэ* – «пить» соединенные в последовательности *ча во бу хэ* обозначают «я не пью чай» (буквально *чай я не пью*).

К этому типу относятся китайский, вьетнамский и некоторые другие языки.

Инкорпорирующие, или полисинтетические, языки строят предложение, как слово, то есть объединяют слова в одно общее целое, которое представляет собой одновременно и слово, и предложение. В этом слове-предложении начало является подлежащим, конец – сказуемым, а в середину инкорпорируются (лат. *incorporare* – присоединять, включать в свой состав) дополнения со своими определениями и обстоятельства.

Например, в языке мексиканских ацтеков слово – предложение *нинакаква*, означающее «я ем мясо» состоит из частей: *ни* – «я», *нака* (из *накатл* – мясо) и *ква* – «кушать, есть» (буквально – *я-мяс-ем*).

Чукотское *тыатакаанмыркын* означает «я жирных оленей убиваю», где *ты* означает «я», *ата* – «жир», *каа* – «олень», *нмы* – «убивать», *ркын* – «делать» (букв. – *я-жир-олень-убив-делай*).

К инкорпорирующим относятся, например, чукотский, карякский, камчадалский языки.

Однако следует иметь в виду, что «чистых» представителей того или иного типа языков практически не существует. Так, русскому языку не чужда агглютинация (например, суфф. *-л-* в формах прошедшего времени глагола, постфикс *-ся (-сь)* в образовании страдательного залога глаголов). Многие языки занимают в морфологической классификации промежуточное положение. Например, языки Океании относят к аморфно-агглютинативным языкам.

Ареальная классификация

Ареальная классификация языков заключается в выявлении ареалов распространения отдельных языков или групп языков.

Ареальная лингвистика исследует распространение языковых явлений в пространстве и времени.

Языковой ареал (от лат. *agea* – пространство, площадь) – это граница распространения отдельных языковых явлений и их совокупности, а также отдельных языков и групп языков.

Второе важное понятие в ареальной лингвистике – *языковой союз*. Термин ввел один из крупнейших языковедов XX столетия Н.Трубецкой. Языковой союз – это группа географически близких и тесно контактирующих языков, приобретших общие свойства. Существует, например, балканский языковой союз, куда входят болгарский, македонский, румынский, молдавский, албанский и новогреческий языки. В результате контактов друг с другом и с другими языками, распространенными на одном и том же пространстве, языки балканского языкового союза приобрели много общих черт на уровне фонетики, лексики и грамматики.

В ареальной лингвистике существенным является разграничение современной и исторической лингвистических карт языков мира.

Исторический подход помогает установить праязык и дальнейшее развитие языков, а также присущие им в тот или иной период ареалы распространения. Это важно, так как язык может сложиться в одном месте, а

потом получить распространение в другом регионе планеты. Типичный пример – употребление испанского языка не только в Испании (где на нем говорят 30 млн. человек), но главным образом в Латинской Америке (около 270 млн. говорящих).

При изучении языковых контактов важно учитывать, как они проходили и к каким последствиям привели. В одних случаях в результате взаимодействия языков двух народов язык коренного населения может изменяться под влиянием контактов с другими языками и даже может быть вытеснен языком-пришельцем, носители которого оказались более воинственными, предприимчивыми или культурными.

В других случаях меняется второй язык – язык пришлых этнических групп. Таким образом, при контакте двух языков один из них оказывается победителем, а второй побеждённым.

Но могут измениться и оба постоянно контактирующих языка.

Следы побежденного языка в составе языка-победителя при скрещивании двух языков называют *субстратом* (лат. *substratum* – основа, подкладка). Наиболее яркими примерами субстрата могут служить следующие: язык галлов – субстрат французского языка, язык даков – субстрат румынского, язык иберов – субстрат испанского. Названные языки-субстраты, принадлежавшие древним племенам, были вытеснены латинским языком. Понятию субстрата противоположно понятие *суперстрата* (от лат. *super* – над, *сверх* и *stratum* – *слой, пласт*). *Суперстрат* – это результат растворения в исконном языке языка пришлых этнических групп. При этом язык пришельцев, воздействуя на язык местного населения, не разрушает его систему, а лишь обогащает её. Примером может служить воздействие турецкого языка на болгарский.

Адстрат (от лат. *ad* – *при, около* и *stratum* – *слой, пласт*) – это нейтральный тип языкового взаимодействия, при котором не происходит растворения одного языка в другом, а возникает прослойка между двумя самостоятельными языками при условии их территориального соседства. Процессы и результаты изменений, возникающих как из-за взаимодействия языков друг с другом, так и в силу внутренних закономерностей, исследует *ареальная лингвистика*.

Функциональная классификация

Функциональная классификация языков учитывает множество постоянных и переменных факторов, связанных с взаимодействием языка и общества. Основными из них являются следующие: количество живых и мертвых языков, количество носителей живых языков, роль языка в современном мире, письменные и бесписьменные, естественные и искусственные языки, формы существования языков.

По *функциям*, которые язык выполняет в обществе, выделяют *литературные языки* и *диалекты*, *государственные языки*, *культурные языки* и т.д.

По связям языка с этнической общностью выделяют языки народностей, племенные языки и национальные языки.

По распространенности языка за пределами этнической территории и его роли в современном мире выделяют *местные языки*, *региональные языки*, языки *межнационального общения* и *мировые языки*. К мировым языкам обычно относят рабочие языки ООН – английский, русский, французский, китайский, испанский и арабский.

Одним из основных понятий в функциональной классификации языков является понятие *языковой ситуации*.

Под *языковой ситуацией* обычно понимают функциональную общность языков и их вариантов, обслуживающих некий социум: этническую общность, государство, политико-территориальное объединение. Различают *одноязычные* и *многоязычные* языковые ситуации. Обычно наблюдаются многоязычные языковые ситуации, когда в одном социуме функционирует 2-3-4 языка. Например, двуязычной является Финляндия (финский и шведский языки), трехязычной Бельгия (французский, фламандский и немецкий), четырехязычной – Швейцария (немецкий, французский, итальянский и ретороманский языки).

Различают сбалансированные и несбалансированные языковые ситуации. *Сбалансированной* языковая ситуация является тогда, когда в обществе наблюдается равноправное функционирование языков. Это бывает крайне редко. Даже в Швейцарии - стране, языковая ситуация которой считается сбалансированной, на ретороманском языке говорит лишь 1 % населения, что ограничивает его общественные функции.

В наиболее распространенных *несбалансированных* языковых ситуациях языки выполняют неодинаковое количество функций. Так, значительное число жителей Индии говорит на хинди, но предпочтение как государственному отдано английскому языку, потому что в стране говорят на сотнях языков различных племен и английский обеспечивает взаимопонимание их представителей.

Различные страны и регионы мира характеризуются своей особой языковой ситуацией, сложившейся в ходе истории их развития. Функциональная классификация языков дает представление об их специфике, характеризует функции языка в обществе.

ТЕМА 12. ИЗ ИСТОРИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Теоретическое (общее) языкознание как особый отдел науки о языке выделилось только в XIX в., но оно появилось не на пустом месте – оно унаследовало проблемы и идеи, которые обсуждались философами, логиками и филологами с древнейших пор, с того времени, как люди осознали существование разных языков, необходимость филологической работы над текстами, сложность изучения и преподавания языков.

*Теоретические аспекты описания языков
в древнем мире и в средние века*

Древнейшие практические грамматики родного языка были написаны в Индии и Греции. В Индии уже в V–IV вв. до н. э. существовали описания фонетики и словообразования древнеиндийского литературного языка – санскрита. В Греции в IV в. до н. э. была разработана классификация частей речи, определены многие грамматические категории, создана грамматическая терминология.

В китайском языкознании на рубеже нашей эры были созданы учения о фонетике, о тонах и рифмах, разрабатывались нормы орфоэпии, рождались словарные труды.

В средние века большого развития достигло арабское языкознание, наиболее ярким достижением которого было создание словарей разных типов. В этот же период создаются грамматики древнееврейского языка, осмысливается близость арамейского, древнееврейского и арабского языков.

Теоретическими проблемами языка в древнем мире и в средние века занимались философы и логики. В центре их внимания была проблема происхождения языка. Ученые древней Индии признавали божественное происхождение языка. В Древней Греции обсуждался вопрос: рождается ли слово вместе с вещью или создается человеком, который и присваивает вещи ее название? Спор продолжался и в средние века и послужил основой для постановки ряда лингвистических проблем в XVII–XVIII вв.

В Новое Время, в период создания национальных государств в Европе возрос интерес к национальным языкам. В XVI–XVII вв. создаются грамматики европейских языков, в том числе и первая славянская грамматика.

В этот период получила широкое распространение философия рационализма, наиболее развернуто изложенная Декартом. Эта философия выдвинула в качестве основы научного познания разум (лат. *ratio*), теоретическое мышление. С позиций рационализма философы XVII и XVIII вв. обсуждали вопросы о происхождении языка, о связи слова и понятия, о знаковой природе слова, о создании единого языка человечества. В свете идей рационализма французские ученые XVII в. Антуан Арно и Клод Лансло создали «Всеобщую рациональную грамматику». Они исходили из того, что язык основан на разуме, связан с мышлением. Категории разума едины для всего человечества, универсальны, хотя и выражаются на разных языках по-разному. В основу описания языка Арно и Лансло положили категории логики. Почти столетие лингвисты следовали теоретическим позициям и установкам Рациональной грамматики. Направление в изучении и описании языка, созданное Арно и Лансло, получило название логицизма.

Возникновение сравнительно-исторического языкознания

По мере развития мореплавания, торговли, колониальных захватов европейцы сталкивались все с большим числом неведомых ранее языков, на которых говорили народы Азии, Африки, Америки. В XVIII в. стала широко обсуждаться мысль о существовании родственных и неродственных языков. Были определены отдельные группировки родственных языков. Например, М. В. Ломоносов указал на родство славянских и балтийских языков, на сходства между некоторыми европейскими языками.

Толчком к установлению родственных связей между языками послужило знакомство европейских ученых в конце XVIII – начале XIX в. с древнеиндийским литературным языком – санскритом. Совершенно неизвестный до того времени в Европе, этот язык оказался очень близким к хорошо знакомым в Европе латинскому и греческому языкам. Обнаружение совпадений слов и форм между языками, не имевшими никаких контактов на протяжении тысячелетий, привело к мысли об их происхождении от одного и того же праязыка, который когда-то распался и породил семью родственных языков.

Труды немецких ученых первой четверти XIX в. Франца Боппа, Якоба Гримма, датчанина Расмуса Раска, русского лингвиста Александра Христофоровича Востокова заложили основы сравнительно-исторического языкознания. Сопоставляя слова и формы одного языка на разных этапах его развития, сравнивая слова и формы родственных языков друг с другом, лингвисты установили закономерные, регулярно повторяющиеся соответствия, требующие научного объяснения. Язык имеет историю, он развивается по определенным законам, один язык может дать начало семье родственных языков – эти совершенно новые для начала XIX в. идеи резко изменили содержание и направление развития лингвистической науки. Ее предметом стало изучение истории и родственных связей языков мира.

Из совокупности научно обоснованных приемов сопоставления слов и форм возник сравнительно-исторический метод – первый собственно лингвистический метод изучения языков.

*В. Гумбольдт – создатель общего языкознания
как отдела лингвистической науки*

Основателем общего языкознания стал выдающийся немецкий ученый начала XIX в., философ и филолог в широком смысле этого слова Вильгельм Гумбольдт.

В опубликованном уже после его смерти в 1836 г. труде «О языке кави на острове Ява» Гумбольдт поставил важнейшие проблемы теории языка: сущность языка, язык и мышление, происхождение языка, язык и народ, язык и человек, историческое развитие языка, язык и культура, внутренняя форма в языке, знаковая природа языка, язык и речь, субъективное и объективное в языке, системность языка и некоторые другие.

Гумбольдт разделял философские идеи Гегеля. Принимая многие идеалистические постулаты (существование божественного начала, человеческой души, народного духа и другие), он в то же время был диалектиком: в центре его внимания был язык как вечно движущееся явление, как энергия, преодолевающая в своем развитии противоречия. Именно в этой части учение Гумбольдта наиболее плодотворно. Ответы Гумбольдта на поставленные им теоретические вопросы вызвали полемику, не завершившуюся до сих пор. Значение деятельности Гумбольдта состоит, прежде всего, в том, что он охватил единым взглядом широчайший круг теоретических проблем языкознания и определил содержание нового отдела лингвистики, получившего при своем возникновении название «общее языкознание».

С середины XIX в. начинают формироваться направления и школы теоретического языкознания, различия между которыми определяются, прежде всего тем, как их представители решают вопрос о сущности языка и его связи с мышлением.

Натурализм – наивно-материалистическое направление в теоретическом языкознании середины XIX в.

Известный немецкий лингвист, много сделавший для сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков, специалист по литовскому языку, Август Шлейхер создал теорию о естественном, природном организме человеческого языка, который рождается, растет, стареет и умирает как живое существо, независимо от воли человека. Увлекаясь идеями Ч. Дарвина, Шлейхер полагал, что организмы языка делятся подобно животным на семейства, роды, виды, подвиды и индивиды. Они скрещиваются и борются за существование. Из одного языка может вырастать, как из корня, множество новых организмов. Диалекты и языки бесписьменных народов находятся в возрасте «детства человеческого языка» и представляют особый интерес для изучения, так как они растут естественно.

Шлейхер не интересовался вопросом об отношении языка к мышлению. Он относил языкознание к естественным наукам и призывал наблюдать за организмами языка, подчеркивая важность изучения роста и развития языков.

Истолкование природы и сущности языка с помощью аналогий из мира растений и животных в настоящее время не может быть принято всерьез, однако натурализм имел и положительные следствия. Терминология исторического языкознания (генеалогическая классификация языков, семья языков, ветвь языков, дерево языков, живые и мертвые языки, организм языка, родственные и неродственные языки и мн. др.) сохраняет на себе печать натурализма. Концепция Шлейхера способствовала возникновению диалектологии и изучению контактов между языками, в том числе неродственными. Без знания идей натурализма многие моменты в становлении современной науки о языке были бы неясными. Все это

обеспечивает теории Шлейхера место в истории теоретического языкознания.

Психологизм в языкознании XIX в.

В середине и второй половине XIX в. распространяется осмысление и истолкование природы языка как одного из проявлений психики человека. К этому времени большие успехи сделала молодая тогда наука – психология. Немецкий психолог И. Герbart открыл ряд закономерностей (ассоциативные процессы) в психической деятельности человека, хотя, в соответствии с уровнем психологической науки своего времени полагал, что изучает «душу» человека.

Открытия психологов по-разному использовались лингвистами, создавшими в рамках психологизма несколько теоретических концепций.

Язык и народная психология в теории Г. Штейнталь

Немецкий языковед Гейман Штейнталь свое психологическое понимание природы языка хорошо выразил в следующем определении: язык – это выражение осознанных внутренних психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков. Изучение языка должно опираться на психологию, а не на логику, как это было раньше. Язык, по мысли Штейнталья, создается в обществе. Не отдельный человек создает язык, а общество. Если человек говорит, а его понимают, значит, то, что он говорит, уже присутствовало в уме слушателя до момента речи.

Штейнталь, таким образом, обратил внимание на общественные факторы в языковой деятельности. Развивая одну из идей Гумбольдта, он находил связь между типом языка и культурой народа. По словам Штейнталья, изучение языка приводит к пониманию законов душевной жизни в коллективах (национальных, политических, религиозных и т.п.): через типы языка познаются типы мышления и культура народов.

Эти и другие плодотворные идеи Штейнталья не получили у него самого разработки на конкретном языковом материале, однако они так же, как его критика логицизма, натурализма, целый ряд положений об особенностях устройства и функционирования языка были развиты его последователями и оказались полезными для теоретического языкознания.

Проблема связи языка и мышления в концепции А.А. Потебни

Александр Афанасьевич Потебня – крупнейший представитель психологизма в России, выдающийся языковед-теоретик, историк славянских языков и фольклора. Среди широкого круга проблем, по которым он высказывался, комментируя, в частности, труды Гумбольдта и Штейнталья, основное место занимает проблема связи языка и мышления.

Потебня считал, что язык мог возникнуть только вместе с мыслью, сознанием, что язык постоянно развивается и совершенствуется исключительно в силу потребностей мысли, которая бессознательно

стремится к созданию новых категорий. Будучи орудием сознания, сам язык есть создание бессознательное. Новые языки более совершенны, чем древние, потому что заключают в себе больший капитал мысли.

Эти идеи Потебня блестяще подтвердил анализом обширного фактического материала из истории синтаксиса славянских языков. Изучая историю языка, Потебня стремился постичь историю мысли.

Большим вкладом в теоретическое языкознание явились также его высказывания о происхождении языка, о значении слова, об отношении слова и понятия, предложения и суждения, о проблеме язык и народ, а также его яркая критика логицизма и натурализма в языкознании.

Идейное и научное наследие Потебни сохраняет свою ценность и в настоящее время.

Индивидуалистический психологизм в концепции немецких младограмматиков

Группа молодых немецких лингвистов, начавших свои исследования в 60–70-х гг. XIX в. в Лейпциге, стала известна в науке под именем младограмматиков. Младограмматики изучали исторические изменения фонетики и морфологии разных индоевропейских языков. Их теоретические взгляды наиболее полно изложены в книге Германа Пауля «Принципы истории языка», выдержавшей пять изданий на немецком языке и переведенной на все основные европейские языки.

Теоретической базой языкознания младограмматики признают немецкую идеалистическую психологию своего времени. Но в отличие от Штейнтеля они понимают язык как выражение психической деятельности индивида. Только индивидуальная психология признается в их концепции реальностью, а народная объявляется вымышленной абстракцией.

Психика каждого индивида, его «душа», как именовали ее идеалисты, замкнута в каждом индивидууме. Она понималась младограмматиками как организм представлений, существующий в полной изоляции от всех других «душ». Звуки языка – это физический продукт, который подобно камешку перебрасывается от одного индивидуума к другому, чтобы привлечь его внимание и пробудить в «душе» слушающего движение представлений, соответствующее тому, которое произошло в «душе» говорящего.

Младограмматики считают, что явления речевой деятельности протекают главным образом за порогом сознания, «в темной сфере души»; там идет постоянное изменение организма языковых представлений, составляющее историю языка. Изменения происходят в каждой «душе» отдельно, но они могут у нескольких «душ» оказаться сходными.

Младограмматики основательно разработали теорию звуковых изменений в языке; благодаря психологическому подходу к семантике открыли закон изменений языковых форм по аналогии.

Исследовательская практика младограмматиков заложила прочный фундамент исторического изучения языка.

*История языка и история народа
в концепции Ф.Ф. Фортунатова*

Основатель Московской лингвистической школы сравнительно-исторического языкознания Филипп Федорович Фортунатов по основным теоретическим проблемам разделял позиции младограмматиков. В то же время Фортунатов выдвинул положение о тесной связи и зависимости истории языка от истории говорящего на этом языке народа. Он утверждал, что праязык, из которого развились языки индоевропейской семьи, уже состоял из диалектов, потому что на нем говорил народ, уже делившийся на племена. Фортунатов показал, что дробление праязыка не могло быть только последовательным разъединением, подобным ветвлению ствола дерева. Народы могут не только расходиться; после разъединения они могут и вновь сойтись и снова разъединиться. Соответственно этому и их языки будут то расходиться, то сходиться. Такая постановка проблемы была оригинальной и новой для европейских ученых.

В трудах Фортунатова в начале XX в. затронут ряд важных вопросов, относящихся к проблематике изучения системы языка: о знаковой природе языка, о соотношении суждения и предложения, о нулевой форме слова, о словосочетании как единице синтаксиса и другие, но главной заслугой Фортунатова в теоретическом языкознании остается сделанный им поворот к осмыслению связи истории языка с историей говорящего на нем народа.

*Проблематика изучения системы языка
в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра*

На рубеже XIX и XX вв. в разных естественных и общественных науках начинает формироваться понимание системной организации объектов природы и общества. В этот период развернулась творческая деятельность выдающегося польского и русского лингвиста Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ, основателя казанской и петербургской школ русских лингвистов.

Понимая язык как явление психическое, Бодуэн под влиянием русской материалистической физиологии перешел от понимания психики как проявлений индивидуальной души к ее научному пониманию как функции мозга. И явления языка Бодуэн осмыслил как результат деятельности мозга, его различных отделов.

Основная идея Бодуэна состояла в том, что для науки гораздо важнее изучать живой язык, чем языки, исчезнувшие и воспроизводимые только по памятникам письменности. Языковые явления нужно изучать в той системе, в которой они даны говорящему человеку, различая в живом настоящем слои прошедшего и зародыши будущего. Бодуэн де Куртенэ понимал диалектическую взаимосвязь исторического развития и современного состояния языка и не разрывал их в научном исследовании.

Непреходящее значение имеет вклад Бодуэна в изучение системы языка: открытие фонемы как элемента системы фонем и установление некоторых системных отношений между фонемами (позиционных, живых чередований и чередований исторических, следы которых остались в некоторых группах слов).

Бодуэн высказал много интересных идей и по проблемам происхождения, развития и функционирования языка в пространстве и времени, а также предложил ряд новых методов изучения языка, в том числе математических. Его труды продолжают служить источником идей для разработки теории языкознания и в наши дни.

Одновременно с Бодуэном де Куртенэ создавал свою концепцию системы языка швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр. Эта концепция изложена в посмертно опубликованной в 1916 г. книге «Курс общей лингвистики».

В речевой деятельности людей Соссюр разграничил ЯЗЫК и речь. К ЯЗЫКУ Соссюр отнес все психическое. Он определил ЯЗЫК как факт коллективной психологии, коллективного сознания, социальный аспект речевой деятельности. Чтобы отличать те явления речевой деятельности людей, которые Соссюр отнес к ЯЗЫКУ, от обиходно-бытового значения слова «язык», которое охватывает всю языковую деятельность, в дальнейшем ЯЗЫК в понимании Соссюра будем писать прописными буквами.

Все физическое и физиологическое Соссюр отнес к речи, которую метафизически отграничивал от ЯЗЫКА. ЯЗЫК, по теории Соссюра, обладает своим внутренним устройством, полностью заключен в области психики и безразличен ко всему внешнему, в том числе и к речи. Для устройства ЯЗЫКА несущественны внешние обстоятельства жизни людей – исторические, географические, экономические и т.п.

ЯЗЫК состоит из знаков, образующих систему. Знаки существуют в сознании одновременно, синхронно, изучать их можно только в статике, поэтому языкознание должно стать синхроническим.

Соссюр, так же, как и Бодуэн де Куртенэ, решительно повернул лингвистов к изучению современных живых языков. Он открыл по существу новый предмет изучения – ЯЗЫК, систему социально обусловленных психических знаков, синхронно хранящуюся в мозгу человека, и наметил приемы и методы ее изучения. Соссюр высказал целый ряд других оригинальных идей, в частности, идею о включении лингвистики в семиотику – науку о знаках, которая в то время только зарождалась. Новизна и яркость изложенных в книге Соссюра идей привлекли к его концепции внимание лингвистов всего мира.

В то же время из книги Соссюра большинство лингвистов сделали вывод, что можно изучать язык в синхронии, не обращаясь к истории языка, к его диахронии, что можно изучать соотношения знаков ЯЗЫКА, не интересуясь внешними факторами жизни народа, говорящего на этом языке, что можно разобраться в устройстве ЯЗЫКА, не принимая во внимание речь. Такие

недиалектические установки легли в основу трудов многих последователей учения Соссюра.

Структурализм в языкознании первой половины XX в.

Лингвистические школы первой половины XX в., решавшие задачи изучения и описания системы языка, получили общее название – структурализм, предложенное первоначально чешскими лингвистами в 1928 г. на первом съезде славистов.

Представления об устройстве системы языка, методы ее обнаружения у лингвистов разных стран были неодинаковы. В рамках структурализма одновременно сложились и развивались три разных направления: пражская функциональная лингвистика, датская глоссематика, американская лингвистика.

Пражская функциональная лингвистика создавалась группой ученых, объединившихся в Пражский лингвистический кружок, основанный в 1926 г. Вилемом Матезиусом. Матезиус понимал ЯЗЫК как систему целесообразных средств выражения, каждый элемент которой имеет свою функцию и лишь потому существует. В Пражский лингвистический кружок вошли некоторые русские ученики Бодуэна де Куртенэ, эмигрировавшие из России после Октябрьской революции.

Важнейшим вкладом в структурную лингвистику были труды Пражского лингвистического кружка по фонологии. Ученик Бодуэна Николай Трубецкой в книге «Основы фонологии» (1939) впервые сформулировал правила нахождения фонемы среди вариантов и сочетаний фонем и представил характеристику разнообразных структурных отношений (оппозиций) между фонемами. Книга Трубецкого содержит описания систем фонем многих языков мира.

Пражцы выявили особенности фонологической структуры морфем, ее преобразования в сочетаниях морфем друг с другом и тем самым заложили основы создания и разработки новой лингвистической дисциплины – морфонологии.

Лингвисты Пражского кружка объяснили историческое развитие языка как развитие системы. Вслед за Бодуэном они исходили из диалектического понимания взаимосвязи диахронии и синхронии языка.

Важное место в научном наследии пражцев занимает учение Матезиуса об актуальном членении предложения, его коммуникативной перспективе, заложившее основы структурного изучения синтаксических явлений.

Большое внимание пражцы уделили созданию структурной типологии языков. Они изучали проблему сближения языков путем взаимного влияния. В Пражском лингвистическом кружке были поставлены актуальные вопросы о соотношении литературного, письменного языка и диалектов, о существовании функциональных стилей языка; были выдвинуты проблемы нормирования устной и письменной речи.

Пражцы заложили рациональные основы исследования структурных отношений в системе языка, опираясь более всего на факты естественных языков.

Датская глоссематика – это учение копенгагенского лингвиста Луи Ельмслева. Он уделил основное внимание выяснению теоретически возможных структурных отношений в системе некоторого абстрактного языка. Изучение и описание фактов конкретных языков его не интересовало. Понимая, что такое языкознание очень резко отличается от традиционного, Ельмслев предложил для создаваемой им теории и новое название – глоссематика (от греч. glossa – слово).

Философской основой глоссематики является логический позитивизм – разновидность субъективного идеализма, который провозглашал единственной реальностью лишь отношения между субъективными представлениями людей.

Приветствуя идею Соссюра о системном характере языка, Ельмслев сожалеет о том, что Соссюр не вполне отрешился от материальной субстанции языка и не перешел полностью в область чистой структуры. Ельмслев строит теоретическую модель языковой структуры и создает новую терминологию для нее.

В модели Ельмслева отразились многие черты систем естественных языков, поэтому отдельные ее моменты оказались перспективными для развития лингвистики. Таковы, например, деление ЯЗЫКА на план содержания и план выражения, различие в том и другом плане формы и субстанции. Под субстанцией в плане выражения понимается континуум звуков, а в плане содержания – континуум человеческого опыта. Особенно плодотворным оказалось членение формы. В плане выражения Ельмслев членит формы на фигуры-фонемы, а в плане содержания фигурами являются мелкие компоненты смысла, не всегда находящие соответствие в плане выражения. Форма покрывает континуум субстанции подобно сети, которая набрасывается на него сверху и разбивает на ячейки, определяет границы между его участками.

Ельмслев показал возможности использования в лингвистике символики и некоторых методов анализа, принятых в математической логике.

Однако в целом концепция Ельмслева, оторванная от фактов живых естественных языков, оказалась практически неприменимой для описания конкретных языков.

Американская дескриптивная лингвистика представляет собой особый структурный подход к изучению языка, разработанный в США. Знакомясь с бесписьменными языками индейцев, американский лингвист Франц Боас создал методику фиксации звучащей речи с последующим членением ее на значащие части. Получился список (инвентарь) морфем и перечень правил их осмысленного сочетания друг с другом. Такая методика дает возможность получить квалифицированное описание не знакомого исследователю языка, не имеющего никакой письменности.

Этот практический метод изучения языка был преобразован в лингвистическую теорию Леонардом Блумфильдом. Дескриптивная концепция языка изложена Блумфильдом в 1933 г. в его книге «Язык».

Философские позиции Блумфильда составляет вульгарно-материалистическая теория поведения – бихевиоризм (англ. behaviour – поведение), согласно которому все поступки человека определяются его биологическими инстинктами. Язык в концепции Блумфильда – лишь одна из форм поведения человека, помогающая ему удовлетворять свои потребности с помощью других людей.

Проблема связи языка с мышлением в концепции Блумфильда не ставится, потому что мышление в его трактовке – это фикция. Существуют лишь мускульные движения и секреторная деятельность желез, различные у разных людей. Этот подход особенно категорично сформулировал один из учеников Блумфильда, который заявил, что мысль есть деятельность речевого аппарата.

Вульгарно-материалистические позиции дескриптивизма делают понятным, почему его представители сознательно отказывались обращаться к значению – категории мысли и занимались только регистрацией и описанием языковых форм.

Дескриптивисты создали несколько методов членения речевого потока на осмысленные отрезки и построения связного высказывания из таких отрезков. Они подготовили, методические основы для обработки языкового текста с помощью электронно-вычислительной машины.

Американские структуралисты показали важность научно обоснованного анализа языковой формы, но отказались от теоретического осмысления связи формы и содержания в языке, от характеристики качественного своеобразия единицы языка.

Структурные методы изучения языка

Структуралисты всех направлений выдвинули на первый план формальную сторону языка, план выражения и разработали полезные методы для его изучения. Среди этих методов можно указать следующие.

1. Методы выделения фонемы как элемента системы фонем и выявления типов оппозиций между фонемами для построения системы фонем.

2. Дистрибутивный анализ той или иной единицы языка в ее окружении, в ее сочетаемости с соседними единицами. По своим окружениям единицы могут быть распределены на классы для определения их места в системе языка.

3. Анализ по непосредственно составляющим путем последовательного разбиения предложения на пары составляющих; предназначается для машинного анализа и синтеза языковых текстов.

4. Трансформационный анализ, с помощью которого выясняются классы синтаксических конструкций, выражающих одну и ту же пропозицию или

денотативную ситуацию, например *сестра читает книгу, книга читается сестрой, чтение книги сестрой*.

5. Группировка лексем в лексико-семантическое поле с помощью серии приемов, которыми определяется состав поля, его ядро, периферия и выявляются оппозиции между элементами поля.

6. Компонентный анализ семем, разлагающий их на семы –минимальные компоненты значения.

Социолингвистика и психолингвистика в зарубежном языкознании XX в.

В первой половине XX в., в период расцвета структурализма, который ориентирует ученого на исследование системы языка в полной изоляции от условий жизни и содержания мыслей говорящих людей, зарубежные лингвисты очень мало занимались проблемами взаимосвязи языка и общества, языка и мышления. К этим проблемам они обратились во второй половине XX в., когда стало очевидным, что в рамках структурализма уже нельзя получить принципиально новых результатов.

Известный специалист по языкам индейцев Америки Эдуард Сепир еще в начале 30-х гг. развивал мысль о существовании в каждом языке специфических моделей, которые определяют строение слов и предложений, а также влияют на поведение и способ мышления людей, определяют «модели культуры» народа.

Это положение было развито учеником Сепира Бенджаменом Ли Уорфом, работы которого получили известность уже после смерти ученого в 50-х гг. XX в. Сравнивая язык американских индейцев племени хопи с европейскими языками, Уорф показал глубокое своеобразие грамматических категорий неродственных языков. Эти убедительные и новые для науки факты он попытался объяснить теоретически. Следуя идеям логического позитивизма, Уорф полагал, что структура языка находится в психике человека и утверждал, что логика людей подчиняется структуре языка, у каждого народа она особая, своя собственная. Уорф думал, что люди совершают те или иные поступки, подчиняясь тому образу мышления, который навязан им языком, и не могут мыслить иначе, чем предписывает язык.

Концепция Сепира-Уорфа получила название этнографической лингвистики.

Аналогичные идеи развивает западногерманский лингвист Лео Вайсгербер, отталкиваясь от концепции внутренней формы языка Гумбольдта. Он считает, что язык определяет и характер, и результаты познания, что язык господствует над человеком, что он определяет культуру народа и мировоззрение общества.

И американские, и западногерманские исследователи, затрагивающие проблему связи языка и общества, решают ее, таким образом, в духе приоритета языка.

С середины XX в. в США появляются труды по психолингвистике, в которых решаются проблемы порождения и восприятия речи, овладения родным и неродным языком, двумя и более языками, вопросы патологии языкового поведения, роли языка в познании и другие, требующие выхода из сферы «чистой структуры» языка в область психологии, физиологии мозга и других смежных наук.

Американская психолингвистика использовала, в частности, многие идеи общей теории связи, так называемой теории информации, возникшей в сфере технических наук. В соответствии с этой теорией человек рассматривается как канал для передачи информации, совмещающий передающую и принимающую системы, каждая из которых работает согласно своему устройству.

Зарубежное языкознание в настоящее время, преодолев узость чисто структурной проблематики, занимается более широким кругом проблем социолингвистики и психолингвистики.

Получило развитие контрастивное изучение родного и иностранного языка, началось становление когнитивной лингвистики, которое связывают с трудами американских авторов Джорджа Лакоффа, Рональда Лангакера (в другой транслитерации – Ленекера), Рэя Джакендоффа и ряда других. Это направление выводит на новый уровень изучения проблему соотношения языка и мышления.

Теоретическое языкознание в России (60-90 гг.)

С конца 50-х гг. началось интенсивное изучение зарубежных лингвистических теорий, которые до этого времени расценивались как «буржуазные» и не заслуживающие научного анализа. Постепенно весь круг теоретических проблем современной лингвистической мысли вошел в поле зрения российских ученых.

Наряду с оживлением сравнительно-исторических исследований родственных языков, формировались структурные подходы к изучению систем современных живых языков.

В 70-е гг. бурно развивались математические методы описания языка, необходимые для разработки машинного перевода. На стыке языкознания и математики сформировалась вычислительная лингвистика.

В 80-90-е гг. расширяется исследовательская база психолингвистики, развивается логический анализ естественного языка, заметное место занимают контрастивная и когнитивная лингвистика, предложившие новые подходы к решению проблемы «язык и мышление». В рамках социолингвистики углубляется понимание проблемы «язык и общество», появляется лингвистическая культурология.

Сосуществование противоречивых, порой взаимоисключающих теорий языка составляет особенность развития науки о языке начала XXI века.

Разнообразие научных направлений в лингвистике XX века обусловило разработку многих новых методов изучения языка. Наряду с уже известными

методами сравнительно-исторического, типологического и структурного языкознания стали использоваться математические, нейро- и психолингвистические методы, методы контрастивной и когнитивной лингвистики. Представим их краткую характеристику.

Существуют методы *нейролингвистического* изучения языка, которые требуют применения специальной аппаратуры, постановки экспериментов и специальных, не только лингвистических знаний.

Психолингвистические методы опираются на эксперименты с носителями языка, требуют большого количества испытуемых, тщательно продуманной системы опроса и обработки материалов экспериментов.

Контрастивные методы направлены на описание сходств и различий родного и иностранного языков, выявление отличительных черт иностранного языка в сфере фонетики, морфологии, лексики, синтаксиса.

Для каждого нового направления в лингвистике, для решения каждой новой группы задач создаются и новые методы. В настоящее время разрабатываются *когнитивные* методы исследования языка, направленные на выявление языковыми средствами тех единиц мышления (концептов), которые образуют ментальную сферу человека, его концептосферу.

Разнообразные частные методы, служащие для изучения разных аспектов языковой деятельности человека, не мешают, не препятствуют друг другу. Каждая группа методов применяется в своей области и решает свои задачи. Более того, разные методы дополняют друг друга при изучении разных сторон языковой деятельности. Структурные методы позволили глубже понять закономерности исторических изменений языковых систем. Типологические сопоставления раскрыли национальную специфику языков. Контрастивная лингвистика дает возможность вывить и описать различия языков в форме, удобной для обучения этим языкам. Математические методы выявили многие особенности устройства и функционирования системы языка и т.д. Когнитивные методы дают возможность заглянуть в глубины мозга, выявить и описать единицы человеческого мышления и т.д. Создание каждого нового метода дает возможность узнать новые стороны языковой деятельности людей.